

Новый Перевод

Мигель Сервантес

Дон Кихот
тома
Ламаанчский

перевод
Алексея Козлова

Мигель Сервантес

**Дон Кихот Ламанчский. Том I.
Перевод Алексея Козлова**

«Издательские решения»

Сервантес М.

Дон Кихот Ламанчский. Том I. Перевод Алексея Козлова /
М. Сервантес — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984712-6

Перевод Алексея Козлова I тома «Дон Кихота Ламанчского» — первой части великого романа доблестного Мигеля де Сервантеса — порождение одинокого гения и духа одной из величайших империй мира. Автор поставил перед собой амбициозную задачу написать Испанскую «Библию», страшно старался воплотить это, но вопреки своим намерениям, отправив в невероятно смешное путешествие по этому обществу пожилого христианского безумца-идеалиста, создал великую сатиру на испанское общество.

ISBN 978-5-44-984712-6

© Сервантес М.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава Первая	11
Глава II	15
Глава III	20
Глава IV	25
Глава V	30
Глава VI	34
Глава VII	40
Глава VIII	44
Глава IX	50
Глава X	54
Глава XI	58
Глава XII	63
Глава XIII	67
Глава XIV	74
ПЕСНЯ ОТЧАЯНЬЯ ГРИЗОСТОМА	75
Глава XV	82
Глава XVI	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дон Кихот Ламанчский. Том I

Перевод Алексея Козлова

Мигель Сервантес

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Мигель Сервантес, 2020

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2020

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-4712-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-4713-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маркизу АЛЬКОСЕРКСКОМУ,
Сеньору КАПИЛЬЯССКОМУ,
КУРЬЕЛЬСКОМУ И БУРГИЛЬОССКОМУ

Ввиду того, что Вы, Ваша Светлость, украшая собой ряды королевских вельмож, более других готовых продвигать и пестовать изящные искусства, склонны оказывать радушный и гостеприимный прием книгам всякого рода, в том числе и таковым, которые по своему благородному устройству не вольны унижаться до угождения вкусам всякой беспросветной черни, задумал я выпустить в свет своего «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского» под патронажем славного имени Вашей Светлости и сейчас, с той же коленопреклонённостью, какую внушает мне Ваше несравненное величие, и умоляю Вас принять его под ваше всемилостивейшее покровительство, дабы он, хотя и не снабжённый обычным набором драгоценных украшений и причудливых виньеток, обязательных атрибутов книжного красноречия и учёности, обычно сопутствующих стандартному убранству произведений, появившихся из-под пера людей просвещённых, дерзнул под сенью Вашей Светлости героически выставиться на суд тех, кто, давно вырвавшись за пределы своей необразованности, сохранил привычку при оценке чужих трудов выносить не столь выверенный и справедливый, сколь жестокий приговор своему детищу, — Вы же, Ваша Светлость, уставив очи своего несравненного ума в мои благие чаяния, я надеюсь, не отринете столь откровенного проявления нижайшего моего уважения и преданности Вам.

Мигель де Сервантес Сааведра

ПРОЛОГ

Вот читатель: и без всяких клятв ты можешь поверить мне, что я хотел бы, чтобы эта книга, дитя моего вдохновения, оказалась самой красивой, самой галантной и самой ненавязчивой из всех, какие только можно себе представить! Однако я был не в состоянии противостоять духу Природы: а в ней каждая вещь может породить только своё подобие. Итак, что может быть в бесплодной и плохо выпеченной моей фантазии, кроме истории о малолетнем сыне, высохшем, задубевшем человеке, полном самых взбалмошных горячечных мыслей, какие не придут в голову нормальному человеку. подобный тем, какие рождаются в тюрьме, где только неудобства и сутолока и лишь печальный шум наполняет унылую камеру! Тишина, благостный покой, приветливость полей, безмятежность небес, журчание родников, возвышенность духа – вот здоровая пища для большей части самых бесплодных Муз, вот что делает их плодовитыми и способными породить в миру то, что наполняет его удивлением и радостью. Бывает, что у отца уродливый, убогий сын, лишённый всякой благодати, но любовь, которую отец испытывает к нему, закрывает отцовские глаза, дабы он не видел сыновних уродств, напротив, он находит в них не уродства, а красоты, и порой рассказывает о них своим друзьям как об остроумии и индивидуальности его. Но я, столь похожий на отца дон Кихота, на самом деле прихожусь ему всего лишь отчимом, и потому не хочу идти проторенными путями, как делают другие, и не намерен умолять тебя, о мой дражайший читатель, почти со слезами на глазах, закрывать глаза на явные его несовершенства, простить его прегрешения или вообще закрыть ена них глаза или смотреть на них сквозь пальцы, ведь в конце концов это не родня тебе и не друг твой, я не могу приказывать душе твоей, её выбор свободен, как у всякого зрелого опытного мужа, и твоя воля пребывает в твоих собственных владениях, где ты полновластный господин и хозяин, и подобно тому, как король властен в своём королевстве устанавливать любой налог, и тебе наверняка известна старинная поговорка «Когда я под своим плащом – померюсь силой с королём!»

Всё это освобождает тебя от всяких церемоний, экивоков и похвал, и таким образом ты можешь судить об этой истории и говорить всё, что тебе взбредёт на ум, не опасаясь, что тебя вздуют за критику или чересчур вознаградят за лесть, которой ты случайно опростоволошишься!

Я просто хотел бы дать тебе её совершенно нагой и непреукрашенной, без предисловия, а также без пренебреженного каталога снотворных надоедливых сонетов, эпиграмм и дифирамбов, которые обычно сваливают в начало всех книг. Не буду скрывать, что, хотя написание этой книжки стоило мне немалых трудов, ни один из них не давался мне столь тяжело, как это предисловие. Много раз я брался перо, пытаюсь что-то написать, и ещё больше раз бросал это дело, не зная, что мне сказать моему читателю. И так продолжалось до тех пор, пока однажды, когда я сидел, скрючившись в нерешительном ожидании над столом, с чистым листком бумаги перед собой, с пером за ухом, локтем на буфете и рукой под щекой, раздумывая, что сказать читателю, неожиданно появился мой друг, смешливый весельчак и непоседа, который, видя меня таким зачумлённым, спросил меня о причине такой мрачной задумчивости и, ничего не скрывая, я сказал ему, что размышляю над предисловием к истории славного Дон Кихота и что мне не везёт, потому что ничего у меня не получается, а если у меня предисловие не выходит, я уже подумываю о том, стоит ли вытаскивать подвиги такого благородного рыцаря на свет, и издавать эту книгу, если...

– Как вам сказать, судя здраво, чтобы мне не зап, кстатитутаться в том, что скажет старый зануда законодатель, мой читатель – о своём герое, которого они наверняка посчитают вульгарным, когда увидят, что через столько лет, проведённых в темноте полного забвения, веков кладбищенской тишины, я выхожу сейчас, со всеми моими седыми волосами и выволакиваю

на буксире какое — то мрачное создание, изъеденного мышами сухаря, чуждого божественной фантазии, нудного и бедного по виду, бледного по стилю, абсолютного неуча и идиота, сочинение, лишённое внятного плана, сюжета и концепции, без примечаний на полях и без аннотаций в конце книги. Разве до того было мало книг, сказочно нечестивых и вздорных, коих постиг суровый и скорый приговор публики? А между тем иные ушляки — авторы украшают страницы своих сочинений неумеренным количеством цитат из Аристотеля, Платона и всей этой камарильи древних философов, так, что их читатели прыгают от восторга и ходят на ушах, благодаря чему эти приснопамятные авторы почитаются за людей просвещённых, начитанных и умных. И красноречивых, кстати. Но это ещё куда ни шло, а ведь они готовы зацитировать до дыр само Святое Писание! Прочтёшь иные тексты — и думаешь, что тут не иначе как Святой Фома порезвился и натоптал, или целый кагал церковных учителей ворвался с папками и указками в класс! И как они пользуют Святое Писание? Как лисы, всё ссылаются на святого Фому, и по виду делают это так прилично, хотя если присмотреться, в первой строке у них кукующий влюблённый, а через строчку — нагорная проповедь со всеми её красотами, ну просто заливают елеем и закидывают читателя подарками, любо-дорого смотреть!

Ничего этого нет в моей книге, потому что нечего мне написать на полях и не к чему мне долгие примечания! Скажу больше: не имею понятия, каких авторов я цитировал в своей книге, и посему я не могу представить в ней по заведённому образцу хотя бы список имён в алфавитном порядке — список, куда непременно попали бы и Аристотель, и Ксенофонт в придачу к Зоилу и Зевксиду, несмотря на то, что один из них был просто сквернослов, а другой — плохой художник.

Кроме того, в начале моей книги не должно быть сонетов, по крайней мере сонетов, авторами которых являются герцоги, маркизы, графы, епископы, дамы или поэты, хотя, если бы я попросил их у двух — трех сослуживцев и друзей, я знаю, что они тут же нанесли бы мне их целую кучу, и таких, какие не сравнятся с сочинениями знаменитых Испанских бездарей! В общем, сеньор и друг мой, — продолжил я, — я определил, что сеньор Дон Кихот будет похоронен в глубинах своего архива в Ла-Манче, пока небо не ниспошлёт на Землю того, кто не отешет его и не избавит от недостатков, наделив тем, чего ему не хватает, потому что я не в состоянии их исправить, из-за моей бездарности и недостатка имеющихся в алфавите букв, и потому, что я, само собой разумеется, разболтан и ленив, чтобы искать авторов, которые будут твердить то же самое, что я могу выговорить и без них. Отсюда рождается и моя слабость и растерянность, друг мой, и во всём том, что вы слышали от меня, содержится веское к тому основание.

Услышав сие, что мой друг хлопнул себя по лбу и громко расхохотавшись сказал мне:

— Ради Бога, брат мой, видит бог, я только что разочаровался в обмане, в котором пребывал всё время, что я знаю вас, ведь я всегда был уверен в выверенности и благоразумности всех ваших поступков. Но чёрт возьми, я вижу, что вы так же далеки от него, как небо от Земли. Как это было возможно, чтобы такие мелкие и легкоустраняемые недостатки, которые так легко исправить, могли иметь такие катастрофические последствия, могли разрушить и поглотить столь зрелый здравый смысл, как ваш, который и большие трудности раньше не могли сломить? Уверен, что это рождается не из-за неумения, а из-за лени и вялости мысли. Хотите узнать, правда ли то, что я говорю? Итак, будьте внимательны, и вы увидите, как в мгновение ока я разрешу все ваши трудности и выправлю все недостатки, которые, как вы говорите, сковывают и сдерживают вас, и толкают на то, чтобы не выносить на свет историю вашего знаменитого Дон Кихота, светоча и зеркала всего бродячего рыцарства.

— Скажите, — возразил я его тезисам, — как вы собираетесь вытянуть меня из пучины ужаса и обуздать хаос моего смятения?

На что он сказал:

— Первое, что у вас нуждается в исправлении — скопище сонетов, эпиграмм и посвящений, которыми нужно заняться в первую очередь, и заняться этим нужно самым серьёз-

ным образом, ибо их авторами должны быть знаменитые персоны, и это можно исправить тем, что вы сами их сочините, а затем можете приписать их кому Бог на душу положит, вы сами можете поставить имя, которое вы захотите, и если даже если их окрестить Иоанном Индийским или императором Трапезундским, о которых я знаю только то, что есть сведения, что они были знатными поэтами, разница небольшая, никто никогда ничего не заметит, никто никогда не поймёт, жили ли они вообще, и если жили, то когда, а если дело примет дурной оборот, и какой-нибудь педант из этих сумасшедших бакалавров докопается до истины и выяснит, что они никогда ничего подобного не писали, а возможно, никогда не существовали, и начнёт змеиным своим жалом исподтишка на вас шипеть, и даже уличит во лжи, то не следует такое шипение принимать близко к сердцу и всерьёз считаться с ним, потому что, поверьте мне, сейчас не те времена, чтобы руку, которая наврала, кто-то стал бы рубить топором!

Что же касается ссылок на полях книги – на неких авторов, цитаты и высказывания из сочинений которых вы приводите в своей книге, то цитируйте только те места, которые вы хорошенько помните, а древние латинские байки, сентенции или поговорки приводите только те, которые зазубрили наизусть, или, на худой конец, такие, какие вам не составит труда отыскать в книжной макулатуре, так, например, разглагольствуя о свободе и рабстве, следует блеснуть таким мозгодробительным перлом:

«Non bene pro toto libertas venditur auro»,

что возможно значит

«Свобода дороже злата!»

И затем на полях можно указать, что автор Гораций, и добавить, где он это ляпнул. Мол, посмотрите, дуралеи, сколь много я знаю из того, что вообще не следует знать!

Если вы попытаетесь воспеть силу смерти, то прошу на выход с:

«Pallida Mors aquo pulsat pede pauperum tabernas, regumque turres».

Перевести это на человеческий язык почти невозможно, но попытка не возбраняется никому и никогда.

Если разговор зашёл о дружбе или любви, которую Бог, как вы знаете, не так давно заповедовал нам, повелевая иметь пристрастие даже к врагам своим, тогда шустро отправляйтесь в сарай за Святым Писанием, и там на всякий вкус сколько угодно рассуждений Бога по этому поводу, и такие, и сякие, и пятые, и десятые, по крайней мере вот такое есть точно:

«Ego autem dico vobis: diligite inimicos vestros!»

Мало найдётся тех, кого не потрясёт этот перл!

У читающего сие, особенно если он ни черта при этом не понимает, должна всё равно пробежать благодатная искра по хребту!

Если вы попытаетесь избавиться от дурных мыслей, быстро хватайтесь за Евангелие, и никогда после не выпускайте эту книжицу из рук:

«De corde exeunt cogitationes malae».

На случай неверности друзей под рукой всегда должен быть Катон со своими стишками:

«Donee eris felix, multos numerabis amicos.

Tempora si fuerint nubila, solus eris».

Чуете, куда нас влечат поиски собственного «Я»?

С этими мерзкими латинянами и другими им подобными, вы приобретёте немалый авторитет, и как примерный горожанин и как грамматик, что наверняка доставит вам не только ува-

жение, но и приличный доходец, от которого никогда и ни при каких обстоятельствах не следует отказываться.

Что касается примечаний, которые придадут вашей писанине вид серьёзных сочинений, то вы можете сделать это по такой схеме: если в вашей книге поселится какой-нибудь несусветный гигант, с места в карьер назовите гиганта Голиафом, и только так, это проще пареной репы, а пользы – воз и маленькая тележка, ведь у вас сразу появляется возможность для развёрнутого примечания, что де гигант этот тот самый Голиас, или Голиаф, как хотите, филистимлянин, коего пастушок Давид убил большим булыжником, выпущённым из пращи, в долине Требинто, как говорится в Книге Царей, в главе, которую вы найдете там, где ей надлежит быть. После этого, коль вам приспичит отличиться и в светских науках, а быть может и прослыть космографом, сделайте так, чтобы в вашей истории, как и во всех остальных невесть откуда выкатилась чудная река Тахо, а затем можете развернуться потрясной, цветистой картиной, типа:

«Река Та-Хо была так сказать, названа в честь неизвестного испанского короля, своим истоком имеет такое-то дремучее местечко и умирает в Море-Окияне, целуя стены знаменитого города Лиссабона, и, по мнению некоторых знатоков, несёт в себе преобильные золотые пески, которые...» ну... и так далее и тому подобное.

Если речь зайдёт о разбойниках, а как уж тут без них, родимых, я подскажу вам вот что – вставьте в свой роман историю Злого Како, я знаю его, как облупленного; а ежели вам вынь да положь блудниц, пожалуйста, вот вам епископ Мондоньедо, который одолжит вам и Ламию, и Лайду и Флору, а ссылка на него сделает вас в глазах окружающих философом с большой буквы; если вам по вкусу всякое зверство и жестокость, тут Овидий мгновенно отдаст вас Медее; нужны чародеи колдуны, пожалуйста, их есть у нас, у Гомера – его Калипсо, а у Вергилия – Цирцея; если же вы записной храбрец, Юлий Цезарь весь от макушки до пят отдастся вам в своих комментариях, а Плутарх выплеснет на вас сразу тысячу Александров. Зайди речь о любви, и знай вы даже всего лишь пару Тосканских словечек, вы сразу столкнетесь с Иудеем-Львом, который в этой кухне толк знает, только держитесь от его придумок. Если вы домосед и вас не тянет скитаться по чужим странам с ломаным медяком в кармане, у вас в доме точно отыщется затёртый Фонсека, его «Любовь Божья», которая удовлетворит все потребности и более потрясающего знатока, чем вы. Итак, вам остаётся только побряцать в волю именами, которые я вам тут накидал, и через слово всё время кивать на их произведения; сноски же и примечания оставьте мне на закуску, и я вам головой ручаюсь, что поля вашей повести не будут иметь живого места от моих несносных сносок, а примечания займут множество страниц в конце текста!

Давайте теперь вернёмся к списку авторов, которые есть в других книгах, и которых в вашей не хватает. Средство, которое у вас есть, очень легкодоступное, потому что вам не нужно ничего делать, кроме как найти книгу, которая содержит их все, от А до Я, как вам и нужно. Ну, тот же список вставьте в свою книгу; и неважно, что всё это – обман, потому что из-за той малой необходимости, которую вы имели к использованию этих авторов, это nebude иметь никакого значения, и, возможно, найдётся простаки, которые поверят, что вы только и делали, что воспользовались в своей простой и бесхитростной книге чужой мудростью. И даже если это не послужит истине, по крайней мере, этот длинный список авторов придаст вашей книге невиданный авторитет. И более того, не будет никого, кто станет выяснять, следовали ли вы за этими авторами или не следовали за ними, разница не велика; тем более, что, хотя я обращаю ваше внимание, что эта книга не нуждается ни в ком из тех, о ком вы говорите, они ей совершенно не нужны, ибо в ней всё от первой до последней буквы направлено против рыцарских романов, о которых даже в самом страшном сне не вспоминал Аристотель, ничего не говорил святой Василий, и не думал Цицерон. Ни дотошность философии, ни ни тончайшие наблюдения астрологии не имеют значения, геометрические измерения здесь совершенно излишни, не важны ни путанные доводы риторики, здесь не найдётся места рели-

гиозной проповеди, мешающей человеческое с божественным, чего следует стыдиться и избегать любому уважающему себя автору. Вам просто нужно позаботиться о подражании Природе в том, что вы пишете, и чем более совершенным зеркалом Природы вы будете, тем лучше будет то, что будет написано. И только потому, что это ваше Писание является ничем иным, как попыткой уничтожить власть рыцарских романов в обществе, а посмотрите сами, как они популярны и в высшем свете и у простолюдинов, то вовсе ей не пристало попрошайничать мнений философов, кланяться советам Божественного Писания, тащить в каморку басни поэтов, записывать молитвы риториков, подтверждать чудеса святых, но следует лишь стремиться к тому, чтобы всё написанное было понятно, фразы были честными и слова выверенными, а текст ваш был звучен и праздничен; Ваши намеренья – прозрачны, понятия не замутнены, и ни в чём не было нисколько утайки или лжи. Побеспокойтесь также о том, чтобы читая вашу книгу, меланхолик захохотал, смешливый упал на пол от смеха, простолюдин не испытал злости, сдержанный пришёл в восторг от вашей изобретательности, серьёзный не впал в презрение и благоразумный не перестал хвалить прочитанное. Действительно, наведите свои прицелы, чтобы поразить шаткую конструкцию этих нелепых рыцарских книг, ненавидимых многими и хваляемыми несмотря на это толпами других, что, и знайте, что если вы хоть в малой степени достигли этого, вы свершили немало.

В глубоком молчании я выслушал то, что говорил мне мой друг, и так отпечатались в моём мозгу его божественные доводы, что я, не вступая в бессмысленный спор, одобрил их и почёл за благо вставить в своё предисловие. Итак, ты видишь, мой милый читатель, как благоразумие моего друга, а также милость Провидения и пособничество Фортуны, которые послали в нужный момент такого великолепного советчика, виновного в том, что история знаменитого Дон Кихота из Ла Манчи, о котором говорят все жители района Кампо-де-Монти, легко и ненавязчиво попадёт в твои руки, и ты узнаешь всё о человеке, который был самым целомудренным влюбленным из всех влюблённых и самым храбрым рыцарем из всех рыцарей, каких когда-либо видели в наших краях. Но я не буду преувеличивать своих заслуг, расхваливая себя за знакомство со столь благородным и столь почетным рыцарем, но я хочу, чтобы ты всё-таки возблагодарил меня за то, что получил в лучшие друзья и знаменитого Санчо Пансу, его оруженосца, в котором, по моему мнению, я показал самые лучшие качества всех верных оруженосцев мира, которые бездарно и широко разбросаны в бескрайних библиотеках на страницах пустых книжонок, посвящённых рыцарству. И с этим дай бог тебе всяческого здоровья, а меня не забывай!

Глава Первая

В коей рассказывается о происхождении Дон Кихота Ламанчского и поясняется, кто он вообще-то такой.

В некоем богом забытом селеньи Ла-Манчи, которое мне противно даже припоминать, не так давно влачил свою долгую жизнь один довольно примечательный идалго по имени не то дон Кехана, не то – дон Кихудра, не то ещё как, обладатель древнего фамильного щита с наполовину облезшей краскою, худющей кобылёнки с торчащими во все стороны как гвозди рёбрами и старой борзой собаки. Горшок с чем-то вроде овощей, чаще с вареной говядиной, реже – с бараниной, вине-грет на ужин ближе к ночи, пост по пятницам, чреватый только миской вареной чечевицы, всегдашняя яичница с салом в субботу, жареный голубь в виде весомой добавки по воскресеньям – вот всё, на что уходило три четверти его скромного дохода.

Всё остальное тратилось на выходное полукафтанье довольно тонкого сукна, широкие бархатные штаны и остроносые туфли из того же бархата, в которых он щеголял по праздникам, в будни довольствуясь домотканым костюмом из грубого, но весьма добротного сукна и такими же штанами.

У него в доме проживала экономка, которой перевалило уже далеко за сорок лет и племянница, не достигшая и двадцати, да ещё слуга более чем преклонного возраста, гораздый и камни ворочать в огороде, и орудовать в саду секатором, когда потребует нужда.

Сойдёмся на том, что возраст нашего Идалго был примерно около пятидесяти лет. Он был худ, как ссохшаяся в головешку мумия, про таких говорят – «кожа да кости», с морщинистым лицом, это был неисправимый любитель вскочить с постели с утра пораньше и к тому же человек неимоверно азартный до всякого рода охоты и приключений. Как его звали, никто точно не знает до сих пор. Одни утверждают, что у него было прозвище Кехада, другие говорят, что его звали Кесада, так что пусть это останется на совести иных авторов, а мы можем только надеяться, что они не врут в своих рассказах, хотя по нашим достоверным догадкам имя его было всё же Кехада, и хотя это не сможет ничего изменить в нашем повествовании, я всё же считаю, что в данном случае даже в мелочах следует придерживаться как можно более строгой истины.

Между тем, нам не мешало бы знать, что этому вышеупомянутому джентльмену, в то время, когда он сидел дома в полном бездействии и бездельи, а это продолжалось львиную часть года, выпало несчастье приобщиться к чтению рыцарских инкунабул, которые так пришлись ему по вкусу и столь полюбились, что он забыл и забросил почти всё, что касалось охоты и развлечений, запустил управление своим немудрёным хозяйством, и настолько погрузился в это глупое занятие, что продал добрый кусок своей изрядно запущенной земли, дабы только иметь возможность покупать рыцарские книги. Таким образом, в конце концов он стащил в свой дом все книги, какие только можно было сыскать в округе. И, надо сказать, никакие книги не казались ему столь изысканными, как те, что были написаны знаменитым Фелисиано де Сильвой, потому что ясность его слога и витиеватость его замороченных рассуждений показались нашему чтецу истинным жемчугом, и более того, он просто сходил с ума от тех мест, где были вызовы на поединки или трогательные любовные послания, где можно было обнаружить тирады, подобные этой:

«Мадам! Благорасположение вашего таинственного неразумия, отвергающее моё утончённое здравомыслие, позволяет мне сетовать на ваше всемогущественнейшее цветущее великолепие».

Или что-то в подобном роде:

«... О, высоколобые небеса и божественность вашей обожествлённости вкупе со звездами укрепляют вашу исключительность и делают вас достойным заслуг, которых заслуживает ваше великолепное величие».

Вот такие это были книги! По этим причинам, бедный наш кабальеро, тщаь проникнуть в их тайный смысл и разгадать их истинное значение, над чем сломал бы голову даже премудрый Сократ и чего не достиг бы и сам Аристотель, внезапно воскреснув и попади в такой переплёт, наконец сломал бы себе голову и полностью лишился бы здравого рассудка.

Не лучше обстояло дело и с ранами, которые Дон Бельянис наносил своим врагам и получал от своих врагов, потому что он думал, что какими бы великими мастерами ни были лекари, исцелявшие его, он всё равно должен был являть лицо и всё тело, испещрённое шрамами и ссадинами. Но, тем не менее, он возносил этого автора за то, что тот закончил свою книгу обещанием продолжить эти бесконечные приключения, и посему ему часто приходило в голову желание самому взяться за перо и закончить эту несравненную историю так, как было обещано, и он, без всякого сомнения, сделал бы это и даже, пожалуй, лучше, чем автор, если бы другие более высокие и неотвязные мысли не помешали ему в этом. У него много раз были жаркие споры с местным священником, человеком весьма начитанным и даже, как говорят, выпускником Сигвензы, о том, кто был лучшим из рыцарей и потому – предпочтительнее: Пальмерин Английский или Амадис Галльский. Однако маэстро Николаус, местный цирюльник из того же местечка, утверждал, что никто из них и в подмётки не годится потрясающему любое воображение рыцарю Феба, и что если кто-то может кое-как сравниться с ним, то только Дон Галуар, брат Амадиса Галльского, ибо он тут вне конкуренции, потому что не фитюлька какая-нибудь и не такая плакса, как его брат, и что в храбрости с ним никто рядом уж точно не стоял.

Так вот, он так погрузился в своё чтение, что посвящал все ночи и просиживал над чтением с глубокой ночи до раннего утра, что в конце концов от короткого сна и долгого чтения, совсем иссох умом и потерял здравый рассудок.

Его фантазия переполнилась всем, что он вычитывал в книгах: чудесами и подвигами, сражениями и страданиями, ранами и кознями, любовью и бурями, в общем, всевозможным бредом, который столь прочно засел в его воображении, что стал казаться ему истинной правдой, да такой, с какой не сравнится ничто в мире. Он утверждал, что Руй Диас был очень хорошим рыцарем, но ему никак не сравнится с Рыцарем Огненного Меча, который шутя, одним ударом мог разрубить двух огромных великанов. Он превозносил Бернардо дель Каприо, только оттого, что тот, подобно Геркулесу, задушившему сына Земли Антея, задавил в Россевальском ущельи зачарованного Роланда. Он очень хорошо отзывался о великане Морганте, только потому, что тот, будучи настоящим гигантом, оставался при этом невероятно добр и отменно воспитан. Но никто не стоял у него выше Царя Монтальбанского, и особенно после того, как тот выехал из своего замка и немилосердно грабил всех, кто только попадался ему под руку, и в своём заморском вояже выкрал идола Мухаммеда, целиком отлитого из золота, как утверждает автор повествования. А получи он на растерзание предателя Галалона, он бы не моргнув глазом, любому отдал бы за это чудо не только свою экономку, но в придачу к ней и любимую племянницу.

В итоге, окончательно свихнувшись мозгами, он пришел к самому своему ужасному решению, к какому едва ли кто склонялся из безумцев, и он счел нужным и необходимым, дабы возвеличить свою честь и послужить как должно своей республике, стать блуждающим рыцарем и пойти по миру с оружием, и лошадью, ища на свою голову приключений и упражняясь во всём, о чём начитался в книгах, полагая благом совершенствоваться во всём, что бродячие рыцари употребляют для упрочения своего имени и славы. Представьте себе беднягу, уже увенчанного в своём больном воображении трудами его дланей, по крайней мере, короной

Трапезундского Королевства! И с такими приятными, такими сладостными мыслями, в которых был, поверьте мне, весьма зловещий привкус, он поспешил поскорее реализовать то, что столь стремительно задумал.

И первое, что он сделал – стал приводить в надлежащий порядок своё оружие, которое принадлежало ещё его прадедам и дедам, весь этот хлам, пропахший мочой и покрытый вековой плесенью, который до этого лежал всеми забытый в пыльном углу. Очистив и отремонтировав всё это как можно более тщательным образом, он, однако, увидел, что среди этого добра кой-чего не хватает, и хотя у него есть старый шишак, шлема с забралом у него нет и в помине. Как ни странно, тут ему на выручку явилась его крайне истошная, и в итоге, из картонных коробок он сделал полукруглое подобие шлема с забралом, который, что в сочетании с шишаком, придало всему этому весьма цельный вид. Не будем скрывать от благодарных потомков, что, когда он, дабы проверить свою силу и стойкость своего шлема, вытащил свой меч и нанес ему два удара, то первым же из них он в один момент истребил то, что он сотворил в течение недели, и при этом ему была невыносима та лёгкость, с какой его амуниция разлетелась на куски, однако, убедившись в шаткости и ущербности своего шлема, он сотворил его ещё раз, воткнув для надёжности изнутри несколько гнутых железных прутьев, да так, что в результате остался вполне доволен его крепостью, и, не желая повторять плачевные эксперименты, убедился и признал, что это шлем изумительно тонкой и изящной работы.

Затем сделал смотр своей тощей кляче, и хотя она была хрома на все четыре копыта, и была ущербна много более, чем знаменитая, кобыла Гонелы, и по сути *tantum pellis et ossa fuit* («Была только кожа да кости» (лат)), он счёл, что ни Буцефал Александра, ни Бабьека Сида с ним, как ни крути, не сравнятся. Четыре дня он провёл в досужих размышлениях, какое бы звонкое имя дать своей кобыле, ибо, как он твердил постоянно про себя, не было никаких оснований для того, чтобы такой хороший, знаменитый, как он сам, конь, оказался без звучного имени. Он рассуждал таким образом, что если уж судьбе было угодно устроить всё таким образом, что в его жизни произошли такие серьёзные изменения, то такие же изменения должны произойти и в жизни его коня, хотя бы это было просто изменение имени, и следовательно, его коню подобает новое, громкое и потрясающее имя, подобающее его новому статусу и приличествующее сану хозяина и одновременно напоминающее о прежнем коне, каким ему пришлось быть до того, как его хозяин стал странствующим рыцарем. Всё это время он рылся в своей памяти, и напрягал всё своё воображение, пытаясь выудить оттуда разные имена, изыскивал их, обсмакивал, ощупывал со всех сторон, находя то подходящими, то отбрасывая сходу, переделывал уже имевшиеся и потом брезгливо отметал, снова принимаясь потом составлять из слогов и обрывков слов, и всё это с тем, чтобы наконец остановиться на Росинанте, имени, без всякого сомнения, звучном и благородном, но тонко намекающем на то, что некогда этот конь был обычной сельской клячей, а теперь, обскакав всех скакунов мира, явился самой продвинутой клячей в мире.

Найдя столь удачное имя для своего коня и пытаясь присобачить своё имя к имени своей лошади, он стал тщательно подбирать имена и для себя, и эта титаническая мыслительная деятельность безостановочно кипела ещё восемь дней, пока в её итоге не появился во всём своём блеске Дон Кихот, от, как уже было сказано, дотошные авторы этой подлинной истории выяснили впоследствии, что, без сомнения, его подлинным именем было имя Кихада, а вовсе не Кесада, как считали все прочие. Но вовремя вспомнив, что мужественный Амадис вовсе не удовлетворился тем, что называл себя Амадисом, что было бы слишком сухо и официально, но добавил к своему имени название своего королевства и страны, чтобы и его сделать знаменитым и прославить в веках, в результате чего и был назван Амадисом Галльским, он счёл, что приличному джентльмену подобает приличествующая добавка к имени, обозначающая место его пребывания, и потому отныне его зовут и будут вечно звать Дон Кихот из Ла Манчи, или

Дон Кихот Ламанчский, чтобы его род и страна запомнились и были почтены тем, кто первым взял подобное прозвище.

Затем он завершил гомерическую чистку своих лат, гордясь тем, что умудрился сделать из голого шишака полноценный шлем, и держа в уме, что он имеет в своей конюшне гордого рысака с потрясающим именем. Достигнув почти пределов своих желаний, он осознал, что ему нечем заняться, кроме как искать даму, в которую можно влюбиться по уши, потому что странствующий рыцарь без любви всё равно, что пень без листьев и груша без плодов, а тело его лишено души.

Он сказал:

– О, если в назидание за мои грехи или в результате счастливого случая, я окажусь рядом с каким-то великаном, как это обычно бывает со странствующими рыцарями, видит бог, я неминуемо сокрошу его, или рассеку напополам, или, наконец, если я свергну и пленю его, то схомутаю, как раба, и это будет прекрасно, если я смогу привести его к моей милой даме, чтобы он мог встать пред ней на колени и промолвить ей смиренным и дрожащим голосом:

«Я, мадам – великан Каракулиамбр, Владыка Швабер-Малиндруанского Архипелага, который был побеждён в честном бою один на один неизвестным рыцарем, и только потому что ему никогда не приходилось раньше сражаться с такими блестящими рыцарями, как Дон Кихот из Ла Манчи, и он повелел мне предстать перед вами в надежде на ваше милосердие и дабы ваше величество могло распорядиться мной по собственной надобности и настроению!»

О, каково же было ликование нашего доброго рыцаря, когда он изрек эту божественную сентенцию! И тем более, что он тут же обнаружил, кого назвать своей дамой.

Нужно отметить, что, как полагают, в местечке неподалеку от его села проживала очень недурная видом бабёнка, крестьянка, в которую он когда-то был влюблен, хотя, понятно, она этого никогда не знала, и узнай про такое, ей это бы точно не понравилось. Звали её Алдонзой Лоренцо, и ему показалось, что было бы неплохо присудить ей звание Дамы Сердца, и, подыскивая для неё подходящее имя, которое не сильно отличалось бы от её собственного, и одновременно ассоциировалось бы с именем какой-нибудь знаменитой принцессы или великосветской дамы из книг, он пришёл к глубокому убеждению, что нет ничего лучше, как назвать её Дульцинеей Тобосской, что логично, ибо родом она была из селения Тобоссо, именем, по его мнению, утончённым и гораздо более значительным, чем все прочие имена, которые он непрерывно перебирал в уме целые сутки напролёт.

Глава II

Рассказывающая о первом триумфальном выезде гениального дон Кихота из своего села.

Завершив таким образом все свои приготовления, Дон Кихот не захотел больше сидеть на месте, и решил тут же приняться за приведение в жизнь своего замысла, сочтя, что всякое промедление с его реализацией самым пагубным образом отразится на ждущем его подвигов человечестве, ведь, полагал он, время не ждёт, сколько в мире зла, которое нужно искоренить, сколько кривды, которую нужно выпрямить, сколько несправедливости в мире ждёт исправления, сколько обид требуют его вмешательства, чтобы загладить их. И так, не раскрывая никому своего намерения и тогда, когда никто не мог видеть его, однажды утром того июльского дня, который обещал быть одним из самых жарких месяцев лета, он нацепил все свои доспехи, захватил все свои орудия, поднялся и залез на Росинанта, кое-как приладил свой новый шлем к голове, поднял щит, схватил копьё, и через задние ворота скотного двора выехал в поле, полный волнительного счастья и чарующего воодушевления, горя восторгом, чтобы побыстрее увидеть, как легко удалось дать начало этому величественному доброму намерению.

Но едва он осознал себя стоящим посреди поля, как на него обрушилась страшная мысль, и такая страшная, что он впал в испарину и уже стал подумывать прекратить своё начинание и отступить, и надо сказать, вот по какой причине: он вдруг вспомнил, что не посвящён в рыцари, и что, по рыцарским законам, он не мог и не должен был брать в руки любое оружие, потому что не имеет права вступать в схватку с любым посвящённым рыцарем, и пока он был новобранцем, он обязан был носить белое оружие, пока его доблесть не позволит ему снискать статус рыцаря и завоевать девиз на щите. Эти мысли заставили его заколебаться и усомниться в правильности принятого решения, и он уже хотел было повернуть назад, но, возможно, безумие больше, чем какая-либо другая причина, подтолкнуло его к мысли, что в рыцари его может посвятить в подражание многим рыцарям, о коих он читал в книгах и которые поступали так, первый попавшийся на его пути встречный-поперечный, тот, кто с ним первый столкнётся, и всё это – подражая многим другим рыцарям, которые сделали это, по его словам, и о чём он читал в книгах, которые у него были. Что же касается оружия и доспехов, то он намеревался надраить их таким образом, чтобы они были белее доспехов Арминия, и на этом успокоился и продолжил свой путь, не имея другого направления, кроме того, которым трусил его конь, полагая, что в этом и состоит сила Провидения на пути к самым лучшим приключениям.

И вот, трусая по полю, наш новый авантюрист, при этом беседовал сам собой:

– Кто бы сомневался, но в грядущие времена, когда моя славная история выйдет на свет, и истинная история моих знаменитых деяний станет известной миру, то мудрец, который их опишет, дойдя до места, когда я буду рассказывать про этот мой первый славный выход, он скорее всего будет описывать его так:

«Едва только златовласый Феб распустил на лице широкой и просторной земли золотые кудри своих прекрасных волос, едва малюсенькие, ярко окрашенные птички своими ангелоподобными, сладкими, гармоничными трелями приветствовали пришествие розовопёрстой Авроры, которая, оставив мягкое ложе своего ревнивого супруга, распахнула ворота и окна высокого Ламанчского горизонта и обратила взор на проснувшихся смертных, когда знаменитый рыцарь Дон Кихот-Де-Ла-Манча, оставив в покое пух и перья мягчайшей своей перины, вскочил на знаменитого коня своего Росинанта и тронулся в долгий путь по древней, славной Монт�эльской равнине...»

Тут Дон Кихот не соврал – он ехал именно по этой приснопамятной долине.

И надо добавить, что он ехал, и продолжал бормотать при этом себе под нос:

– Блажен тот век и вечно блажен тот, кому выпадет описывать по порядку все мои божественные и воистину достославные подвиги и деяния, достойные того, чтобы быть воспетыми в поэмах слух и изображёнными на полотнах и вычеканенными в мраморе в будущем в назидание благодарным потомкам. О, ты, прекрасный волшебник, кто бы ты ни был, тот, кому выпадет лицезреть и описывать невиданные мои подвиги и приключения, об одном молю тебя, что ценится выше золота этого мира! Не забудь, верного моего Росинанта, сосед, который был со мной во всех моих переделках и на всех моих дорогах, где бы я ни был!

Затем он снова открыл рот, и стал чрево вещать, как будто он действительно был по уши в кого-то влюблён:

– О, принцесса Дульцинея! Жестокая захватчица моего сердца! Очень обидно мне, что я был изгнан тобою, и мне, осыпанному укоризненными упрёками, предложено было держаться как можно дальше от вашей несравненной красоты и величия. О, умоляю вас! Выньте из меня своё оружие, и проявите милосердие к тому, чьё сердце, страдая, продолжает вас любить!

С этими словами он как будто нанес кому-то ещё один, теперь уже последний удар, всё так, как его учили его книги, подражая, как только было в его силах витиевтому языку этих романов. При этом он трусил на своей кобыле так медленно, и солнце заходило с таким запозданием, и с таким жаром, что его было бы вполне достаточно, чтобы растопить ему все мозги, если бы они у него были.

Почти весь этот день он плёлся, не зная, что ему ещё сказать, и с ним не происходило практически ничего, вследствие чего он сразу пришёл в отчаяние, ведь ему очень хотелось наткнуться на кого-нибудь, на ком можно испытать силу своей мужественной руки. Авторы могут подтвердить, что его первое приключение произошло в Ущелье Лаписо, когда же другие утверждают, что это были ветряные мельницы. Но то, в чём я мог убедиться лично сам, что я смог узнать об этих случаях в местных летописях, и то, что я записал в своих «Анналах», это то, что он бродил весь тот день, и к вечеру и он сам и его верный Росинант смертельно устали и проголодались, и что, вперяясь во всё окружающее, чтобы увидеть хоть какой-нибудь заваливающий замок или кибитку пастухов, или шатёр бедуинов, где можно было бы подкрепиться хоть какой-то пищей и питьём, размять затёкшие члены, и тут он видел, что совсем не далеко от дороги, по которой ехал, стоит постоялый двор, который был так желанен для него, как путеводная звезда для заблудившегося, готовая не просто вести его к Храму Спасения, а втолкнуть его внутрь этого храма. Он поспешил тронуть поводья и Росинант подошёл к постоялому двору как раз вовремя, потому что уже стало вовсю смеркаться.

Они были совсем близко от ворот, когда две девушки, из числа тех, какие ходят по рукам, в сопровождении погонщиков мулов они собирались быстро попасть в Севилью и вынуждены были заночевать на постоялом дворе, в то время как всё, что наш авантюрист выдумывал, видел или воображал, как это было сделано по образу и подобию описанного в книгах, так что в этот момент у него в мозгу что-то щёлкнуло и он увидел не забытый богом постоялый двор, а замок с четырьмя рослыми сверкающими башнями по углам, гремящим цепями продёмным мостом и со всеми теми его многочисленными приверженцами, которые несомненно обретаются в подобных замках. Тут Дон Кихот дёрнул Росинанта за поводья, надеясь, что какой-нибудь карлик встанет между зубцами стены и подаст сигнал какой-нибудь трубой о том, что рыцарь прибыл в замок. Но как он увидел, что карлик сильно запаздывает и что Росинанту не терпится добраться до родной конюшни, он подошел к воротам постоялого двора и тут увидел двух наших гулящих бабёнок, оказавшихся тут как тут, и при этом приняв их не то за почтенных красоток, не то за красивых дам, неспешно прогуливающих перед воротами королевского замка.

Надо было тому приключиться, что какой-то хулиган-свинопас, который сгонял с истоптанных пажитей стадо своих свиней – прощу прощенья, но никому ещё не удалось по другому назвать этих милых существ, ибо только так они и называются – затрубил в рог, по знаку кото-

рого они они вновь собирались в стадо, и мгновенно представил Дон Кихоту то, что тот хотел узреть, что, де, какой-то гном сделал подал знак о его пришествии, и тогда, с великой радостью бросился к постоялому двору и к дамам, которые, однако, увидев, что на них надвигается нечто огромное и очень странно экипированное в диковинный наряд, с копьем и щитом пред собой, и полные страха, собирались уже броситься от него на постоялый двор, но Дон Кихот, пытаясь предотвратить их истощное бегство, и убедить в том, что ничего страшного не происходит, подняв картонное забрало и явив всем высохшее, пыльное лицо, спокойным голосом, почти нежно сказал им:

– Не бойтесь, милые сердцу моему мадмуазели, ибо не следует бояться ни одного из тех, кто принадлежит к тому ордену, к которому принадлежу и я, и который не способен чинить зло кому бы то ни было, тем более столь знатным и высонравственным девицам, как ваши милостивые высочества!

Бабёнки эти воззрились на него во все глазищи, выискивая лицо, на которое снова сползло это мерзкое забрало, но, как только они услышали, что их называют девицами, что было столь далеко далеко от истины, учитывая их профессию, они не могли не заржать так, что Дон Кихота это, кажется, даже немного смутило, но он пересилил желание ретироваться и сказал им:

– Хорошо, кажется, мирская красота обрамляется степенностью, и надо признать, что беспричинный, легкомысленный смех, поверьте, я говорю не о вас, и не для того, чтобы вас огорчить, смутить или расстроить, является признаком дурного воспитания или плохого вкуса!

Язык его, который дамы не понимали вовсе, и нескладные манеры нашего рыцаря вызывали в них всё более сильный смех, а в нём – гнев, и не явись сюда сам трактирщик, неизвестно чем бы всё это ещё кончилось. Трактирщик, который, будучи слишком толстым, в соответствии с этим качеством, был человеком и очень спокойным, можно сказать, меланхолическим, но даже он, завидев нелепую фигуру, вооружённую жутким тяжёлым копьем и корявым, ржавым щитом, топорщащимися чешуями панциря, чуть было не присоединился к дико ржущим девицам, и ему стоило невероятных усилий, чтобы удержаться от дикого хохота. Но в итоге, опасаясь непредсказуемости этой корявой машины убийства и разрушения, он решил как можно более вежливо поговорить с прикольным типом, и по-человечески вывести его намерения и потому сказал ему:

– Если ваша милость, господин рыцарь, ищет гостиницу, аминь, с ложем, то надобно знать, что таких тут нет вовсе, а у нас есть только кровати, а всё остальное у нас в великом изобилии, правда кроватей, честно говоря, кот наплакал!

Дон Кихота, узрев смирение начальника крепости, а он принял пузатого хозяина постоялого двора именно за коменданта крепости, который, как ему показалось, мог быть провожаемым для него, понизил тон и умиротворённо изрёк:

– Для меня, господин костельничий, достаточно всего, что я вижу, потому что мой наряд – моя кольчуга, битва – мой лучший отдых, борьба – это всё.., ну и так далее.

Хозяин, послушав его, возомнил что гость назвал его «костильничим», потому что он был похож на здоровых кастильских парней, а на самом деле он был андалузцем, да ещё с пляжа Сан Лукар, и не менее вор и громила, чем знаменитый Кака Кастильский и не менее жуликоватый, чем школяр или студент, так что он в итоге ответил ему:

– Я так рад, что в соответствии с вашими требованиями кровати вашей милости будут жёсткими, как булыжник, и ваш сон, таким образом, будет всегда чуток и таким образом вам сам бог предоставил удачный случай, поселив в моей скромной хижине и случай этот таков – вас поджидает миллион возможностей и поводов не смыкать глаз хоть целый год, а то, что в эту ночь вы ни разу не сомкнёте глаз, я могу вам гарантировать!

И, сказав это, он взял на бордаж кобылу Дон Кихота, который с большим трудом спешился и едва стоял на ногах, потому что с утра у него во рту маковой росинки не было. Затем

он сказал хозяину, чтобы тот получше позаботился о лошади великого пилигрима, потому что это было по его мнения самое лучшее травоядная тварь в мире. Пузан посмотрел на жалкую кобылу, и не нашёл в ней и половины заявленных достоинств, какие утверждал Дон Кихот, и тут же отвёл четвероногого друга Дон Кихота в стойло, и мгновенно вернувшись назад, осведомился, не угодно ли тому чего пожелать и увидел, как девицы снимают с нашего рыцаря потные доспехи и уже помирились с ним. Хотя девкам легко удалось сорвать с него нагрудник и наплечники, но ожерельник и картонный шлем сидели на нём, как влитые, и с них свисали длинные зелёные ленты с узлами по всей длине.

Таким образом, ввиду того, что узлы девицам развязать не удалось, снять шлем не представлялось иным способом, кроме как разрезав многочисленные ленты, на что доблестный наш Дон Кихот не пошёл бы даже под страхом смертной казни, в результате чего ему пришлось до утра просидеть в шлеме, и он был до того смешон и комичен своим нелепым видом, что ничего смешнее в мире наверняка бы не нашлось.

Пока девки разоблачали его от липких доспехов, он, принимая их за благородных донн и герцогинь, признанных жемчужин гостеприимного замка, ублажал их чрезвычайно проникновенными стихами:

– Никогда я не был принят
Лучше, Чем у дам прелестных
И они ходили скопом
За высоким Дон Кихотом
И зело его лечили,
Когда гордый копыеносец
К ним явился из деревни,
На горячем Росинанте,

И за ним они ходили, когда узнали, как зовут моего коня, которого нельзя было не полюбить, а меня, да будет вам известно, зовут Дон Кихот Ламанчский, и хотя я не имел намеренья козырять своим именем допрежь того, как миру явятся мои подвиги, о которых вы можете не беспокоиться, потому что они неминуемо будут совершены в вашу честь, милые дамы и вам во благо, однако предварив их к нынешним обстоятельствам блестящим романом о Ланцелоте, я был принуждён открыться вам гораздо раньше времени. Впрочем, пора, когда они будут всецело руководить мной, а я всецело повиноваться им во всём – не за горами, и тогда моя длань будет прислуживать вам в любых делах, какие вы бы только ни возжелали.

Девицы, не приученные к подобной выпренной риторике, помалкивали, а потом просто спросили его, не хочет ли он чем-нибудь подзакусить.

– Кто угодно, только не я мог бы отказаться от таких лестных предложений! – ответил дон Кихот, – потому что это, как я полагаю, было бы весьма уместно!

На беду дело было в пятницу, на постоялом дворе ничего больше не нашлось, кроме небольшого количества старой трески, и осталась от прочих гостей, и называется в Кастилии «абадехо», в Андалузии – «бакалао», кое-где в Испании известна, как «курадилло», а в остальных весях гремит как «трухуэлла».

Они спросили его, не будет ли ему угодно на сей раз удовольствоваться самыми мелкими Трухуэльками, потому что другой рыбы, которую можно было бы съесть, на постоялом дворе в настоящее время нет.

– Поскольку существует много видов трухуелей, – ответил Дон Кихот, – они вполне могут служить в качестве одной большой форели, потому что имей я восемь реалов, мне не было бы никакой разницы, будет ли это восемь монет по одному реалу, или одна монета ценой в восемь реалов. Тем более, что очень может быть, что эти трухуели окажутся более нежными, чем

большая форель, в той же степени, как молодая телятина порой оказывается нежнее старой говядины, а юный козлёнок питательнее древнего вонючего козла. Но, как бы то ни было, со всем этим мы разберёмся позже, тем более, что только надёжная работа желудка способна поддерживать такие возможности организма, которые позволяют ему постоянно таскать оружие, не говоря уж о тяжёлых доспехах, которые настоящий рыцарь принуждён почти никогда не снимать!

Стол был поставлен прямо у ворот гостиницы под аляповатой вывеской и благородный хозяин ни слова не говоря, принёс своему гостю тарелку с порцией плохо вымоченной и ещё хуже приготовленной трески и куском хлеба, такого же чёрствого и заплесневевшего, как и его латы. Поверьте мне на слово, смотреть на то, как он ест, было невыносимо смешно, и кому посчастливилось увидеть такое, все хохотали во весь рот, потому что на голове у него сидел шлем, и даже подняв забрало, невозможно было положить ни одного куса в рот, если бы кто-нибудь не стал ему помогать. Эту обязанность пришлось поневоле взять

на себя одной из дам, которая клала куски ему в рот, ну а уж как ему было напиться – тут и её фантазия истощилась, ибо напоить его обычным способом было совершенно невозможно. Из этой ситуации в конце концов изыскал выход хозяин, который просунул полую тростинку в щель и, вставив её глубоко в рот Дон Кихота, стал лить туда вино, а Дон Кихот, пуще всего опасаясь лишиться зелёных лент с узлами, безропотно терпел все эти немыслимые пытки и издевательства.

В этот момент случилось заглянуть ветеринару и по совместительству коновалу, которому предстояло охлащивать поросят в округе, и как только он прибыл, он тут же стал свистеть в свистульку, и так четыре или пять раз, что в очередной раз подтвердило Дон Кихоту, что он находится в некоем именитом замке, и что идёт его официальное представление собравшейся публике с музыкой и важными персонами, и поэтому дивно одетыми слугами поданы роскошные блюда, и что засохшая треска – нежная парная форель, заплесневевшая корка – белоснежный, свежайший хлеб, непотребные девки – роскошные светские дамы в фижмах, а пузатый владелец постоянного двора – владелец невиданного по красоте замка, и таким образом и его первый выезд в качестве странствующего рыцаря, вкупе с самой идеей пуститься в подобные странствия – всё это показалось ему невероятно удачным стечением обстоятельств. Одна только мысль портила общее ликующее настроение – та, что он до сих пор не посвящён в странствующие рыцари и не приткнулся пока что ни к какому ордену, а ежели это так, то ему пока что не дано права участвовать в каких-либо великих приключениях.

Глава III

Где рассказывается о том, как Дон Кихот умудрился посвятить себя в рыцари.

И так, измученный этими размышлениями, он сократил свой ветреный и ограниченный ужин. Когда он закончил, он позвонил ветеринару и, заперевшись с ним в конюшне, встал перед ним на колени и сказал:

– Не встать мне с этого места, храбрый джентльмен, где бы и ни находился, пока ваша милость не соизволит даровать мне чудо, которое я хочу испросить у вас, и которое послужит хвалой вам и всему человеческому роду.

Ветеринар, увидев своего гостя у своих ног и услышав подобные эскапады, очумел и растерянно смотрел на него, не зная, что ему делать и не ведая, что сказать, и наконец стал просить его подняться с колен, с чем наш доблоестный идальго согласился только при условии выполнения его нижайшей просьбы.

– Я не ожидал от вас большего великодушия, сэр, – ответил дон Кихот, – Итак, мы согласились с вами в том, что дар, о котором я просил вас и который был вами мне милостиво предоставлен, дарован мне, и что завтра поутру вы должны посвятить меня в рыцари, и сегодня ночью в часовне вашего замка я буду всю ночь напролёт бдеть над оружием, и завтра, как я уже сказал, будет наконец исполнено то, что так желанно мне, чтобы я имел полную возможность отправиться на все четыре стороны в поисках приключений во имя всех сирых и нуждающихся, как подобает настоящему бродячему рыцарю, к каковым я, как вы понимаете, буду принадлежать, будучи призван к исполнению великих предначертаний и подвигов!

Ветеринар, который, как уже говорилось, был немного проходимцем и жуликом, ошарашен и уже совершенно убедился в абсолютной ненормальности гостя, сразу решил ни в чём ему не перечить, всячески поддакивать ему, чтобы тот ни заявлял и какие бы суждения не выкапывал, тем более, что скорее всего можно было поржать всю ночь. Он решил из соображений юмора во всём последовать за ним, и поэтому тут же подтвердил Дон Кихоту, что он во всём ох как прав, и всё, что он хотел и просил – просто классно, они полны такого неизмеримого здравого смысла, что вызывают восхищение, к тому же и запретить их по закону совершенно невозможно, и что это благодаря Всевидящему Провидению только у такого важного и серьёзного господина могло появиться столь же величественное намеренье, и что он сам по молодости лет когда-то грешил подобным времяпровождением и забавами: он-де ходил-бродил по планете в поисках разных приключений, не без того, чтобы забывать всегдашние посещения Перчелеса или визиты на Малагу, остров Риаран, Компас Севильи, Азогуеро Сеговии, Валенсийскую Оливеру, Гранадскую Рондиллу, Сан-Лукарский Пляж, Сен-Потрох, Кордову и Все Притоны Толедо, и ряда других сторон, где ему пришлось прибегать к средству правовой защиты и быстроте ног, однако где он много усовершенствовал ловкость, участвуя во многих проделках и не давая проходу ни одной вдовьей юбке, растляя девиц, и соблазняя несовершеннолетних,²⁰ и, наконец убедившись в том, какая трубная слава гремит во всем судам, судишкам и судилищам Испании, решил уединиться в этом своём заколдованном замке, где он живёт, пользуясь своим и чужим имуществом, в великом счастье оттого, что ему удаётся собрать всех блуждающих рыцарей, какие только не шляются по миру, в каком бы качестве и в каком бы состоянии они ни прибывали к нему, токмо из своего личного пристрастия и любви к ним, с совершенно мизерной поправкой, состоящей в том, чтобы они по возможности делились с ним своим немалым достоянием.. Он также сказал Дон Кихоту, что в его замке не было никогда никакой часовни, где можно было бы безнаказанно бдеть над оружием, потому что старая часовня только что была снесена им в намеренье тут же выстроить новую, а новую пока

не удалось построить из-за катастрофической нехватки денег, но в случае необходимости он знает, что бдеть над оружием блуждающим рыцарям позволяется, где угодно, и что в ту ночь он может хорошо и на славу побдеть во дворе замка, на гумне, дабы к утру, благодаря Господу, были сделаны все надлежащие по такому случаю приготовления и совершены все подобающие церемонии, чтобы Дон Кихот стал наконец настоящим рыцарем и, надо сказать, таким рыцарем, каких в мире ещё надо поискать!

Затем он стал выпрашивать у Дон Кихота, есть ли у него деньги, на что тот ответил, что у него в кармане шаром покати, ибо он никогда не читал в рассказах бродячих рыцарей, чтобы кто-то имел их.

На что сразу загорячившийся хозяин ответствовал, даже начав заикаться, что, видимо, Дон Кихота кто-то обманул, поскольку даже если в каких-то рассказах не было написано, что у блуждающих рыцарей должны быть деньги, то это только потому, что о таких азбучных, самом собой разумеющихся вещах говорить – плохой тон, и это вовсе не значит, что блуждающему рыцарю не подобает иметь при себе деньги или чистую сорочку, и уж тем более не говорит о том, что этих необходимых предметов у них никогда не было. Напротив, продолжил он, у блуждающих рыцарей, несмотря на лживые сплетни, которые о них распространяли досужие авторы, что-де сорочек у них вовсе не водилось, или они были сплошь всяким гнильём, на самом деле всегда был изрядный запас свежих сорочек и тугой кошелёк про запас. И что, де, не во всём надо на слово доверять всяким романам, которые ещё неизвестно кто насочинял на потребу всякой сомнительной публики и они всегда имели при себе как чистые сорочки, так и даже подковы в подсумках, не говоря уж о баночках с лечебной мазью на худой конец, чтобы исцелять раны, неизбежные во всяких битвах и катавасиях, потому что не часто в полях и пустынях, где им приходится сражаться и получать ранения, найдётся хоть кто-то, кто мог бы исцелить их, если, разумеется, у них не оказывался под рукой мудрый волшебник, готовый тут же спасти их, посадив на какое-нибудь попутное облако какую-нибудь девицу или гнома с склянкой святой воды или целебной микстурой и направив их к нему, дабы он, испив хоть каплю такой жидкости, тут же мгновенно излечивался бы от своих ран, до такой степени, как если бы у него их не было вовсе, но, пока этого у них не было, у прошлых рыцарей было другое – все их оруженосцы, как на подбор, были обеспечены деньгами и другими необходимыми вещами, такими как бинты и мази, и если случалось, что у таких рыцарей не было оруженосцев, что было невероятно редко и странно, они носили всё необходимое в очень маленьких сумочках, которые они привязывали к конской упряжи с таким пиететом, как будто это было что-то самое важное для них, впрочем, подобные обычаи возить с собой седельные сумочки не принадлежат к саамам излюбленным обычаям странствующих рыцарей. И за хозяин даёт ему очень хороший, дружеский совет, хотя мог бы и приказать ему, как новоявленному крестнику, впредь и на веки вечные больше не отправляться в путь без денег, и без упомянутых предостережений, и что он сам скоро увидит, как у него всё пойдёт по маслу, если он будет исполнять его предназначения.

Дон Кихот пообещал в точности сделать то, что ему советовал хозяин и со всей своей пунктуальностью. И следом за тем он отдал приказ себе начать бдеть над оружием, и совершить это в большом загоне, который стоял рядом с постоянным двором, и, собрав все свои доспехи, Дон Кихот, возложив их на перевёрнутое корыто, которое стояло у колодца, и, обняв свой боевой щит, ухватился за копьё и с нежностью начал кружить вокруг корыта, почти не заметив, что едва началась прогулка, как кончился день и на постоянный двор пала тёмная ночь.

В это время хозяин рассказывал всем, кто был на постоянном дворе, о безумии своего гостя, о его странном бдении над оружием и о его убийственных латах, которые ему поручено освящать. Постояльцы издали поглядывали на Дон Кихота, и видели, что он, со смущённым видом, иногда начинает выписывать кренделя вокруг корыта, а потом начинал чинно проха-

живаться, или опершись на копье, вперял очи в в своё оружие, и долго не отводя пристального взгляда.

Был самый разгар ночи, но Луна светила с такой силой, что вполне могла конкурировать с Солнечным светилом, и поэтому всё, что бы ни делал молодой рыцарь, было ясно видно любопытным зрителям. Одному из погонщиков мулов, которые нашли приют ан постоялом дворе, на свою голову пришла затея пойти напоить своих лошадей, для чего потребовалось снять оружие Дон Кихота с водопойного корыта, и Дон Кихот, увидев его, вслух громко сказал:

– О, ты, кто бы ты ни был, дерзкий рыцарь, осмелившийся дотронуться до оружия самого отважного странствующего рыцаря на свете, самого славного из тех, кто когда-либо держал меч! Смотри, что ты наделал, и не трогай моего оружия, если не хочешь заплатить своей жизнью за эту неслыханную дерзость!

Погонщик не обратил ровным счётом никакого внимания на веские доводы Дон Кихота, хотя ему лучше бы было прислушаться к ним, дабы остаться в добром здравии, и схватив латы за лямки, закинул их куда подальше. Увидев такое, Дон Кихот воздел глаза к небу и, обратив свои мысли к несравненной госпоже своей Дульцинее, возопил:

– Узрейте меня, госпожа моя, в наипервейшей беде моей, не лишайте меня своей милости и покровительства и дозвоьте мне отмстить за оскорбление, нанесённое моей незапятнанной ничем чести этими подлыми негодяями!

И, высказав эти и другие подобные доводы, опустив на землю щит свой, он поднял копье двумя руками и нанес погонщику такой жуткий удар по голове, что погонщик тут же повалился на землю, и случись Дон Кихоту нанести погонщику ещё один такой же удар, ему уже лекарь не понадобился бы. Совершив это, Дон Кихот собрал своё оружие и вслед за тем стал прогуливаться с тем же спокойствием, что и раньше. Немного погодя, не зная, что произошло, потому что погонщик всё ещё лежал у корыта без чувств – пришёл другой погонщик с намерением напоить мулов, и опять стал снимать оружие, чтобы освободить водопойную колоду, на что Дон Кихот, не говоря уже ни слова и не испрашивая ни у кого ни помощи, ни разрешения, снова отпустил щит и снова поднял копье, и тут же со страшною силою опустил его, разбив голову погонщика на три или четыре части, после чего тот упал на карачки у корыта и стал искать очки в придорожной траве. На шум сбежались все постояльцы-водоносы во главе с хозяином постоялого двора. Увидев это, Дон Кихот, зажёб щит и, возложив руку на свой меч, сказал:

– О венец земной красоты, сила и стойкость моего ослабевшего сердца, цветок Вселенной, настало время обратить милостивый взор Величия Твоего на бедного пленного рыцаря, который подвержен смертельной опасности ради тебя!

Это придало ему такое мужество, что, если бы сейчас на него набросились все погонщики мира, он не отступил бы ни на шаг. Товарищи двух раненых, увидев их, стали издалека швырять камни в Дон Кихота, который, как можно более ловко отбиваясь от них своим щитом, тем не менее не осмеливался отступить от кучи, дабы не бросать охраняемого им оружия.

Хозяин кричал во весь голос, чтобы его оставили в покое, потому что он уже говорил им, что пред ними сумасшедший, и что он ещё больше сойдёт с ума, и даже если он перебьёт их всех, ему всё равно ничего не будет!

Дон Кихот тоже не отставал от хозяина и горланил во всю глотку, что погонщики – кровавые злодеи и убийцы, а хозяин

замка – злобный, невоспитанный рыцарь, ибо если он согласился с тем, чтобы с благородным бродячим идадьго так обращались, Он,

Дон Кихот, как только будет посвящён в рыцари, с ним жестоко поквитается, как тот того и заслуживает!

– А вы, ублюдки, для меня – пустое место!

Идите, идите сюда!

Бросайте свои булыжники, оскорбляйте меня, сколько хотите, ну же, идите сюда, подходите, я вам заплачу полную цену за вашу неописуемую наглость!

Он говорил так громко и решительно, что сразу внушил всем погонщикам дикий страх и отчасти это, отчасти уговоры хозяина, заставили их прекратить швырять камни, а Дон Кихот отпустил раненых с богом и вернулся к дозору подле своего оружия с ещё большей невозмутимостью и спокойствием.

Хозяина уже изрядно достали выходки гостя, и чтобы их поскорее прекратить, он решил поскорее свершить этот мрачный обряд посвящения, чтобы не случилось ещё более горших бед и неприятностей.

И вот, подойдя к нему, он стал для вида лебезить и извиняться за наглость погонщиков, которые стоили Дон Кихоту столько неприятностей, и пообещал наказать их примерным образом за их неслыханную дерзость. Далее

Он сказал ей, что в том замке нет часовни, но в принципе особой необходимости для такого дела в ней нет, и насколько он осведомлён в процедурах посвящения, то она состоит в хорошем подзатыльнике и ударом шпагой по спине посвящаемого, дело нехитрое,

которое можно сварганить в любом месте, это-де он почерпнул, зная церемониалы некоего ордена, и это можно сделать в голом поле, что касается бдения над оружием, то Дон Кихот побдел уже вполне достаточное время и потому с этим делом надо заканчивать, бдеть надо не более двух часов подряд, а Дон Кихот пробдел уже целых четыре, а это явный перебор. Дон Кихот поверил ему на слово и сказал, что во всём готов повиноваться хозяину, но что ритуал нужно завершить как можно шустрее, и следует поспешить, потому что как только он станет настоящим рыцарем, и на него посмеет кто-то напасть, он не оставит никого из нападающих в живых, за исключением тех, за кого лично будет просить хозяин замка, тех он пощадит, да и то из чистого уважения.

Предупреждённый таким манером хозяин постоянного двора, не будучи дураком, мигом сбегал за огромным амбарным grossбухом, куда он записывал расход ячменя и соломы для погонщиков и держа огарок свечи в руке в сопровождении двух разбитных девиц и мальчика-слуги подскочил к Дон Кихоту и повелел ему встать на колени, открыл grossбух, и сделав вид, что он читает какой-то священный псалом, и бормоча что-то себе под нос, внезапно дал ему увесистую затрещину, а затем, продолжая нести свою священную околесицу, шмякнул что было сил Дон Кихота его же собственным мечом по спине.

Сделав это, он повелел одной из шлюх подпоясать Дон Кихота мечом, что та сделала с величайшим тактом и деликатностью, и на самом деле им требовалась немалая выдержка, чтобы при этой процедуре не прыснуть со смеха, и только воспоминания о недавних подвигах новоиспечённого рыцаря заставляли их трепетать от ужаса, и тогда смех поневоле замирал на их губах.

Затем одна из наших добрых дам изрекла:

– Дай-то Бог нашему милосердному рыцарю удачи во всём и во всех делах ваших!

Дон Кихот спросил, как её звать, ибо важно знать всех поимённо, кто оказал ему такое немислимое благодеяние, и посему ему необходимо знать имя той, с кем ему предстоит разделить почести от подвигов, которые он намерен совершить в ближайшем будущем своею собственной дланью.

Она ответила ему с великим смирением, что её зовут Недотрога, и что она дочь башмачника, проживающего в Толедо у подножия Санчо Биеная, и отныне, где бы ей не пришлось быть, она готова услужить ему и всегда будет рада считать его своим Господином.

Дон Кихот умолял её, чтобы она, ради своей любви, сделала

ему милость считаться настоящей доньей и отныне величаться Доньей Фон Недотрогой.

Она тут же пообещала ему это, а другая в это время цепляла ему шпоры, и он повторил с ней тот же коллоквиум, какой был при цеплянии меча. Он снова спросил её, как её звать,

и она ответствовала, что её зовут Доветра, и она дочь почтенного мельника из Антекеры, после чего он и её призвал зваться доньей Доветрой, с гарантией, что он будет служить ей, как верный и преданный слуга.

Хозяин видел, что дон Кихот сидит, как на иголках, в великом нетерпении отправится в поход в поисках новых приключений, и всё время поглядывает на своего верного Росинанта, и наконец он бросился к нему и в одно мгновение оседлал, встал на стремянах и объехав вокруг хозяина, стал говорить ему какие-то странности, и в конце концов в запутанных и витиеватых словах

не забыл поблагодарить его за удачно совершённое посвящение, подчеркнув, что ему едва хватает слов благодарности для этого.

Хозяин же постоялого двора, видя, что его гость уже находится за воротами постоялого двора и наконец

Убывает из его владений, и явно обрадованный этим, в не менее высспренных, хотя и в менее кратких выражениях, обратился к дон Кихоту с ответной речью, и не испросив никакой платы за ночлег, отпустил его с миром в путь.

Глава IV

О том, что случилось с нашим рыцарем, когда он выехал с постоялого двора.

Когда Дон Кихот выехал с постоялого двора, он так лихо скакал, так суетился от радости, что уже посвящён и стал настоящим рыцарем, что под ним чуть не лопнула лошадиная перевязь.

Но, вспомнив наставления хозяина постоялого двора и столь необходимые для рыцаря приготовления, которые не мешают произвести для блага дела, а особенно о деньгах и сорочках, он решил вернуться домой и обзавестись всем необходимым, в том числе оруженосцем, проча к себе на эту важную должность одного соседского крестьянина, человека бедного и обременённого детьми, но словно созданного для этой почётной миссии.

С этой мыслью он направил Рочинанта в свою деревню, который, словно почуя его желание, и увидев перед собой родное стойло, так охотно затрусил по дороге, что казалось, что ноги его не касаются земли.

Не успел он проехать сколь-нибудь значительное расстояние, как по правой его руке, из густого леса, вдоль которого он ехал, раздались жалобные крики, похожие на стоны, и едва услышав их, Дон Кихот воскликнул:

– Благодарю небо за ту неслыханную милость, которой они одарили меня, поставив меня перед тем, что я смогу столь скоро приступить к исполнению того, к чему я призван своим рыцарским долгом для сбора плодов моих добрых желаний! Эти голоса, несомненно, принадлежат кому-то, кто нуждается в моей благосклонности и вспоможении.

И тут же поддёрнув вожжи, он направил Росинанта туда, где, как ему казалось, слышатся голоса, и едва он углубился в лес на несколько шагов, он увидел кобылу, привязанную к огромному дубу, а к другому дубу был привязан до половины обнажённый мальчик, примерно пятнадцати лет от роду, тот самый, который подавал голос, громко постанывал, и надо сказать, не без причины, потому что кряжистый крестьянин нещадно стегал его по спине хлыстом, сопровождая каждый удар обвинениями и упрёками:

– Держи язвк за зубами и смотри у меня!

А мальчуган в ответ только повизгивал:

– Господин мой! Не бей меня снова! Я больше не буду! Христом богом клянусь! Я больше не буду! Обещаю! Я теперь со стада глаз не буду спускать!

И, увидев, что творится, Дон Кихот сердитым голосом прокричал:

– Ты! Невежественный, крамольный рыцарь! Что ты творишь зло по отношению к незнакомцу, который не в силах защитить себя! А ну-ка, садись на коня, бери копьё... – Дон Кихот заметил, что у крестьянина было тоже копьё, брошенное на землю там, где стояла кобыла, – ...и я покажу тебе, где раки и зимуют и какой ты мерзкий трус, если такое можешь творить!

Селянин, увидев над собой кошмарную фигуру, сплошь увешанную ржавым оружием и размахивающую копьём перед самым его лицом, помертвел от страха, думая, что всё, явилась его смерть, и дрожащим миролюбивым, заискивающим голоском пролепетал в ответ:

– Милостивый господин рыцарь, этот мальчуган, которого я наказываю здесь – мой беспутный слуга, который служит мне тем, что охраняет стадо моих овец и в исполнении своего долга такой раззява, что я каждый день лишаюсь по меньшей мере по одному барану, и потому я вынужден наказывать его нерадивость и разгильдяйство или скорее жульничество, хотя он утверждает, что это я плутую и возвожу за него поклёп, чтобы не платить ему, но видит бог, этот негодяй лжёт в каждом своём блудливом слове!

– Ты лжешь мне, злодей! – неистово крикнул Дон Кихот, – Солнце, которое освещает нас, свидетель того неопровержимого факта, что сейчас я более не произнесу ни слова, пронжу тебя вот этим святым копьём! А ну плати ему и не вякай, а если не заплатишь, то я, богом тебе клянусь, я тебя уничтожу и уложу на этом самом месте в нашу святую матушку-землю!

Кряжистый землероб от ужаса напрудил в штаны и опустил голову и, не отвечая ни на какие слова Дон Кихота, развязал своего слугу, у которого Дон Кихот тут же спросил, сколько ему должен его хозяин, на что тот сообщил, что ему задолжали за девять месяцев, если брать на круг по семь реалов в месяц. Дон Кихот долго прикидывал и высчитывал в уме и обнаружил, что хозяин задолжал мальчишке целых шестьдесят три реала, и осознав это, Дон Кихот топнул ногой на трясущегося лендлузера, повелевая, чтобы он тут же раскошелился и заплатил парню, если не хочет тут же оочуриться, потому что, да будет Бог ему надёжным свидетелем, если он не забудёт его в землю, как гвоздь!

Окончательно обосравшийся от страха лендлузер, неистово забожился, что-де, он не виноват ни в чём, и, видит Бог, его долг не столь велик, как утверждает лживый мальчишка-пастушонок, и он готов поклясться всем святым в своей полной правоте, причём такой клятвой, какой он до сих пор ни в жизнь не клялся, и да будет Бог ему свидетелем, денег он должен не так много, потому что из этого долга надо вычесть стоимость трёх пар башмаков, которые пастушок износил, шляясь по горам и весям и один реал в счёт одной клизмы и одного кровопускания, которые ему сделали, когда он серьёзно занемог.

– Все это хорошо! Пусть будет так! – твердил Дон Кихот, – Но нам всё равно придётся записать обувь, клизму и кровопускание в счёт ударов, которые вы без особой вины нанесли ему, едва не спустив всю шкуру, ведь если он спускал со своих башмаков подметки, вы спускали шкуру с его же тела, что является компенсацией потерь, и если лекарь пускал ему кровь, когда он был больным, для того, чтобы он выздоровел, то вы пускаете ему кровь, когда он здоров совершенно, для того, чтобы он стал больным, и с этой стороны он вам ничего более не должен!

– Увы, господин доблестный рыцарь, беда в том, что у меня нет здесь денег, они все дома, и стоит только андресу пойти со мной в мой дом, как я тут же заплачу ему одну королевскую монету за другой!

– Мне идти с ним? С этим? – в ужасе вскричал мальчик, – Боже-ж ты мой! Кажется, маразм крепчает! Час от часу не лучше! Что за год мне выпал, боже мой! Нет, Господи, ни за что, стоит мне поддаться и пойти с ним, он тут же сдерёт с меня шкуру, как какие-то хмыри с этого святого Варфоломея, а я буду только дёргаться, как Петрушка на верёвке!

– Он не сделает этого! – горячо в сердцах возразил Дон Кихот, – Достаточно, чтобы я послал его, моих грозных доводов вполне хватит, чтобы он уважал меня, мне достаточно того, чтобы он поклялся мне честью своего рыцарского ордена, к которому приписан, и тогда я готов отпустить его, и я ручаюсь, что он, без всякого сомнения, вернёт тебе, милый мальчик, свой долг!

– Милостивый государь! Одумайтесь, сэр, и взгляните на то, что вы говорите! – трещал мальчик, – Вы вероятно вовсе не воображаете, что этот мой хозяин никакой не рыцарь и не принадлежит ни к какому ордену, смотрите, это Хуан Халдуд, богатый крестьянин из села Кинтанара!

– Мало ли что, – ответил дон Кихот, – и иным Халдудам пристало становиться рыцарями, тем более, что каждый из них кузнец своего счастья и таковых надо судить только по делам их!

– Это правда, – сказал Андрей, – но каким судом судить этого моего хозяина, чьи дела состоят только в том, ибо он отказывает мне в хлебе насущном за труд мой и пот мой?

– Брат Андреас! Помилуй Бог, если я отрицаю хоть йоту своего долга! – заверещал селянин, глаза которого разбежались при этом в разные стороны, как шары ртути, – И вы просто не можете себе представить, как я рад, что вы пришли за мной, поверьте, я клянусь всеми

этими чёртовыми рыцарскими орденами, какие ещё завалялись в этом мире, сейчас же идём со мной, и как я уже обещал, я верну весь свой долг по последнему гроша! Это счастье для меня – заплатить тебе! Только пойдём побыстрее со мной!

– Можно заплатить и без счастья, – сказал дон Кихот, – верните мальчику только то, что вы задолжали – и этого достаточно! И смотрите только, чтобы вы исполнили всё, как вы поклялись, а если нет, то Христом Богом клянусь вам, что я снова найду вас и покараю вас, и что я смогу отыскать вас, даже если вы прячетесь лучше, чем ящерица в норе. Если же вы захотите знать, кто является источников этих повелений, и дабы быть более уверенным в своей обязанности исполнить их, знайте, что я храбрый дон Кихот Ла-Манческий, защитник обиженных и укрывать сирых и знайте же, Бог милостив, я покидаю вас в уверенности, что вы ни под каким соусом не осмелитесь отречься от своих обещаний и прибегнуть к лжи, и останетесь верны обещанной клятве, будучи готовым в случае её неисполнения к скорой и суровой казни.

И, сказав это, он пришпорил кобылу и стал улыпётывать прочь от обалдевшего крестьянина, который внимательно следил за ним глазами, и наконец увидев, что Дон Кихот скрылся за кромкой леса и что он больше не вернётся, вернулся к своему слуге Андреасу и сказал ему:

– Сын мой! – нежным голосом пропел сельский прохиндей, – Идите сюда, я так хочу заплатить вам за всё, что я вам задолжал, как повелел этот несчастный, доверивший мне право повелевать!

– Я клянусь, – сказал Андреас, – что вашей милости будет сподручнее выполнить заветы того доброго джентльмена, и вернуть мне деньги! Да здравствует он тысячу лет! Он столь храбр и добр, столь предан справедливости, что если вы не заплатите мне, тогда он, как грозный дух мщения, вернется и исполнит то, что обещал!

– Я тоже клянусь, – сказал сельский кулак, – но, я ещё насколько люблю вас, дорогой Андреас, что хочу сильно увеличить плату, и вернуть даже большую сумму, чем задолжал!

И, схватив мальчика за руку железной хваткой, он тут же снова привязал его к дереву, где так отдубасил его, что тот остался висеть на дереве полумёртвым.

– Ну, что, господин Андреас, кричите, во всё горло, сейчас зовите своего заступника обиженных и сирых, – веселился крестьянин, – ну-ка попробуй, может, к несчастью, он тебя как-нибудь и защитит! Хотя, кто его знает, я думаю, что это ещё не конец, потому что мне приходит в голову, что с тебя ещё можно спустить шкуру, как ты и опасался!

Но, наконец, он развязал его и даже дал разрешение на то, чтобы он пошла за своим судьёй, чтобы тот исполнил суровый приговор. Андреас отшвырнул мерзкое крестьянское копье, и поклялся, что пойдет искать храброго дон Кихота, чтобы тому стало известно, что тут в конце концов произошло, и заплатил сторицей за все его пакости, так что мерзкий крестьянин только посмеивался на виду у плачущего в голос Андреаса.

И в это же самое время, отважный дон Кихот, довольный случившимся, и окрылённый тем, что он избавил кого-то от обид, полагая это началом великолепных рыцарских подвигов своих, с великой радостью трусил в свою деревню, бормоча вполголоса себе под нос:

– Прекрасно, что ты можешь назвать себя блаженнейшей из всех, какие только живут на земле, о прекраснейшая из прекрасных Дульчиная Тобосская! Судьбе было угодно подчинять всецело твоей воле такого храброго и благородного рыцаря, каким был, есть, и будет дон Кихот из Ла-Манчи, того самого, который, как все знают, вчера был принят в рыцарский орден, а сегодня искоренил величайшее зло на свете и произвол, которые были вызваны беззаконием и крайней жестокостью: сегодня он вырвал кнут из руки того безжалостного палача, который без причины терзал одного хрупкого отрока.

В этом дон Кихот остановился на перекрёстке четырёх дорог, вследствие чего воображение нарисовало ему множество рыцарей, всегда останавливавшихся на распутье в великом раздумье, каким путём им далее следовать. И подражая своим предшественникам, он остановился и стал думать о том же, о чём думали и они, постоял, подумал, потом снова постоял

и снова подумал, и после того, как он очень хорошо подумал, он отпустил повод Росинанта, всецело положившись на его волю, которая какой была, такой и осталась, ибо у Росинанта не было никаких иных желаний, кроме как немедленно проследовать прямо в своё стойлоу

И, так проехав примерно две мили, дон Кихот обнаружил огромную толпу людей, которые, как потом стало известно, были толедскими купцами, которые следовали в Мурсию закупать там шёлк. Всего их было шестеро, и они шли, укрывшись под большими зонтами, в сопровождении семи слуг, четверо из которых ехали на мулах, и троих, идущих пешком. Едва дон Кихот заметил их, как сообразил, что вот оно – его новое приключение, и, подражая во всём тому, что он вычитал в своих книгах, как ему показалось, он совершил именно то, что было должно совершить. И так, с милостивой молитвой, привстав на стременах, он как можно крепче сжал копьё, прижал щит к груди, и, оставившись на полпути, ждал, когда подъедут к нему эти бродячие рыцари, – а именно так он их поименовал, – и когда они снова двинулись в путь, и были так близко к нему, что могли отменно видеть и слышать его, дон Кихот возвысил голос, и высокомерным тоном сказал:

– Все вы, которые появились здесь, стоять и ни с места, если все вы не признаетесь в том, что в мире нет никого красивее, чем императрица Ла Манчи и царица моего сердца, симпатичнейшая Дульчиная из Тобосо.

Услышав такие странные речи, и в особенности бросив испуганный взгляд на странную фигуру, в которой явно сквозило безумие, купцы решили между собою, что это какой-то местный сумасшедший, и немедленно остановились. Им пришлось на ум ненароком, не выводя безумца из себя и не подвергая свою жизнь опасности, вывести, на чем остановилось то требование, о котором их просили, и один из них тихо сказал Дон Кихоту, впрочем, со скрытой насмешкой:

– Господин Кавальеро, мы не знаем, кто эта добрая госпожа, о которой вы говорите! Покажите её нам, и если она окажется такой красивой, как вы говорите, мы охотно и без всякого принуждения признаем истиной то, что вы у нас просите! Увидев её, нам будет легче засвидетельствовать её небесную красоту, не так ли?

– Невелика заслуга, – горячо возразил дон Кихот, засвидетельствовать эту пресловутую и совершенно неопровержимую истину, когда вы её увидите так, как видите меня? Гораздо ценнее, вообще не видя ее, по верить, засвидетельствовать, утвердиться в этом, поклясться её истинностью, присягнуть ей, и потом всеми силами защищать её бессмертное имя. Ежели – нет, и вы не способны признать подобное, вы – мои враги и я буду биться с вами, вы, жалкие, высокомерные отребья! Выходите мне навстречу, будем биться один на один, как повелевают законы рыцарства и постановления рыцарских орденов, или же если вам милы иные нравы, сбейтесь в бесформенную кучу и подло, как у вас принято, бросьтесь на меня всем скопом, я буду ожидать вас всех здесь, всецело уверенный в себе, и каждую минуту готовый дать вам свирепый отпор!

– Господин рыцарь, – возразил купец, – я умоляю вашу милость, от имени всех этих доблесных господ купцов, что собрались здесь, во имя того, чтобы мы не занимались лжесвидетельством, превознося предмет, о котором мы слыхом ни слышивали и который мы глазом ни видывали, и тем более, чтобы не возвысить неведомое в ущерб красы императриц и цариц Алькарурии и Экстремадуры, не будет ли угодно вашей милости, показать нам какой-нибудь портрет этой дамы, даже если он будет размером с чечевичное зерно, полагая, что клубок познаётся по нитке, и мы будем полностью удовлетворены и уверены, что и ваша милость будет полностью довольна и ублажена. И я даже думаю, что все мы уже заранее стоим на вашей стороне, и даже окажись, что ваша прекрасная дама крива на один глаз, а другой глаз её сочтётся серой и гноем, то всё равно, в угоду вашей милости, мы уж как-нибудь найдём у неё массу достоинств и подтвердим своими устами всё, что вы хотите!

– Не морочь мне голову, подлый негодяй! – в ответ на такие речи воскликнул дон Кихот в гневе, – Никакая сера из неё не сочится, как вы говорите, а если что и сочится, так только мускус и благовония! И ничего у неё не криво, и глаз у неё не тусклый, и сама она во сто раз стройнее всех шпилей Гвадаррама. Но вы-таки заплатите мне за великое богохульство, какое вы показали против моей миледи, моей несравненной госпожи!

И, сказав это, он бросился вперёд с низко опущенным копьём, на того, кто сказал про его даму, с такой яростью и озверением, что, если бы Фортуна не заставила Росинанта на пути споткнуться и шмякнуться на землю, это бы для смелого купца могло закончиться очень и очень плохо. Росинант рухнул на Землю, и его хозяин вылетел пулей из седла и отлетел довольно далеко, и вслед за тем, желая встать, стал барахтаться и встать не смог, скорее всего, запутался в ляшках своего тяжёлого, громоздкого оружия и оказался придавлен копьём, щитом, шпорами и шлемом. И между тем, в великом гневе, что ему не удаётся подняться с земли, он заорал:

– Не подходите, жалкие трусы! Погодите у меня, мерзкие плебеи! Я вам покажу! Не моя вина а вина моего коня, что я здесь лежу, поверженный пред вами!

Один из погонщиков, один из тех, какие были там, не слишком благонамеренный и не так уж хорошо воспитанный тип, услышав, как бедный падший идалго продолжает ругаться и полон самого скверного высокомерия, не мог вынести всего этого сквернословия, не дав доблестному рыцарю ответ по рёбрам. Добравшись до него, он схватил копьё и, разбив его на куски, одним из них стал обрабатывать и колошматить дон Кихота, и уздубасил его со всех сторон, как дубасят стога сена в поле. И хотя купцы уговаривали его и убеждали поскорее прекратить это жестокое и бессмысленное избиение, самому погонщику эта забава, видать, очень понравилась, и он решил продолжать эту незабываемую игру до тех пор, пока не истощится его праведный гнев. Кусок за куском этого несчастного копья он обрабатывал рыцаря, пока его орудие не ломалось о несчастного идалго, растянувшегося на земле и, по мере того, как град падающих на него палок становился всё гуще, дон Кихот становился всё словоохотливее, не умолкнув ни на миг ни во время самого избиения, ни после него, всё время угрожая небу и земле и в особенности маньякам и людоедам, которые его сейчас мучали и избивали. И чем больше палок падало на его тело, тем страшнее и живописнее становились его угрозы и проклятия.

Наконец и погонщик уморился, и торговцы пошли своей дорогой, обрета на всё время своего путешествия тему для разговоров, и они только и делали, что перетирали истории о сумасшедшем бедняге, избитом палками. А наш незадачливый рыцарь в это время копошился в пыли, пытаясь подняться и отомстить. Но если он не мог этого сделать, когда был здоров и свеж, как майская роза, как бы он смог подняться, будучи измолочен и разбит на части? И всё же он был несказанно доволен, видя, что это было, собственно говоря, обычное происшествие в среде бродячих рыцарей, мелкое несчастье, ничтожная мелочь бытия, и всю вину за свои беды целиком возлагал на своего незадачливого коня. Вот только встать ему не удавалось, так ныло его избитое тело. На нём просто не было ни одного живого места.

Глава V

Где продолжается повествование о несчастьях нашего доблестного рыцаря.

Увидев, что, лёжа под щитом, он не может шевелиться ни одним членом, он решил прибегнуть к своему обычному средству, которое заключалось в том, чтобы начать думать о каком-то подобном происшествии из его книг, и тут в его воспалённое безумие втемяшилась история о стычке между Балдуином Блаженным и маркизом Мантуанским, когда Карлото оставил его раненым в горах: очень известная малым детям история, и притом не забытая юношами, да и прославленная даже иными доверчивыми старцами, и, тем не менее, не более истинная, чем сплетни о чудесах Мухаммедовых. И тогда ему показалось, что между этой историей и тем, что приключилось с ним самим, есть что-то общее, и его волнение было столь велико, что от этого великого чувства он стал колупаться на земле, постанывая и загребая землю, и наконец со слабым вздохом он выдохнул то, что уж точно сказал бы раненый Рыцарь Леса:

Где ты, моя госпожа?
Ты почему не со мной?
Болью исходит душа!
О, как сильна эта боль!
Ты иль не знаешь, меня не любя,
Или кидаешь, забыв про меня!

И так, продолжался прищёптывать этот романс, он доплёлся вплоть до тех стихов, которые утверждают:

О, благородный маркиз Мантуанский,
Милый мой дядюшка и господин!

В то время, как избитый до полусмерти дон Кихот заканчивал доблестные свои вирши, к нему подошёл его односельчанин – крестьянин-сосед из его мещанского местечка, отправившийся с мешками пшеницы на мельницу. И вот, увидев лежащего перед ним человека, он подошел к нему и спросил, кто он таков, и как его самочувствие, не жалуется ли он на что? А меж тем дон Кихот, несомненно, находившийся в полной уверенности, что перед ним натуральный маркиз Мантуанский, его дядя, и посему он не счёл нужным не делать ничего иного, как продолжить свои романтические бредни о своих несчастьях и любви сына императора к его жене, один в один, как было в вышеприведённых романах.

Крестьянин, услышав эти бредни, был восхищен, и подняв с лица доблестного рыцаря его забрало, которое уже было разбито на куски ударами дубины, стал нежно отирать его лицо от пыли и грязи, и едва успел оттереть, как узнал его, и тогда он сказал:

– Господин Кихана, (как вы помните, так звали нашего доблестного идадьго, когда он был в добром разуме, и ещё не перешел в разряд блуждающих рыцарей) кто вас так избил и бросил на произвол судьбы?

Но дон Кихот, как тот не изголялся расспросить его, не отвечал, продолжив свой романс. Видя это безобразие и желая убедиться, не ранен ли он, хороший человек, как мог заботливо, стал снимать с него нагрудник и латы, но он не обнаружил ни крови, серьёзных ран или ссадин. Потом он попытался поднять того с земли, и не без усилий и трудов поднял и усадил его на своего осла, полагая, что осёл – более подходящая кавалерия для такого случая. Вслед за тем

он собрал всё оружие, вплоть до осколков копья, и взвалил всю эту кучу на спину Росинанта, которого держал под уздцы, и так же ведя за собой и осла, направился в своё село, пытаясь осмыслить все те глупости, которые ему наболтал дон Кихот.

Надобно признать, что дон Кихот, разбитый палками в пух и прах, едва держался в седле, и раскачиваясь на осле, как маятник, время от времени вздыхал так горесно, что небо, казалось, готово было заплакать от жалости, заставляя доброго селянина снова и снова обращаться к нему с вопросом, как тот себя чувствует, и не надо ли ему какой помощи? Но дон Кихот не слышал и не внимал ему. Похоже, сам Дьявол нашёптывал ему сказки, посвященные произошедшим событиям, потому что в какой-то момент он напрочь забыл о Балтасаре и вспомнил о Моро Абиндарраесе, когда наместник Антекерры, Родриго Нарвахэс, захватил его и взял в плен его сокровищницу, к счастью, когда селянин снова спросил его, как он себя чувствует и что он сейчас ощущает, он ответил на его вопрос всплывшей в его голове историей, когда алькальд антескерский Родриго де Нарваез пленил мавританского пленного Абендарраиса, отправив его в свой замок. И так он ловко прилаживал эту мавританскую историю к себе, что бедный крестьянин только успевал креститься и почитать Беса, а когда Дон Кихот вообще затянул историю, почерпнутую из книги Диана Хорхе Де Монтемайора, где был явлен целый фейерверк всяких благоглупостей, крестьянин окончательно уверился, что его сосед свихнулся с ума, и чтобы побыстрее, от греха подальше, оторваться от ненормального попутчика, многословие которого заливало всю округу, как мог, ускорил шаг, в то время, как дон Кихот ему вслед просыпал обильный песок своего растущего безумия. После чего он сказал:

– Знайте же, ваша благорасположенная ко мне милость, господин Дон Родриго де Нарваес, что эта прекрасная Джарифа, о которой я уже неоднократно говорил, теперь является моей милой Дульсинеей из Тобосо, для которой я совершал, совершаю и вечно буду совершать самые аппетитные рыцарские подвиги, которые когда-либо видели или ещё увидят в мире и даже в самой величественной Вселенной!

На это лендлузер, испуганно оглядываясь, отвечал ему:

– О господи! Не хватало мне ещё такого греха! Посмотрите на себя, ваша милость! Молю вас, придите в себя! Господи, боже ты мой, ну как мне вас убедить в том, что я не Дон Родриго Нарваез и совсем ни какой не маркиз Мантуанский, но Петро Алонсо, ваш сосед, ни ваша милость – никакой ни Бальтасар, ни Абиндарраез, но рядовой бедный испанский идалго по имени сеньор Кихана!

– Да знаю я, кто я такой! – взвился дон Кихот, – И, кстати, я знаю, что могу быть не только тем, о ком поведал, но и всеми двенадцатью пэрами Франции, и даже всеми девятью Мужами Славы, дай им бог здоровья, ибо все подвиги, которые они все вместе и каждый из них в отдельности совершили, не годятся и в подмётки моим собственным подвигам!

В этих прениях они незаметно прибыли в своё село в час наступления темноты, но крестьянин выжидал, чтобы наступила ночь, чтобы никто не увидел измочаленного побоями рыцаря, мотавшегося в седле наподобие пьяного. И когда кругом стало совсем темно, он вошёл в село и проследовал к дому дон Кихота, в котором творилась всякая суеда, и находились страшно возбуждённые священник и местный цирюльник, которые были лучшими друзьями дон Кихота, и доносился визгливый голос ключницы:

– Как вам, ваша милость, господин Перес, (так звали местного священника) несчастья господина моего? Уж как три дня, как его нет, как нет, а куда подевались щит, копье и латы – не знает никто! О! Несчастливая я! Горе мне! Горе! Теперь только я припомнила, как много раз, разговаривая сам с собой, слышала неоднократно, что он хотел стать бродячим рыцарем и отправиться искать приключений в иных мирах. Сатане и Варраве были угодны эти мерзкие книги, которые в итоге испортили и осквернили самый тонкий разум, каким только мог похвастаться мир – разум моего несчастного хозяина!

Племянница говорила примерно в таком же духе, и ругалась даже больше:

– Знайте же, господин маэсе Николас, (таково было имя цирюльника), что много раз случилось с моим дядей и господином, что он иной раз читал этих мерзкие книги с их зловещими двумя днями и двумя ночами клятвы, после чего книга сама падала у него из рук, при этом клал руку на меч и начинал тыкать мечом в стены, и когда уставал от такого времяпровождения, утверждал, что убил четырех великанов, высоких, как четыре башни Гроненвальда. Пот с него лился ручьями, он едва стоял на ногах от усталости, и говорил, что это не пот, а кровь свирепых чудовищ, которых он уничтожил в бою, а потом выпьет, бывало, большой кувшин холодной воды и станет здоровым и спокойным, говоря, что эта вода явлена ему в качестве драгоценного напитка, принесенного ему мудрым, как его там, не то Эскифом, не то Паф-Пифом, великим и несравненным волшебником и его личным другом. Но это я виновата во всем, я виновата, что не предупредил вас, что у дяди крыша поехала, вы бы не дали ходу его бредягине, и остановил его умопомешательство, прежде чем оно достигло того, что настало теперь, и сожгли бы все эти безумные книги, которых у него расплодилось страшно много, ведь все они заслуживают того, чтобы их взяли, как еретиков и бросили в огонь.

– Так я о том же, – сказал священник, – и да будет завтра днем нашего Аутодафе, и даю вам слово, что Деллос завтра публично предаю все эти богомерзкие книжонки огню, чтобы они не сбивали приличных людей с панталык и не вовлекали читающих их в то, чем сейчас, по всей вероятности, занят мой хороший друг.

Все это слышали и затаившийся крестьянин и ослабевший от ран дон Кихот, и когда земледелец услышал всё это, и наконец в полной мере осознав, что за немочь целиком овладела его попутчиком, вдруг завершал во весь голос:

– Откройте скорее ворота господину Бальдасару и тяжело раненому в битвах господину маркизу де Мантуанскому, которому пришлось изведать происков злых великанов и чудовищ, отогните господину Моро Абиндарраезу, который ведёт взятого в плен отважного Родриго Нарваеса, наместника Антекерры!

Все сразу же выбежали на крик, и тут мужчины опознали своего лучшего друга, а женщины – своего хозяина и дядю, который качался от слабости на спине своего осла, и не сдерживая радости, крича от восторга, они побежали обнимать своего хозяина и снимать его с осла. Он же сказал им:

– Слушайте меня внимательно, я пострадал из-за моей лошади! Отведите меня в постель и, по возможности, поспешите к мудрой Ургане, и попросите, чтобы она исцелила и вылечила мои синяки и зловещие раны!

– Час от часу не легче! – завопила в этот момент ключница, – Чуяло моё сердце, на какую ногу захромает мой хозяин! В добрый путь, сударь, слезайте скорее, мы и без этой Поганы разберёмся с вашими ранениями. Проклятые! Я имею в виду, и готова повторить хоть тысячу раз – проклятые эти рыцарские книжонки, до чего же они вас довели, будь они трижды прокляты!

Тут наконец дон Кихот при помощи своих верных друзей добрался до кровати, и тут же был раздет, осмотрен и уложен в постель. Особых ранений при этом на нём обнаружено не было.

Дон Кихот же доложил спасителям, что несколько раз получил молотком по голове, когда на своей не менее его пострадавшей кобыле сражался с не менее чем десятью колоссальными каменными исполинами, такими храбрыми и наглыми, каких свет ни видывал, и с которыми, кроме него, едва ли кто, кроме него, мог сладить на всей планете Земля..

– Та, та, та! – сказал священник, – Час от часу не легче! Танец с исполинами! Святой боже! Как далеко всё зашло! Как всё запущено! Накажи меня Бог, если я не сожгу эту заразу завтра ещё до наступления ночи!

Тут все закидали дон Кихота тысячей вопросов, и не добились ответа ни на один из них, так как дон Кихот не хотел отвечать, и лишь требовал, чтобы они поскорее накормили его и позволили ему поспать, что было для него теперь самым важным и необходимым. Желание

дон Кихота было исполнено, тогда стали расспрашивать земледельца, и он, запинаясь, и вставляя в свою речь какой-то мрачный бред, стал рассказывать, где и как ему удалось отыскать дон Кихота. Когда же он рассказал всю свою историю, не утаив и того бреда, который всё время нёс дон Кихот во время их путешествия, лицензиат тут же снова загорелся уже давно вынашиваемой им идеей, и сказал, что его желание сделать всё это поскорее, теперь только возросло, что он и подтвердил на следующее утро, когда зашёл к своему приятелю – цирюльнику Николаусу, с тем, чтобы, взяв его с собой, тут же отправиться в гости к своему верному другу дон Кихоту Ламанчскому.

Глава VI

О большом смотре и великой чистке, которую священник и цирюльник устроили в библиотеке нашего хитроумного Идальго.

Когда они явились в дом, дон Кихот ещё крепко спал.

Тогда священник испросил у племянницы ключи от комнатки, где лежали эти зловещие книги, и она отдала их ему с превеликою охотой. Когда все они вошли внутрь, включая и ключницу, то нашли более ста здоровенных, внушительного размера, массивных книг, по большей части в прекрасных переплётах, и несколько малюсеньких, в таком же любовном уборе, и тут хозяйка, увидев всё это дьявольское хозяйство, опрометью бросилась из комнаты, с тем, чтобы сразу вернуться в покой со склянкой святой воды и кропилом.

– Прошу вас, ваша милость, господин лицензиат, окропите всю эту каюту, – при этом сказала она, – а то, как бы вся эта нечисть, все эти волшебники-требники и пердуны-колдуны, которые кроются здесь по углам, не смогли помешать вам своей волшебной сжечь все эти противные книги, и не дать вам изгнать дьявола из этого мира!

Он рассмеялся дивному простодушию хозяйки и приказал цирюльнику подавать ему книги по одной, соблюдая очерёдность, чтобы понять, что они из себя представляют, ибо среди приговорённых к сожжению могли случайно оказаться и те, кто не заслужил помойки и очистительного огня.

– Нет, – сказала племянница, – тут нет ни одной, заслуживающей прощения, и их надо всех побросать поскорее в огонь! Лучше было бы побросать их из окна во двор, и сделав из них кучу, поджарить их, а если нет, перенести их в загон, и там запалить костёр, чтобы дыма поменьше было!

Ключница во всём её поддержала, они обе просто бредили гибелью этих невинных книг, но священник не согласился и настоял на том, что так делать нельзя, и нельзя избавляться от книг, не прочитав ни одного заголовка.

И первым, что маесе Николас дал ему в руки, были четыре тома Амадиса Галльского, на что священник изрёк наставительно:

– Кажется, это тайна для многих, потому что, как я слышал, эта книга была первой из рыцарских книг, напечатанных в Испании, и всё остальные берёт своё начало и происхождение от этой дьявольской ереси, и, как мне кажется, этот образец мерзкой сектантской чепухи, мы обязаны, без каких-либо амнистий, осудить и отправить прямым ходом в огонь.

– Нет, сэр, – возразил цирюльник, – я также слышал, что она является лучшей из всех книг, какие были написаны в этом жанре, и посему, в виде исключения, из чистой любви к искусству, она должна быть прощена.

– Это правда, – сказал священник, – и по этой причине ей на данный момент даруется жизнь! Аминь! Давайте, однако, посмотрим на то, что находится рядом с ней.

– Вот это, – возвестил цирюльник, – «Подвиги Экспландиана, законного сына Амадиса Галльского»!

– Ну, воистину, – сказал священник, – Отец за сына не в ответе! Возьмите-ка, госпожа хозяйка, побыстрее откройте окно и выбросьте сына в общую кучу к покойным родственникам, ведь кто-то же должен дать почин костру, в котором мы сожжём всю эту мерзкую семейку! Вот ведь какая гадость!

Хозяйка очень обрадовалась, и добродушный Экспландиан полетел в кучу, терпеливо ожидая, когда под ним затеплится огонь.

– Дальше! – приказал священник.

– Следом за ним шествует, – сказал цирюльник голосом, какими на площадях проповедуют толмачи, – вернее, хромает Амадис Греческий, и даже похоже, остальные, по моему мнению, все они – дальняя родня Амадиса.

– Дьявольское отродье! Так ступайте все в кучу! – изрёк священник, – Только за удовольствие сжечь королеву Пинтикинестру и вместе с ней пастушонка Даринеля, вкупе с его паршивыми высосанными из пальца эклогами, и гнусную хитромудрую чёртову околесицу этого автора, я бы сжёг даже собственного отца, несмотря на то, что он родил меня, явись он пред мои очи в образе ходячего рыцаря

– Я такого же мнения! – кивнул головой цирюльник,

– А я тем более! – добавила племянница.

– Вот так, – сказала хозяйка, – идите, и вы в загон с ними. И – в кучу их!

Нагрузившись, как могла, тяжёлыми томами, она, видимо, оберегая лестницу от лишних тягот, стала вываливать книги из окна.

– А это кто? – спросил священник.

– Это? – ответил цирюльник, – Это нечто! Пред вами дон Оливанте де Лаура собственной своей персоной!

– О! Автор этой книги, – сказал священник, – был автором «Цветочного Рассадника», как я вижу перед нами лучший специалист по клумбам и нюханью, и на самом деле никто не сможет сказать, какая из двух этих книжонок является более истинной, или, лучше сказать, менее лживой! Я просто признаю, что она точно пойдёт в утиль, за нечеловеческую глупость и высокомерие!

– За этим следует Флориморт из Хиркании! – сказал цирюльник.

– Неужто Мистер Флориморт к нам пожаловал? – повторил священник, – Боюсь и уверен, что и он должен найти своё место в загоне, несмотря на его невероятно гнусное происхождение и дальнейшие конвульсии, которые названы авторами «приключениями»! Сухость его стиля и корявый язык не оставляют никакой надежды на его помилование и реабилитацию! В загон его и вот этого с ним заодно, госпожа хозяйка.

– Радуйся, Господе мой! – ответила ключница, и с великой охотой побежала исполнять то, что ей было приказано.

– Это рыцарь Платир! – наконец изрёк цирюльник.

– Да-с! Весьма Древняя книга, – сказал священник, смахивая пыль с дубового переплёта, – и несмотря на это обстоятельство, я ни за какие коврижки не найду в ней того, что заслуживает нашей милости! Милорд! Извольте сейчас же проследовать в огонь!

Сказано – сделано!

Надо сказать, что куча под окном росла на глазах.

Тут священник открыл ещё одну книгу, и они увидели на титуле помпезное заглавие – «Рыцарь Креста».

– Да уж! Ради такого душеспасительного зачина, столь же святого, как и вся эта книга, можно было бы простить её художественное бесплодие и полное тупое невежество, но сколь часто и совершенно справедливо говорят, что за крестом всегда сидит дьявол, что я и не знаю, как тут поступить! ... А ну шустро в огонь! Пшла!

Приняв у цирюльника следующую книгу, святой отец сказал:

– Кажется, это «Зерцало Истинного Рыцарства»!

– Я уже знаю пределы вашего милосердия, – сказал священник, – там некий господин Рейнальдос Монтальбан со своими друзьями и сотоварищами, на круг там больше воров, чем у самого Кака, и в массовке участвуют все двенадцать пар Парижских Пэров, во главе с их истинным историком-батописателем Турпином. И честно говоря, я осудил бы их не меньше и не больше, чем на вечное изгнание, даже потому, что у них там присвоена часть изобре-

тения знаменитого Маттео Бьярдо, из которого ткал свою ткань истинно христианский поэт Людовико Ариосто, которого, особенно если я найду его здесь на каком-либо другом языке, а не на его собственном, я не буду уважать ни на грош, но если он говорит на своем языке, я возложу эту книгу на свою голову.

– Кажется он у меня на итальянском, – сказал парикмахер, – и между тем, я его не понимаю совершенно!

– Даже если бы вы его не поняли, – ответил священник, – и мы бы простили господина капитана, лишь бы он не тащил его в Испанию и не сделал из него деревянного кастильца, что лишило бы его естественной ценности. И что бы ни делали все те, кто хочет перевести книгу стихов на другой язык, как бы заботливо они не цацкались с автором и ни проявляли своё мастерство, истощно перевирая слова, они никогда не достигнут того уровня, какой стихи имеют при своем первом рождении. Первородство невозможно продать за чечевичную похлёбку! Словом, я утверждаю, что все эти французские поделки должны быть скорейшим образом собраны и брошены в сухой колодец, и пусть они там отмокают, пока мы не обретём всеобщее согласие в вопросе, что нам дальше делать с таким добрецом. Я боюсь встретить здесь Бернарда Карпианского, который наверняка где-то тут прячется, и другого – по имени Ронсенваль, попав в мои руки, эти поделки, должны сразу перекочевать в руки хозяйки, дабы она тут же передала их огню без какой-либо передислокации. Женщины вообще могли бы быть прекрасными палачами!

Все это подтвердил цирюльник, он хорошо знал своего приятеля, как правильного человека с хорошим вкусом, полагая того прекрасным священником, хорошим христианином и верным другом истины, который ничего, кроме истины в этом мире не признаёт.

Засим, открыв ещё одну книгу, он увидел, что это был Пальмерин Оливский, и рядом с ним был ещё один, который прозывался Пальмерин Английский, на что лицензиат сказал целую речь:

– Тэк-с! Оливку растоптать под ногами, растереть в оливковую кашу, потом в оливковое маслице, огнём неугасимым спалить дотла и развеять пепелок по ветру, чтобы и следа от него не осталось, но Пальму из Англии беречь, как зеницу ока и хранить вечно, в особом драгоценном ларце, подобном тому, который был найден Александром Великим в покоях Дария, предназначив его целиком и полностью для того, чтобы хранить в ней бесценные произведения поэта Гомера. Эта книга, милостивый государь, исключительно ценна по двум причинам: одна заключается в том, что она сама по себе очень хороша, а другая – она ценна потому, что её написал один великий португальский король. Все приключения в замке Бди—Бду-Бдуй прелестны и изумительны, они являют нам автора великим фантазёром, который с большим талантом поддерживает приличный уровень своей писанины, и достигает кристальной чистоты и ясности во всём, что говорит. Я утверждаю, что, будь на то ваше доброе соизволение, господин маесе Николас, что он и Амадис Галльский освобождены от огня, а все остальные, без всякого снисхождения и дальнейшего осмотра, да сгинут в огне!

– Нет, милостивый государь, – возразил парикмахер, – ещё не всё! Вот тут у меня есть ещё один – знаменитый Дон Белианис.

– Ах, вот как! – возразил священник, – за вторую, третью и четвертую части его надо напоить ревенём, чтобы очистить от слишком большой желчности, и ещё нужно изъять оттуда всё, что касемо Замка Славы и других ещё более нагромождённых нелепостей, для чего им потребуется длительный карантин и отстой, в результате коего они будут исправлены, так что нам удастся наконец поступить с ними милостиво и по справедливости. И пока что вы держите их, друг мой, дома, но, ради Бога, спрячьте куда подальше и, молю вас, не давайте никому их читать!

– Да, с превеликим удовольствием! – ответил цирюльник.

К тому времени изрядно подустав от разглядывания обложек рыцарских романов, он приказал хозяйке собрать все оставшиеся инкунабулы и выбросить их из дома. Она не была не слепа, ни глуха, и ей доставляло гораздо большее удовольствие носить книги в костёр, чем ткать огромные полотна за ткацким станком. Ей так хотелось выбросить книги в окно побыстрее, что она схватила в охапку сразу восемь штук. Оттого, что книг было слишком много и они были слишком толстые, и их трудно было удержать, одна из книг свалилась прямо под ноги парикмахера, который тут же поднял её, чтобы посмотреть, что это там такое завалилось, и увидел заглавие: «История знаменитого рыцаря Тиранта Белого».

– Оу! Сколь милосерден наш Господь! – воскликнул священник, возвысив голос почти до крика, – А вот и достойная мишень для нашего внимания и сосредоточенности! Поддай-ка мне, приятель, вот это, как я разумею, истинное вместилище мирской радости и сокровищницу мирских утех. Итак, вот пред нами дон Кьюрилейзон де Монтальбан, храбрейший рыцарь, и его брат Томас де Монтальбан, и рыцарь Фонсека, тут же изображена непередаваемая и несравненная битва Тиранта с огромным догом, на фоне остроут Девы Удовлетворяшки, которые переважают с любовью и дерзкими выпадами вдовы Подъелдыки, пока наконец не заявляется госпожа Императрица, прозябающая в любви с Ипполитом, её верным конюшим. Согласитесь, милорд, что по своему стилю и достоинствам – это лучшая книга в мире: здесь рыцари рождаются едят, спят и умирают на своих кроватях и пишут завещания перед смертью, и всё это на наших глазах! Ничего такого в других книгах этого жанра нет и в помине. И между тем, и утверждаю это, тот, кто это насочинял на потребу публики, при всех красотах стиля, нагородил в своём сочинении столько глупостей, что остаток жизни должен бы закончить на галерах. Отнесите его домой, прочитайте его и удостоверьтесь в моей правоте, вы увидите, что всё, что я вам сказал – это истинная правда!

– Идёт! Я так и сделаю! – ответил цирюльник, – но что мы будем делать с оставшимися мелкими книгами?

– Эти, – сказал священник, – должно быть, не из кавалерии происходят, это не рыцарские романы, это чистая поэзия.

Он раскрыл на середине толстенький том, и вдруг увидел, что это Диана Хорхе Де Монтемайор, и сказал, полагая, что все остальные в таком же духе:

– Они не заслуживают того, чтобы их сожгли, как и другие, такие же, потому что они не причинили и не причиняют никому вреда, который причинили рыцарские романы, это развлекательные, хорошие книги, и они не несут никому никакого вреда.

– Господи! – сказала племянница, – Умоляю вас! Давайте их спалим поскорее вместе с остальными книжонками! Прошу вас, повелите их сжечь, как и те, потому что не так уж невероятно, что, исцелив моего бедного дядю от рыцарской болезни, он, читая эти и увлечшись стишками, не пожелает стать пастырем или пастушком и не пойдёт бродить и шастать по лесам, лугам и полянам, что было бы ещё хуже, чем читать рыцарские романы, захочет на худой конец стать поэтом, что, как говорится, неизлечимая и прилипчивая болезнь со смертельным исходом.

– Верно говорит эта девица, – сказал священник, – и будет логично изъять у нашего друга все поводы для сумасшествия и других подвохов и каверз. Итак, как мы начинаем с Дианы Монтемайор, мне кажется, что она не горит, и сжигать её не надо, рановато, а надо отнять у неё все, что касается мудрой Фелиции и этой мутной заколдованной воды, от которой у меня изжога, и почти все старые, длинные, занудные стихи, и оставить ей в добрый час её прозу и честь быть первой среди подобных книг.

– Следом за ней, – сказал цирюльник, – устремим свои взоры на так называемую Вторую Диану, или Диану Салмантинку, а в придачу к ней другую, но с тем же названием, автором которой является Гил Поло.

– Ну что ж, – ответил священник, – сопроводим Саламатинку в костёр, а Гиля Поло будем хранить, как зеницу ока, словно его написал сам Аполлон! Поторопитесь, милорд, и давайте заканчивать экзекуцию, а то и до свету не управимся!

– Эта книга, – сказал цирюльник, открывая следующую инкунабулу, – десяти томник «О Судьбе Любви», составленный Антонио Де Лофрасо, сардинским поэтом.

– Клянусь всеми святыми, – сказал священник, – что с тех пор, как Аполлон стал Аполлоном, и музы – музами, и поэты-поэтами, в мире не было более смешной и безумной книги! Как бы это ни было составлено, по сути, это лучшее и самое уникальное из всех сочинений, которые когда-либо появлялись в мире, и тот, кто не читал эту книгу, должен уразуметь, что он лишенец, всю жизнь был обделён, и никогда не читал чего-либо вкусного. Отдайте эту книгу мне, приятель, и обретя её, я буду ликовать больше, чем если бы мне дали все бархатные сутаны из подвалов Индийского Раджи из Флоренции.

Он с большим удовольствием откинулся на спинку стула, и цирюльник продолжил:

– Засим шествует «Пастушок из Иберии», за ним следом – «Нимфы Энарес» и завершают всё «Уколы Ревности».

– Что же делать! – сказал священник, – Придётся передать заключённых в руки милой сердной хозяйки, и не спрашивайте меня, почему, ибо так мы никогда не покончим с этим!

– Смотрите-ка, тут обретается «Пастух Фелиды»!

– Это не пастух, – сказал священник, – но весьма начитанный придворный, столичная штучка – храните его пуще всех своих драгоценностей!

– А вот этот толстяк, который следует за ним, – сказал цирюльник, – «Сокровище Нескольких Стихотворений»

– Будь у них брюхо потоньше, – сказал священник, – мы бы их ценили гораздо больше: необходимо, чтобы эта книга была промыта и очищена от некоторых низостей, которые перемешаны в ней с высокими истинами, впрочем, пощадим её, потому что её автор – мой друг и из уважения к другим более героическим и возвышенным произведениям, которые он написал!

– Это, – продолжал цирюльник, – «Песни» Лопеса Мальдонадо!

– Автор этой книги, – повторил священник, – тоже мой большой друг, и его стихами, начитанными им самим, восхищаются все, кто их слышит, и как восхитительна мягкость голоса, с которым он выпевает их, все всегда просто в восторге от его голоса! Есть что-то чересчур длинное в эглогам, но никогда хорошего не бывает слишком много! Оставим его в избранном! Но что там рядом с ним?

– «Галатея» Мигеля де Сервантеса, – звонко доложил парикмахер.

– Вау! Многие годы этот самый Сервантес – мой большой друг, и я знаю, что он более разбирается в несчастьях, бедах и бедности, чем в стихах! В его книге есть что-то хорошее, есть удачные выдумки, изобретения, но он никогда ничего не доводил до конца! Нужно дождаться второй части этой книжки, кстати, обещанную им мне! Возможно, с помощью удачи он наконец полностью достигнет той милости, в которой ему теперь полностью отказано обществом и которой он заслуживает. А пока спрячьте её в самый тёмный застенок, и держите её там в заточении, милостивый государь, пока всё в мире не прояснится!

– С превеликим удовольствием, – ответил цирюльник, – И вот все три вместе: «Ауракана» Дона Алонсо де Эрсилла, «Аустриада» Хуана Руфо, «Суд Кордовы» и «Монсеррат» Кристо-баля де Вируэса, валансийского поэта.

– Все эти три книги, – сказал священник, – лучше, что было написано за все века на кастильском языке, они написаны, и они могут конкурировать с самыми известными сочинениями в Италии, храните, берегите их, как самые богатые одежды Испанской поэзии!

Он устало посмотрел на книги и, закрыв глаза, одним движением приказал, чтобы все остальные сгорели, и так бы и произошло, если бы цирюльник уже не открыл ещё одну книгу, которая называлась «Слезами Анжелики».

– Я вынужден был бы зарыдать, – сказал священник, услышав имя, – коль такая книга загорелась бы на моих глазах, ибо её автор был одним из знаменитых поэтов мира, а не только из Испании, и так божественно перевёл некоторые из побасенок Овидия.

Глава VII

Повествующая о втором выезде нашего хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского.

Остановившись на этом, вдруг услышал истошный голос Дон Кихот, кричавшего:

– Сюда! Сюда, два храбрых рыцаря! Сейчас нужно показать силу ваших храбрых рук, не то придворные рыцари похитят наши лавры на рыцарском турнире!

Все бросились на крики и вой, доносившиеся из соседней комнаты, и потому в огонь полетели несколько книг, так и не прошедших осмотр и проверку на вшивость, как-то:

«Ла Каролеада» и «Лев Испанский», вкупе с «Деяниями Императора», Дона Луиса де Авилы, которые, будь они хоть краем глаза замечены пристрастным взором нашего инквизитора, несомненно, должны были быть среди тех, кто избежал гибели, и, возможно, если бы священник видел их, их бы не постиг столь строгий приговор.

Когда они добрались до дон Кихота, он уже встал с постели и продолжал в своих криках и сетованиях втыкать шпильки во всех окружающих, будучи в таком оживлении, как будто не спал вовсе. Он всё время озирался и тыкал мечом во все

стороны, как будто поражая кого-то невидимого. Они обняли его и силой вернули на кровать, и лишь после того, как он немного успокоился, ему снова удалось обратиться к ним с такими словами:

– Кстати, господин архиепископ Турпин, это ли не позор, что все так называемые двенадцать Пэров, так и не сумев вырвать викторию на турнире у придворных рыцарей, а мы – жалкие, бессильные авантюристы вертели всех и пожинали плоды побед все три дня!

– Милорд! Ради бога, пожалейте себя! – сказал священник, – всё в руцех Божьих, и если Богу будет угодно, то завтра можно легко наверстать то, что потеряно сегодня. Лучше бы, ваша милость, вы подумали о своём здоровье, которое, как мне кажется, сильно надорвано усталостью, и к тому же, похоже, вы ранены!

– Ранен – не ранен, это ещё бабушка надвое сказала, – ответил Дон Кихот, – но действительно, изрядно помят и частично сокрушён – это точно, ибо этот ублюдок Дон Роланд измолотил меня саженым дубовым бревном, и всё от зависти, всё от зависти, ибо он видел, что я – последний достойный противник его храбрости! Но не будь я Ринальд Монтальбанский, если я не отрешусь от постели и, не заплачу ему полной монетой, несмотря на все его чары!

А теперь, ради всего святого, принесите мне поесть, хороший перекус скорее всяких слов вернёт меня к жизни, и позволит мне завтра отомстить всем моим врагам за все раны и поношения кривды!

Они дали ему поесть и снова уснуть, и тихо вышли в молчании, озадаченные, поражённые и восхищённые его безумием.

В ту ночь хозяйка сожгла и раздрала все книги, раскиданные по двору и разбросанные в доме, и даже такие, какие не должны были гореть, заслуживая вечного упокоения в архивах, но этому не потворствовала их злая судьба и отсутствие внимания и скрупулёзности у наших любезных инспекторов, что лишь подтверждает старую поговорку о том, что праведники всегда стократно платят за грешников.

Проложив свою беседу,

священник и цирюльник сошлись на том, что лучшим способом покончить со злом будет замуровать дверь в комнату, где хранились книги, чтобы Дон Кихот, когда ему придётся встать с ложа болезни, и которого неминуемо потянет к чтению, не нашёл входа в свою библиотеку, (типа, ежели покончить со следствием, то и причина скукожится и умрёт), а потом

поставить его в известность, что злой волшебник украл его книги, а вместе с ними и комнату, и всё. Всё это было исполнено с поразительной быстротой.

И вправду через два дня Дон Кихот встал с кровати, и первое, что он сделал – пошёл посмотреть на свои книги, и поскольку он не нашёл входа там, где оставил его, он стал ходить туда-сюда, разыскивая дверь и при этом шарил по всем стенам руками. Много раз он останавливался там, где раньше была дверь, и щупал стены руками, отходил и снова возвращался, и всё время шарил глазами по всему, что было вокруг, при этом не говоря ни слова, наконец, после всех этих бесплодных скитаний по дому он просто спросил свою ключницу, куда делась его библиотека? И где, мол, его любимые книги?

Ключница, которая уже была хорошо проинструктирована о том, что она должна была отвечать в таких обстоятельствах, ответила ему:

– О каком покое или о чём-то другом может спрашивать ваша милость? В этом доме больше нет ни комнаты, ни книг, потому что всё это забрал сам дьявол!

– Ну, точнее не дьявол, а колдун, – вторила ей племянница, – но довольно обаятельный человек, который прилетел сюда на облаке позавчерашней ночью, после того дня, как ваша милость скрылись отсюда, так вот, он прилетел на драконе, потом сокочил у него со спины, и вошел в комнату, и я не знаю, что он там творил внутри, только потом я смотрю, а он вылетел через печную трубу наружу и покинул дом, полный дыма и искр, и когда мы решились выйти, чтобы взглянуть на то, что он оставил, мы не увидели ни книг, ни порядка в доме, да и комната куда-то подевалась. Мы только очень хорошо, я и хозяйка, запомнили, что в то время, когда он вылетал из трубы, этот старый злой демон зло проорал противным, громким голосом, полным тайной вражды, что у него есть враг – владелец этих книг и покоев, где они лежат, и он оставил вред и порчу в том доме, и это скоро станет явью. Он также сказал, что его звали мудрец Муньятон.

– Может быть всё же Фрестон? – сказал Дон Кихот.

– Ну, не знаю, – ответила хозяйка, – как его звали, не то Дристон, не то Тритон, я запомнила только, что она заканчивалась на это «тон».

– Так и есть, – сказал Дон Кихот, – это мудрейший и злокозненнейший из практикующих волшебников, великий враг мой, у него есть старый зуб на меня, потому что он знает по своим чарам и письмам, что я должен прийти, со временем, сразаться в единственном сражении с тем рыцарем, которому он благоволит, и я должен гарантированно победить его, не смотря на все козни и противодействие, которое будет мне оказано, и поэтому он старается сделать со мной всё, на что он способен! Но сколько бы он ни злобствовал, сколько бы ни колдовал, он ничего не может противопоставить мне и избежать того, что предначертано небесами.

– Кто бы сомневался в этом? – сказала племянница, – Но кто втягивает вашу милость, господин дядя, в эти глупости? Разве не лучше мирно сидеть дома и не ходить по миру с протянутой рукой за хлебом, не считаясь с тем, что многие идут за шерстью и возвращаются трижды стриженными?

– О, племянница моя, – ответил дон Кихот, – и как же плохо ты вращаешь мозгами! Во-первых, пусть только попробуют, и прежде чем меня остригут, я вырву бороды и усы тем, кто осмелится коснуться самого кончика моего волоса!

Они не хотели с ним говорить, а тем более спорить, потому что все увидели, какой необузданный гнев бурлит в его сердце.

Таким образом, дело сложилось так, что Дон Кихот в течение двух дней сидел дома и был очень тих, не проявляя никакого желания снова залезть в железные обноски и начать бузотёрить, посвящая досуг общению с двумя своими закадычными приятелями, священником и парикмахером, потешая их весёлыми байками, упирая на то он сказал, что мир ныне больше всего нуждается в бродячих рыцарях и что в нём одном воскресает рыцарство. Священник иногда

спорил с ним, а иногда поддакивал, потому что полагал, что без хитрости с таким запущенным сумасшествием ему не совладать.

В это время Дон Кихот попросил своего соседа-крестьянина, человека добродетельного (если это название может быть дано бедняку, не связанному большим количеством добра) – но крайне сумасбродного, как любой, у кого мозги набекрень. Утвердившись в своей решимости уйти в рыцари, он так много наговорил ему всякой всячины и так убедил его в своей правоте, так много наобещал и гарантировал, что бедолага решил уйти с ним и служить ему оруженосцем. Он, в частности, советовал ему не мешкать со своим решением, потому что может случиться так, что если он, Дон Кихот, захватит какой-либо остров, он неминуемо сделает его губернатором.

Этими и другими посулами Санчо Панца (так звали этого крестьянина) был настолько вдохновлён, что в конце концов решился оставить жену и детей своих и стать оруженосцем своего соседа.

Затем Дон Кихоту принялся искать везде деньги, и, какие-то вещи продав, другие заложив с немалой для себя убылью, он в конце концов собрал вполне приличную сумму.

К этому надо добавить, что щит он на время одолжил у своего приятеля. Кое-как, насколько возможно, склеив разбитый свой головной убор, он предупредил своего оруженосца Санчо о дне и часе, когда

он собирался отправиться в путь, чтобы тот за это время смог как следует подготовиться к выезду и взять всё то, что подобает для этого. Самое главное – не забыть большую седельную суму – сказал он.

Санчо пообещал не забыть разобраться со всем этим, но напирая на то, что не привык ходить пешком,

сообщил, что решил взять с собой очень хорошего осла, который у него был. Что касается осла, то это обстоятельство сначала слегка насторожило Дон Кихота, и он стал лихорадочно перебирать в голове всевозможные

случаи, когда доблестных бродячих рыцарей сопровождали бы оруженосцы, оснащённые ослами, но ничего подобное не пришло ему на память, но он всё равно решил взять Санчо с собой, с перспективой, что как только представится удачный случай, и удастся изъять лошадь у первого же побеждённого им рыцаря, он сразу же передаст её Санчо.

Не забыв мудрый совет хозяина постоялого двора, он к тому же запасся сорочками, и всем, чем попало.

Когда все приготовления были завершены, всё сделано и подготовлено, то однажды ночью Санчо, не попрощавшись со своими детьми и женой, и дон Кихот, не попрощавшись со своей ключницей и племянницей, покинули место, так

незаметно, чтобы никто не видел их, и за ночь преодолели такое большое расстояние, что на рассвете были вполне

уверены, что даже если их будут искать, никто уже ничего не найдёт.

Санчо, со своей сумой на животе, выглядел, как патриарх, и

приторочив к поясу бурдюк с вином, в своих ботфортах, уже видел себя губернатором обещанного ему острова и заранее важно надувал щёки.

Дон Кихот и на этот раз избрал то же направление и путь, какой был во время первого путешествия, и сейчас он продвигался по знаменитой Монтинобуэльской долине, более бодрый, чем был в прошлый раз, в основном потому, что было ранее утро, и косые лучи низкого Солнца ещё не жарили и не утомляли их.

Тут Санчо и решился обратиться к своему хозяину:

– Ваша милость, господин бродячий рыцарь, послушайте меня, прошу вас, не забывайте о том, что мне обещано в смысле острова, так я вас заверяю, неважно, если он будет здоровенным, я с любым островом управлюсь, каким бы он ни был!

На что дон Кихот ему отвечивал:

– Ты должен знать, друг Санчо Панса, что это очень древний обычай, принятый среди всех бродячих рыцарей – назначать губернаторами своих земель своих верных оруженосцев, причём всё равно, острова или царства,

которые они захватили, и знай, я за этим не постою, потому что только моё исконное благородство способно восстановить достойный сей обычай!

Более того, я намерен продвинуться ещё дальше, ибо прежде рыцари по большей части, и возможно, всегда, выжидали, когда их оруженосцы состарятся, и уже после того, как они устали служить и переносить плохие дни и ещё худшие ночи, они давали им титул графа, или, по крайней мере, маркиза, из какой-то долины или провинции,

чуть больше или меньше наделяли землёй какойнибудь захудалой провинции.

.Но если ты, Санчо, будешь жив, и я не помру, то, вполне возможно, что по истечении недели я получу такое Царство,

и коль оно тебе приглянется, так тому и быть – будешь королём одной из провинций.

И не удивляйся слишком сильно, с рыцарями случаются такие дела, что никто и никогда бы не подумал, что такое вообще может случиться, так что очень может быть, что ты получишь даже много больше, чем я обещал!

– О как, – ответил Санчо Панза, – получается, что

если бы я каким-то чудом стал королем, о котором, по крайней мере, говорит ваша милость, тогда, что,

моя жёнушка стала бы царицей, а мои детки —
инфантами?

– Кто бы сомневался в этом? – ответил дон Кихот.

– Я в этом сомневаюсь, – возразил Санчо Панза, – потому что я уверен, что, даже если на земле пойдет дождь из корон, ни одна из них не придётся по мерке моей суженой

Марии Гутьеррес, знайте, Господин мой, что королевой ей не быть ни в жизнь, на худой конец она сможет быть графиней, если бог даст!

– Уповай на Господа, Санчо, – ответил дон Кихот, – что он даст ей всё, что ей подходит, но не напрягай его так сильно, чтобы ты пришёл довольствоваться меньшим, чем он готов тебя наградить!

– Не буду, Господи мой, – ответил Санчо, – и тем более, что благодаря вашей милости я буду получать то, что мне нужно и то, что будет мне по плечу!

Глава VIII

О потрясающей всякое воображение победе, вырванной доблестным дон Кихотом в свирепой и доселе невиданной схватке с ветряными мельницами, а равно так и всяких разностях, о которых нам будет просто приятно сообщить.

Тут, выехав из-за холма, они увидели в поле перед собой тридцать или сорок ветряных мельниц, и как только дон Кихот увидел это зрелище, он сказал своему оруженосцу:

– Судьба направляет наши дела лучше, чем нам хотелось бы, потому что вы видите там, что там перед нами обнаружили, друг мой, Санчо Панса, тридцать или несколько более колоссальных гигантов, с которыми я собираюсь сражаться и убить их всех, а потом обогатиться за счёт их достояния, и что это хорошая, великая битва – это ещё и великое служение Богу, чтобы смести дурное семя с лица Земли!

– Какие гиганты? – заинтересовался Санчо Панса.

– Те, которых вы видите там, – ответил хозяин, – с длинными клешнями, и некоторые из них имеют длину не менее двух лиг!

– Помилуйте, ваша милость, – ответил Санчо, – те, кто там тусуется, похожи скорее не на колоссальных великанов, а на обычные ветряные мельницы, и то, что в них похоже на руки, – это лопатки, которые крутятся от ветра, и заставляют работать каменные жернова.

– Хорошо выглядит, – ответил дон Кихот что вы не участвуете в этом приключении! Они велики! И если ты боишься, отойди в сторону и молись в пространстве, пока я приму жестокий и неправый мир!

И, сказав это, он что было сил вонзил шпоры в бока своей лошади и, не обращая внимания на выкрики, которыми его оруженосец Санчо предупреждал его, что это, безусловно, ветряные мельницы, а не какие-то колоссальные великаны, так что не следует спешить, не осмотревшись по сторонам.

Но с высоты ему виделось, что они были великанами, и он уже не слышал голоса своего оруженосца Санчо и не видел, хотя он был уже близко, что они были ветряными мельницами, и он поливал их во всю мочь:

– Исзуйте, трусливые и мерзкие твари! На вас бросается всего лишь одинокий рыцарь!

В этот момент поднялся небольшой ветерок, и большие лопасти завертелись с бешеной скоростью, что тут же увидел Дон Кихот и закричал:

– Погодите у меня, мерзкие твари! Даже если вы будете махать руками чаще, чем великан Бриарей, вы заплатите мне жизнью за ваши мерзкие козни! Поплатитесь теперь за всё!

И, сказав это, и всем сердцем грохотом цем препоручив себя своей госпоже Дульчине и умоляя её, находясь в некоем трансе, чтобы она помогла ему в таком немыслимом испытании, прикрывшись своим круглым щитом до макушки, с копьём наперевес, он пустил Росинанта во весь галоп и с шумом протаранил первую мельницу, которая была впереди остальных, и только он успел вонзить своё копьё в лопасть мельницы, как ветер повернул ее с такой яростью, что копьё его мгновенно разлетелось в щепки, а лопасть, подцепив коня вместе с рыцарем, с грохотом обрушила его на землю, оставив его лежать распластанным в весьма унижительной и дикой позе.

Увидев такое безобразие, Санчо Панса поскакал, понукая своего осла во весь его ослиный мах, чтобы помочь своему хозяину, и когда доскакал до цели, он обнаружил, что дон Кихот не может даже пошевелиться – такой силы был удар получил он вместе с Росинантом.

– Боже милостивый! – возгласил тут Санчо, – Разве я не кричал вам, милорд, чтобы вы хорошо смотрели на то, что перед вами, а это были просто ветряные мельницы! Никто не мог бы игнорировать это, кроме того, у кого ветряные мельницы кружатся в голове!

– Заткнись, друг Санчо! – ответил дон Кихот, – Знай, что военные дела всегда приводят к быстрому изменению диспозиции, даже чаще, чем мне казалось, и это правда, что мудрый Фрестон, который украл у меня комнату и книги, всели этих чудовищных великанов в эти мельницы, чтобы забрать славу моей дивной виктории, так велика его вражда ко мне, так он ненавидит меня, но в конце концов, его злые чары падут пред истинной добротой моего меча!

– Всё в руках господних, но... – ответил Санчо Панса с некоторым сомнением.

Он помог Дон Кихоту подняться и вскарабкаться на Рочинанте, который был тоже едва жив. Так, продолжая обсуждать прошлое приключение, они затрусили по дороге до самого Ущелья Ляпис, ибо там, полагал Дон Кихот, им придётся испытать много, очень много приключений, потому что это место очень прохожее, и людей там всегда масса, но Дон Кихот, был страшно удручённый утратой своего копья, обратился тут к своему оруженосцу:

– Я помню, что где-то вычитал, что испанский рыцарь по имени Диего Перес де Варгас, оказавшись после битвы без меча, вырвал из дуба тяжелый сук или бревно, и с ним так орудовал в тот день, такие чудеса вытворял, что раздавил целую кучу мавров, за что получил прозвище Дубасил, и с того славного дня все его наследники носили героическое имя Варгасов-Дубасилов. К чему я говорю это? Да к тому что выломаю самый большой сук из первого дуба, который попадётся нам на пути, неважно, будет ли это простой дуб или каменный, такого размера, какой я представил в воображении, и собираюсь совершить с ним такие подвиги, что тебе повезло, Санчо, что ты заслужил право узреть и стать свидетелем того, во что вряд ли можно поверить обыкновенному человеку.

– Всё в руках Господних! – сказал Санчо – Я верю вам так, как родному, и полагаю, что всё будет так, как говорит ваша милость, но, прошу вас, выпрямитесь хоть немного, потому что, кажется, что вас совсем скрючило, и должно быть, от вашего свирепого падения на землю.

– Это правда! – гордо ответил дон Кихот, – И, знай, если я и не жалуясь на боль, то это только потому, что бродячим рыцарям не позволено жаловаться на любые раны, и настоящий идалго не имеет никакого права жаловаться, даже если у него вывалятся кишки на землю.

– Коли это так, то мне и добавить нечего, – ответил Санчо, – но один Бог знает, как бы мне хотелось, чтобы ваша милость всё же жаловалась, когда ей будет очень больно. О себе я знаю, что буду ныть от малейшей боли, даже если такое право не распространяется на оруженосцев бродячих рыцарей, я себе жаловаться уж как-нибудь разрешу.

Дон Кихот не переставал смеяться над удивительным простодушием своего верного оруженосца, и поэтому он заявил ему, что он может жаловаться, как и когда он пожелает, с должным на то основанием, или нет, до тех пор, пока не устанет, потому что в рыцарских уставах ничего явного по сему поводу не сказано!

Тут Дон Кихот сказал Санчо, не пришло ли время перекусить от трудов праведных.

Санчо же ответил своему хозяину, что к тому времени, когда у них не будет маковой росинки во рту и он не будет нуждаться в нем, он может съесть и его, когда захочет.

Дон Кихот же сказал Санчо, что пока что есть он не хочет, а Санчо может всегда перекусывать, когда ему заблагорассудится, никогда не испрашивая ни у кого никаких разрешений.

С этой лицензией он Санчо как можно удобнее расположился на спине его осла, и вынув из седельных сумок то, что там было, и потрусывая за своим хозяином, стал смачно закусывать, время от времени отхлёбывая из своего бурдючка с таким присёрбыванием, что ему могли бы позавидовать самые отпетые пьянчуги в Малаге. И вот в то время как он ехал, столь часто

прикладываясь, да прикладываясь к своему бурдючку, из головы его потихоньку вылетели все эти обещания, которые ему надавал Дон Кихот, и в благодарность за то, что ему позволено так долго оттягиваться и отдыхать, он сам потихоньку стал мечтать и ждать новых приключений, какими бы опасными они ни оказались.

В ту ночь они заночевали под большими пробковыми дубами, и от одного из них Дон Кихот оторвал сухой сук, который почти что мог служить ему копьём, и даже насадил на него железный наконечник, который он снял со сломанного копья. Всю эту ночь Дон Кихот не спал, думая о своей госпоже Дульчине, пытаясь приспособить реальность к тому, что он читал в своих книгах, где рыцари проводили бессонные ночи в цветущих и безлюдных лесах, развлекаясь чтением мемуаров своих дам.

Санчо же употребил свой досуг на совсем другое: поскольку у него был полный желудок, налитый отнюдь не цикорной водой, от сна он взял всё, что возможно, и всю ночь спал мёртвым сном, и если бы его не разбудили, если бы хозяин не стал тормошить его, то бог его знает, когда бы он вообще проснулся, несмотря на лучи солнца, сильно бившие ему в лицо, или пение птиц, которые несметными голосами и очень радостным пением приветствовали пришествие нового дня. Встав, он подошел к своему бурдючку и нашел его изрядно похудевшим, чем он был накануне вечером, и он всем сердцем огорчился, потому что ясно понимал, что его бурдючок ещё долго не будет иметь никакого пополнения.

Дон Кихот и тут не захотел завтракать, потому что, как говорится, он питался в основном сладкими мечтами. Они выехали на свой старый путь направлением на Гавань Ляпис, и к полудню, примерно около трёх часов увидели её пред собой.

– Здесь, – сказал Дон Кихота, поглядывая на Санчо, – мы можем, брат Санчо Панса, по самые локти запустить руки в самые крутые приключения на свете! Но предупреждаю, что даже если ты увидишь меня в величайших опасностях мира, ты не должен устремлять руку к своему мечу, чтобы защитить меня, пока ты не увидишь, что оскорбляющие меня негодяи – это низшие люди и всякий сброд, и знай, что только в таком случае ты можешь мне помочь, но если же они будут рыцарями, то будет совершенно незаконно и не даровано законами бродячего рыцарства, чтобы ты помогал мне, пока не будешь посвящён в рыцари и сам не станешь бродячим рыцарем!

– Между нами говоря, господин мой, – ответил Санчо, – что ваша милость может ни в чём таком не сомневаться, я из повиновения ни при каких коврижках не выйду, и тем более, что я сам по себе вполне смирен и противен тому, чтобы впадать в безумие и всякие драчки! Верно при этом, что в любом случае я буду денно и нощно защищать свою личность, и у меня не будет особого уважения к людям этим законам, ибо всё божественные и человеческие законы, не говоря уж о рыцарских позволяют каждому защищать себя всеми методами от того, кто хочет обидеть его.

– Тут я вполне могу согласиться с тобой, – ответил дон Кихот, – но в этом случае, чтобы помочь мне супротив рыцарей, ты должен всеми силами сдерживать своё горячее нутро!

– Да я о том же и твержу! – ответил Санчо, – и клянусь, что сдерживание нутра будет для меня свято, как святой воскресный отдых!

Пока они увлечённо обсуждали эти важные проблемы,

два монаха ордена рыцарей Святого Бенедикта на двух дромадёрах, которые были высотой не ниже двух увесистых мулов, оказались прямо перед ними на дороге. На носках у них сидели огромные чёрные очки, а над головами распахнулись большие зонты, призванные защитить их от испепеляющего Солнца. Следом за ними ехала карета, запряженная четырьмя или пятью лошадьми, возница, и два мула. В карете, как стало известно спустя некоторое время, ехала некая дама, и как потом выяснилось, ехала она в Севилью, где находился её муж, который должен был отбыть в Индию с очень важным и почётным поручением. Монахи не смели при-

близиться к ней, потому что были случайными попутчиками, но едва зоркий глаз Дон Кихота остановился на них, как он обратился к своему оруженосцу:

– Разуй мои глаза, Санчо, ибо если я не обманываюсь, нас ждёт, должно быть, самое знаменательное приключение, которое кто-либо когда-либо видел, ибо эти чёрные шишки, эти мерзкие страшили, эти огородные пугала, которые там, как я вижу, торчат на нашем пути, на самом деле являются явными колдунами, и, судя по их заговорческому виду, они влекут в рабство украденную ими принцессу, а может быть даже уже изнасиловали её, и изнасиловав, теперь держат её в заключении в этой роскошной карете, что должно быть преекращено всей мощью моего выдающегося интеллекта и силой моих рук! О, бедная страждущая душа! Я верну тебе утраченную невинность!

– Не аукнется ли это нам хлеще, чем ветряные мельницы? – озабоченно спросил тут Санчо, – Послушайте, сэр, это всего лишь монахи из Сан-Бенито, а в карете, должно быть, едут какие-то путешествующие пассажирки. Смотрите лучше, сэр, я говорю, ваша милость, хорошо рассмотрите всё это, прежде чем вас обманщик дьявол подтолкнёт на какие-то явные безумства!

– Я уже говорил тебе, Санчо, – ответил дон Кихот, – что ты мало чего смыслишь в приключениях: то, что я говорю, абсолютнейшая правда, и теперь ты узрешь это воочию!

И, сказав это, он ринулся вперёд и застыл посреди дороги, по которой шли монахи, и когда оказался так близко к ним, что ему показалось, что монахи могут прекрасно его слышать и понять, что он говорит, он громко проорал им:

– О, вы, бесстыдные мелкие людишки! Мерзкие чёрные страхолюдины! Сейчас же освободите этих прекрасных принцесс, которых вы удерживаете силой в этой карете, отпустите их сейчас же, а если нет, то вы должны принять смерть как справедливое возмездие за ваши злые деяния!

Монахи побросали вожжи, и были очень ошарашены, как ужасающей фигурой Дон Кихота, так и его странным облачением и оружием, однако, пошушукавшись между собой, они ответили:

– Господин джентльмен, мы не бесстыдны и не страшили, а два честных монаха из Сан-Бенито, и едем строго по своим нуждам, и совершенно не знаем, находятся ли в этой карете какие-либо захваченные кем-то принцессы!

– Не забалтывайте мне язык, подлые негодяи! Этого вам не удастся сделать никогда! Мне известен, подлые каналы, ваш вероломный змеиный, сладкий язык! – ответил им доблестный дон Кихот.

И, не дожидаясь ответа, он что было сил всадил шпоры в бока Росинанта и, грозно опустив копье, бросился к первому монаху, с такой яростью и решимостью, что, если бы монах от испуга не свалился со своего верблюда, он поневоле заставит бы его приземлиться на дорогу, да ещё покалечить при этом так, что неизвестно вообще, остался бы тот жив или мгновенно окочурился от страшных ран! Второй монах, увидев, как обращаются с его напарником, взял ноги в руки, сжал бога своего верного дромадёра, вонзил ему в бока острые стемена и уже без всяких комментариев приударил по дороге быстрее ветра.

Санчо, увидев лежащего на земле монаха, соскочил со своего осла, шустро кинулся к нему и принялся отбирать у него вещи и снимать с него сутану. Тут к нему подлетели два погонщика и стали спрашивать его, зачем он раздевает этого типа, на что Санчо легкомысленно ответил, что это его законные трофеи, какие добыты в результате битвы, которую выиграл его хозяин дон Кихот. Те же, не понимая таких шуточек, и совершенно не имея никакого представления, что такое битвы и трофеи, и учитывая, что дон Кихот отвлекся от них, разговаривая с теми, кто ехал в карете, всей толпой с визгом набросились на Санчо, повалили его наземь, с тем, чтобы не оставив волоса в его бороде, избить его немилосердно ногами и в конце концов оставить его лежащим на земле без дыхания и чувств. И, не останавливаясь ни на минуту,

монах, перепуганный до смерти и бледный, как полотно, когда он увидел, как его товарищ улепётывает что было сил по дороге, чтобы с приличной дистанции наблюдать за происходящим и поджидать его, не желая ждать конца этой катавасии, тоже бросился в бега, и они вдвоём так припустили что было сил, всё время оглядываясь и крестясь так, как будто за ними гнался сам Дьявол.

Дон Кихот же, как было сказано ранее, разговаривая с хозяйкой кареты, обращался к ней:

– Добрая синиора, сударыня моя, теперь вы можете всецело располагать собой и делать то, что подобает вашей несравненной красоте, потому что гордость ваших похитителей повержена на землю моею сильной, карающей дланью! И чтобы вы не изводили себя, мучаясь в попытках узнать, как имя вашего освободителя, знайте, что меня зовут дон Кихот Ламанчский, я вольный бродячий рыцарь и искатель приключений, а в придачу к этому ещё и пленник непревзойденной и прекрасной доньи Дульцинеи Тобосской, и в воздаяние за то благо, которое вы получили от меня, я не хочу ничего другого, кроме того, чтобы вы вернулись в Тобосо и предстали перед сей высокородной синьорой, дабы поведать ей о том, что я сделал для свободы вашей милости.

Всё, что Дон Кихот говорил, от первого до последнего слова, слушал погонщик, который сопровождал эту карету, урождённый бискаец, который, видя, что это огородное чудище не хочет пропускать карету, а напротив, хочет развернуть её в Тобоссо, на кривых ногах подбежал к Дон Кихоту, и, схватив его за копье, стал орать ему на плохом кастильском языке и ещё худшем Бискайском наречии, что так или иначе он чем-то недоволен:

– А ну пошла так вон! Ты плоха кончит! Клянусь Госпади, что я дам твою так, что если ты не оставил карэт, то убью тебя так, как ты там нибл!

Как ни странно, Дон Кихот его прекрасно понял, и с великим сочувствием и симпатией сразу ответил ему:

– Если бы ты не был таким жалким и омерзительным отребьем, каким являешься, а благородным рыцарем и джентльменом, я бы уже давно наказал тебя за твою возмутительную дерзость, покарал бы твою наглость и безрассудство, способное удерживать это чарующее существо, превратил бы тебя в фарш и даже на свои деньги купил бы тебе подобающий и уютный гроб, в котором теперь тебе теперь всё же придётся лежать поневоле!

На что бискайо взорвался следующей темпераментной тирадой:

– Это я нэ джэнтльмен? Клянусь Бога, ты лжот, как христианэн! А ну брысь свой мыталку и бэри остряк, водунас, будэм пасматрэть, кто будыт носит кишка! Быскайэц по суше, быскайэц по морю, быскаэц по дьяволу – виздэ ыдальго! И ты лжёт, что думала, что я позволю тебе ещё хоть что-нибудь сказать!

– Ты ещё не видел, что рёк Аграхар! – гневно ответил ему дон Кихот, – Я тебе сейчас покажу!

И бросив копье на землю, он вытащил свой меч и, схватив крепкими руками свою роделлу, бросился с визгом на бискайца, нешуточно вознамерившись сразу же отнять у него жизнь. Бискайцу, увидевшему, что, кажется, приходит его конец, и не надеясь на полудохлого мула, который был под ним, и который, будучи наёмным злодеем, не мог быть ни в коем разе его надёжной опорой, не мог придумать ничего лучшего, кроме как вытащить из-за пояса свой кривой меч, и надо сказать, что ему повезло, потому что он стоял рядом с каретой, и был весьма сообразителен, по каковой причине он тут же вытянул из кареты украшенную вензелями подушку, которая служила ему теперь щитом, а затем они как по команде ринулись друг на друга, поднимая клубы пыли, как два смертных врага. Окружающие хотели было их разнять и утихомирить, но не смогли, потому что бискаец в своих проклятиях бился и орал, что, если ему не дадут покончить с этим чучелом, с этой обезьяной в шлеме, с этим пугалом, он убьёт свою хозяйку и всех, кто встанет ему поперёк дороги, даже если это будет сам Господь Бог. И надо сказать, что и дон Кихот ничуть не отставал от него в проклятиях и воинственных

кликах. Хозяйка кареты, вконец обалдевшая и донельзя запуганная всем тем, что ей выпало лицезреть, приказала кучеру поскорее гнать карету куда глаза глядят, и потом издалека принялась наблюдать из-за занавески за жестокой сечью, в ходе коей визжащий, как свинья бискаец так дал орущему в голос Дон Кихоту сплеча мечом, что не защити того его верный щит, он неминуемо раскроил бы его к чертям собачьим напополам.

Дон Кихот, который на своей шкуре ощутил свирепую тяжесть этого коварного выпада, дал себе волю и во всю мощь своих лёгких заорал:

– О, повелительница души моей, Дульцинея, цветок моего сердца, спаси и помоги своему верному рыцарю, который исполняя долг за вашу великую доброту, подвергается теперь серьёзнейшей опасности в этом суровом поединке!

Сказать это и покрепче сжать меч, дабы хорошо прикрыть себя ронделлой и нанести удар в это визжащее недоразумение – всё это было делом одной секунды. И бискаец тут же правильно оценил крайнюю решимость, ярость и гнев, какие испытывал теперь Дон Кихот, в желании своём как можно достойнее ответить на коварный выпад бискайца, и оценив его мужество, он решил защищаться и что было сил прижал свою подушку к груди и так и остался торчать на месте, не имея возможности повернуть своего тупого мула в ту или иную сторону, а осёл то ли из-за крайнего утомления, то ли из-за потрясения и диких криков, никогда не имея дела с такими коловращениями, не мог от испуга сделать и шага.

Одним словом, как уже говорилось, дон Кихот, подняв меч высоко над головой, стал наступать на горячего бискайца, с решимостью раскроить его пополам, и визжащий бискаец, ожидая свой скорый конец, тоже поднял меч и ещё сильнее прижал к груди своей подушку, и все окружающие в ужасе отпрянули от них, думая о том, к чему могут привести чудовищные удары, которые они готовы нанести друг другу, в то время как хозяйка кареты и другие её служанки возносили тысячи проклятий и воззваний всем святым, каких знали и обещали вспоможествование всем, какие есть, монастырям Испании, только чтобы Бог избавил их драгоценного слугу и их самих от той великой опасности, которая на них готова была обрушиться каждую последующую секунду.

Но тут, к величайшему нашему сожалению и к прискорбию читателей и зрителей, мы вынуждены прервать своё воистину стереоскопическое описание и сослаться на свидетельства первого летописца подвигов дон Кихота, который упирал на то, что не смог в силу занятости присутствовать на окончании столь примечательной битвы, а потому в принципе не может ничего о ней сказать, страшно извиняясь за то, что принудил историю промолчать и вынужден был поставить точку в середине фразы.

Правда, второй автор пьесы не хотел верить в то, что столь любопытная история могла быть предана забвению, и историографы Ла Манчи могли быть настолько равнодушны к чудесам Ла Манчи, что в их архивах или на столах не нашлось каких-то бумаг, в которых бы появлялся знаменитый джентльмен или таких, которые относились бы к его персоне, что, вдохновлённый такими надеждами, и предавшись всецело своему воображению, он не отчаивался найти конец этой мировой истории, которая, будучи несомненно благословлённой небом, в конце концов открылась ему так, как будет рассказано во второй части этой неслыханной и прекрасной истории.

Глава IX

Часть вторая Великого Поединка Хитроумного Идальго Дон Кихота Ламанчского, Где завершается и имеет свой конец Великая битва, которую вели гордый Бискайо и храбрый Идальго

В первой части этой потрясающей истории мы оставили храброго бискайца и знаменитого Дон Кихота с оголёнными и высоко поднятыми мечами, готовыми обрушить на друг друга столь яростные удары, что случись это въяве, они по крайней мере разрубили бы друг друга на две равные половины, как в иных случаях разрубают на две равные части спелый гранат, а порой – колбасу, а расстались мы тогда только потому, что автор этого несравненного, невероятно вкусного повествования остановился на этом месте, даже не указав, где и когда можно будет узнать, чем всё это закончилось. Это вызвало у меня большую грусть, потому что на мой вкус, прочитанные мной страницы доставили мне такое несравненное удовольствие, что я стал испытывать отвращение от мысли о тяжком и долгом пути, который предлагался, чтобы найти, насколько мне кажется, потрясающий и парадоксальный конец, какого не хватало этой вкусной сказке. Это казалось невозможным и глубоко аморальным, что такому доброму джентльмену не хватило и не досталось мудрецов, которые осмелились бы взять на себя ответственность за то, чтобы вырвать из молчаливых пучин мировой истории такие несравненные и невиданные подвиги, что не хватило на одного из бродячих рыцарей, из тех, о которых потом говорят народы, воспевающие потом их приключения, своих летописцев, ибо у каждого из них всё равно оказывался один или два мудреца, которые не только описывали эти святые деяния, но и обрисовывали их малейшие мысли и всякие мелочи, как бы скры они ни были, и не должно быть такого несчастного, такого доброго рыцаря, коему не досталось бы той славы, что осталась от Платира и других подобных ему. Итак, я не мог смириться с тем, что такая лихая история может быть испорчена или уничтожена, повинувшись злобности времени, пожирателя и истребителя всех вещей, которые потом либо скрыты, либо погребены навсегда.

С другой стороны, мне казалось, что, поскольку среди его книжных розвальней были такие же современные, как «Разочарование Ревности» и «Энарейских Нимф и Пастушек», его история также может быть вполне современной, и что, поскольку она не была написана, она поневоле останется в памяти жителей его деревни и всех живущих в округе Ла Манчи. Моё воображение привело меня в великое замешательство и желание узнать реальную и истинную картину жизни этого человека и узнать всё о чудесах нашего знаменитого испанца Дон Кихота Ламанчского, светоча и зеркало бродячего рыцарства, первейшего из всех, кто в нашем возрасте и в эти ужасные времена стал трудиться и упражняться в обладании оружием, помогать ущербным вдовам, защищать невинных девиц и служанок, тех, кто всюду бродили по горам и долам на своих иноходцах, вооружившись плёткой, чтобы защититься от каких-нибудь ублюдков, и надо сказать, что в прошлые времена были девы, которые и в восьмидесят лет, и не переспав ниодного дня под кровлей, и если их не изнасиловал какой-нибудь лихоимец, или злобный великан, так и уходили в могилу такими же невинными, как их матери. Итак, я утверждаю, что за эти и многие другие подвиги достоин наш лихой дон Кихот непрерывных и публичных похвал. И даже мне не следует отказывать в уважении за работу и усердия, которые я вложил в поиски завершения этой приятной истории, хотя я хорошо знаю, что если небо и судьба не помогут мне, мир останется без развлечений и понимания, как здорово почти два часа провести за чтением такой изумительной истории. И вот при каких обстоятельствах был обнаружен этот конец!

Когда я был однажды в Алькане, что в Толедо, мимо шёл мальчик, торговец канцелярскими принадлежностями и всяким старьём, в том числе древними бумагами, до которых так охочи жаждущие коллекционеры, и так как я люблю читать всё, даже скомканные бумажки, которые нахожу на улицах, я, руководствуясь моей естественной склонностью, взял у мальчика одну из этих тетрадей, которые мальчик на моих глазах продавал торговцу шёлком, и оказавшуюся написанной, как я догадался, одними сплошными арабскими буквами. Догадаться-то я догадался, что они арабские, но прочитав их так и не смог. А так как я не мог их прочесть, я всё ходил и высматривал, не покажется ли на горизонте какой-нибудь мориск или алхамик, способный прочесть их, и надо сказать, что найти такого переводчика было не так уж трудно, ибо, даже если бы я искал у него переводчика с другого, более древнего языка, я мгновенно нашел бы его. В общем, мне повезло, что один мориск, которому я изложил моё желание, взял мою книгу в руки, открыл ее, и, прочитав совсем чуть-чуть, стал смеяться во весь голос. Я спросил его, над чем он смеялся, и он ответил, что о том, что на полях этой книги очень смешное примечание. Я попросил его пояснить, и он, не переставая смеяться, сказал:

– Это, как я уже сказал, примечание, начертанное на полях. Читаю: «...эта Дульчинья Тобосская, столь много раз упомянутая в этой пренопамятной истории, многие говорят о ней, что у неё была лучшая рука для соления свинины, чем у любой женщины во всей Ла Манче.

Когда я услышал, как говорят о Дульсинее из Тобосо, я был ошеломлен, и сразу же заподозрил, что эти письма содержат историю Дон Кихота. С этим соображением я дал ему, чтобы он прочитал титул тетрадки, и он тут же перевёл его с арабского языка на Кастильский, и вот что он мне доложил:

«История Дон Кихота из Ла Манчи, сочинённая Сидом Ахмед Али Бененджели, арабским историком».

Много благоразумия было необходимо, чтобы скрыть радость, которую я испытал, когда до моих ушей дошло название книги, и, припустив, как можно быстрее к торговцу, я купил у мальчишки все бумаги и карты скопом за каких-то пол-реала, и уверен, что будь он поблагоразумнее и знай он, как сильно я хочу заполучить их, то вполне мог вытребовать у меня более шести полновесных реалов. Затем, зайдя вместе с мориском в большую церковь при монастыре, я обратился к нему с просьбой перевести всё, что было в этих тетрадях, не убавляя и не прибавляя ни буквы к оригинальному тексту, на Кастильский язык, и за любую плату, которую он потребует. Довольствуясь двумя арробами изюма и двумя фанегами пшеницы, он обещал перевести их как можно лучше, и сказал, что сделает это хорошо, верно и в очень короткие сроки. Но я, для того, чтобы облегчить это дело, и не рисковать такой ценной находкой, я поселил его у себя дома, где чуть более чем за полутора месяца он перевел эту историю от начала до самого конца, такой, какую вы видите сейчас перед собой.

В начале первого манускрипта, так я позволю себе назвать эту тетрадочку, я увидел удивительную картинку, на которой очень естественно изображалась битва Дон Кихота с буйным бискайцес, оба они там в чрезмерно напряжённых позах, как история рассказывает, мечи вздыблены, один прикрыт своим круглым щитом – его роделлой, другой защищается подушкой, и мул бискайца вышел вообще, как живой, и видно на дистанцию арбалетно выстрела, что мул этот не его собственный а взятый взаймы. У ног бискайца приписано название, в котором говорится: «Дон Санчо де Азпетия», что, несомненно, должно было быть его именем, а у ног Росианта была ещё одна надпись, из которой следовало, что перед нами Дон Кихот. Росиант был просто красавец: вся шерсть на нём слежалась и облезла, видно было, какой он был тусклый и тощий, с выпирающим позвоночником и рёбрами, похожими на совершенно вытертую стиральную доску, со своим запавшим животом, он как нельзя лучше оправдывал своё помпезное прозвище. Рядом с ним стоял Санчо Панса, который держал поводок своего осла, а у ног его стояла ещё одна подпись, утверждающая, что это: Панчо Санса, и должно быть, это был он, судя по большому животу, изображённому на картине, короткому телу и длинным ногам,

вероятно именно из-за этого ему было дано здесь имя Панчо Санкаса, причём для нас совершенно неважно, под каким из этих двух имён ему удалось войти в историю. Некоторые частностями, как утверждают, следует пренебречь, ибо все они не слишком важны и не могут, как случайности, умалить истинную историю, а как вы знаете, ни одна из историй не плоха, если она истинная.

Если против этой истории могут быть высказаны какие-то возражения, близкие к истине, то они не может быть другими, так это только то, что она была написана арабским автором, очень похожим на тех из этой нации, кто был лжецом, хотя, будучи по своей природе нашим врагом, можно предположить, что он скорее преуменьшил, чем что-то преувеличивал. И по моему мнению, это подтверждается тем, что там, где он должен был бы размахивать пером в похвальбе такого доброго джентльмена, кажется, он его полностью замалчивает: очень подлая и даже ещё худшая вещь, учитывая, что делал он это умышленно, хотя обязанность настоящего историка состоит в точности и непредвзятости, дабы ни интерес, ни страх, ни дружба, ни коррупционность не заставили их сбиться с пути истины, которая на деле – родная дочь истории, конкурентки времени, жемчужина всех свершений, свидетель прошлого, пример и канон для настоящего, а также и предостережение о будущем. Я гарантирую вам, что из этой истории можно извлечь всё, что может содержаться в любом занимательном чтиве, и если в ней обнаруживаются какие-то существенные изъяны, то в этом виноват псина-автор, а отнюдь не описанный субъект. Итак, её вторая часть, если следовать переводу, начиналась следующим образом:

«Мечи двух отважных и обозлённых бойцов были подняты и подняты так высоко, что, казалось, угрожали самому небу, земле и преисподней – последствие крови, которая пульсировала у них в жилах. И первым, кто решился нанести удар, был холерик Бискаец, который нанёс удар с такой силой и такой яростью, что, не дрогнув в его руке меч, то одного этого удара было бы достаточно, чтобы положить конец этой жестокой схватке и любым приключениям нашего рыцаря, но удача, которая хранила его для великих дел, скрутила меч его соперника, так что, даже когда он что было сил ударил Дон Кихота в левое плечо, он не причинил ему никакого вреда, кроме как снес попутно половину уха и сорвав с его плеча большую часть доспехов, которые обрушились на землю ужасным грохотом, а сам рыцарь при такой экзекуции приобрёл весьма жалкий вид.

Господи, и кто будет тот, кто возьмёт на себя обязанность поведать о том бешенстве, которое овладело сердцем ламанчского идадьго, когда он понял, что с ним сделали эти отщепенцы! Не говоря больше ни слова, он снова поднялся на ноги и, ещё крепче сжав меч в обе руки, с такой яростью бросился на Бискайца, нанося ему град ударов по подушке и голове, что, даже уворачиваясь от многих ударов при помощи ловкой защиты, он почувствовал, будто бы на него упала гора, кровь хлынула у него из носа, рта и ушей, и он уже готов был сорваться со своего мула на землю, потому что, несомненно, стал падать, когда бы не успел ухватиться за круп мула и обнять его за шею, обнял ее за шею, но все-таки ноги вылетели у него из стремян, а потом растопырил руки, и мул, испуганный страшным ударом, брыкаясь, поскакал по полю, и в несколько прыжков скинул своего хозяина на землю.

Дон Кихот смотрел на происходящее молча, и, увидев, как бискаец полетел на землю, он соскочил со своего коня легко подбежал к бискайцу, после чего, направив кончик меча в глаз бискайца, велел ему сдаться, иначе, мол, он отрежет ему голову. Бискаец был так ошарашен, что не мог ответить ни слова, и ему было так плохо, что он почти не видел дон Кихота, как слепой от ярости Дон Кихот почти не видел его, если бы дамы в карете, которые в упор, находясь в полубморочном состоянии наблюдали за происходящим, не выскочили из катеты и став рядом с ним, с большим усердием не стали бы просить его сделать им такую великую милость, и оставить в живых их верного слуги и оруженосца. На что дон Кихот ответил им с большим подъёмом и серьезностью:

– Кстати, милые дамы, я очень рад исполнить то, о чём вы просите меня, но я готов сделать на определённых условиях и не без оговорок, и этот достойный джентльмен должен обещать отправиться в Тобосо и предстать от моего имени перед милой доньей Дульчинеей, чтобы она поступила с ним по своему произволению!

Испуганная и убитая происходящим дама, не понимая, о чем просит Дон Кихот, и не спрашивая, кто такая эта Дульчиния, тут же пообещала ему, что её слуга сделает всё, что от него потребуется.

– Я готов поверить вам на слово, – сказал на это дон Кихот, – и не причиню ему больше никакого вреда, хотя он и заслужил смерти!

Глава X

О весьма остроумном разговоре, который затеяли доблестный дон Кихот и его оруженосец Санчо Панса.

К этому времени Санчо Панса, с которым слуги монахов обошлись довольно скверно, поднялся с земли, и внимательно наблюдал за битвой своего господина дон Кихота, в сердце своём обратившись к Богу, чтобы он дал ему Виторию и чтобы ему удалось захватить остров, где он был бы правителем, как ему было обещано. Увидев, что хозяин снова поднялся на Росинанта, он подбежал к нему и, прежде чем тот успел подняться, встал на колени перед ним и, взяв его руку, стал чмокать её, говоря:

– Будь так милостивы, господин мой Дон Кихот, дайте мне власть на том острове, который вы сумели отбить в этой смертельной схватке, любой, маленький или великий, всё равно, и как бы велик он ни был, и вы тотчас же уверитесь, что я буду править им так же хорошо, как другие губернаторы правят всякими островами в этом мире!

На что дон Кихот ответил ему:

– Да будет тебе известно, брат Санчо, что это приключение и подобные ему приключения – это не приключения островные, а приключения дорожные, путевые так сказать, в каких нет ничего прибыльного, кроме того, что можно лишиться головы или уха. Будь же терпелив, Санчо, нам ещё выпадут приключения, в результате которых я не только смогу сделать тебя правителем острова, но и вознесу на ещё большие высоты!

Поблагодарив его, Санчо снова поцеловал ему руку и край кольчуги, а затем помог подняться на Росинанта, и завершив эти манипуляции, снова залез на своего осла и проследовал за своим господином, который не попрощавшись и не перемолвившись больше ни словом с затихшими обитателями кареты, въехал в лес, который оказался совсем рядом. Санчо следовал за дон Кихотом рысью, что было сил понукая своего осла, но Росинант так раскошегарился, что Санчо Панса, увидев, что всё больше отстаёт, стал кричать вслед, чтобы заставить своего хозяина подождать. Дон Кихот рассмеялся и исполнил его желание, а Санчо, нагнав его, сказал:

– Остановите меня, Господин мой, если чего не так скажу, но думаю, нам было бы разумно укрыться в какой-нибудь церкви, нам просто необходимо податься в церковь, ведь тот, с кем вы сражались, находится теперь в очень плачевном виде, ему много сил не надо, чтобы сообщить об этом Святому Брату и поймать нас не проблема, и поверьте мне, что если они сделают это, прежде чем мы выйдем из тюрьмы, с нас там семь шкур спустят!

– Заткнись, несчастный! – сказал Дон Кихот, – И где ты видел или читал, чтобы бродячий рыцарь хоть раз был предан суду за любое количество трупов и убийств, которые он совершил?

– Я ничего не знаю ни о каких убийствах, – ответил Санчо, – и в моей жизни я не любил никого, как вас, сэр, но я знаю только, что святому братству не слишком нравятся те, кто устраивает разборки в поле, а прочее меня вовсе не касается!

– Не жалею, друг! – ответил дон Кихот, – я вырву тебя из рук любых халдеев, какие встретятся нам на пути, не говоря уж о загребуших лапах Святого Братства! Но скажи мне, за всю твою жизнь ты видел где-нибудь на земле более отважного рыцаря, чем я? Читал ли ты где-нибудь, чтобы на земле был еще один человек, более неспешный в задумывании плана, более изобретательный в нападении, более изощрённый в обороне, более ловкий в нанесении ударов, более успешный в опрокидывании врага, чем я?

– О-о! Истина в том, – ответил Санчо, – что я за всю свою жизнь не прочитал ни одной книги, ибо я не умею ни читать, ни писать, но я сделал ставку на вас, мой смелый господин, и сознаю, что нет никого храбрее, чем ваша милость, и мне не выпадало ещё во все дни моей жизни служить более храброму воину, чем вы, синьор, и дай-то Бог, чтобы эта смелость не была

оплачены там, где я уже сказал! Я умоляю вашу милость, и прошу вас поскорее излечиться от ваших ран, вон смотрите, у вас из уха течёт кровь, давайте, я наложу компресс и выну немного белой мази из моей седельной сумы.

– Всё это было бы не столь необходимо, – ответил дон Кихот, – коли я не забыл бы о том, чтобы захватить немного Бальзама Фийерабраса, одна только одна капля его из особой колбы стоит всех аптекарских микстур вместе взятых!

– Какая такая колба и какой бальзам? – поинтересовался Санчо Панса.

– Этот бальзам, – ответил дон Кихот, – от которого у меня в памяти остался только рецепт. И я помню, что благодаря ему можно забыть о страхе смерти и вообще не думать о самых страшных ранах. Так вот, когда я снова изготавлю его, я отдам его тебе, и тебе ничего не нужно будет делать, сиди и жди, но когда ты увидишь, что в какой-то битве они разрубили меня на куски, как это часто бывает с рыцарями, возьми бережно ту часть тела, которая свалилась на землю, и очень осторожно, очень бережно, прежде, чем свернётся кровь, приладь её к другой половине, той, которая останется в седле, только будь очень внимателен, чтобы они тщательно совпали, и, если убедишься, что всё сделано как надо, тогда дай мне выпить два глотка этого бальзама, про который я тебе рассказал, и ты сразу увидишь, как я стану снова как огурчик!

– Если это так, – сказал Панса, – я отказываюсь управлять этим дурацким островом, и не хочу ничего другого в качестве оплаты за мои многочисленные и исключительно ценные услуги, кроме того, чтобы ваша милость дала мне рецепт этого потрясающего ликёра, унция которого будет стоить не меньше двух реалов, и мне не придётся думать, как добыть средства на лёгкую и беззаботную жизнь. Да и о нищей старости тогда можно забыть надолго! Но главное – выяснить, не слишком ли будет дорого нам обойдётся изготовление этого бальзама?

– Имея на круг менее трёх реалов, ты можешь сделать три асумбры, – не задумываясь ни секунды ответил дон Кихот.

– О, грехи мои! – вторил ему Санчо, – Что мы тут забыли? Что же вы медлите, вместо того, чтобы заняться выпуском этой ядерной микстуры, или поскорее научить этому меня?

– Заткнись, приятель, – ответил дон Кихот, – Я тебе о таких ещё секретах поведаю, и таким чудесам тебя научу, что ты поймёшь, с кем имеешь дело! Мы ещё не так заживем, а теперь – за дело, ухо болит так, что нет никаких сил терпеть такое!

Санчо покопался в сумке и достал оттуда моток ниток и склянку с жёлтой мазью. Но как только Дон Кихот увидел, что его шлем разбит на куски, он чуть не потерял рассудок от горя, и, возложив руку на меч и воздев очи к небу, сказал горестно:

– Клянусь Творцом всего сущего и четырьмя святыми Евангелиями, где бы и кто бы их не написал, как будто они сейчас лежат предо мной, так вот, клянусь отныне вести такую жизнь, какую вёл величайших из великих – герцог Мантуйский после того, как поклялся отомстить за смерть своего племянника графа Абалдуина, в частности – не есть хлеб со скатерти, не баловаться с женой на простыне, да и не делать ещё уйму всяких вещей, прости господи, забыл, что конкретно, я клянусь не делать этого, пока в полной мере не отмщу тому, кто нанёс мне такие свирепые раны и оскорбления.

Услышав это, Санчо сказал:

– Осмелюсь предостеречь вашу милость, господин дон Кихот, что, если рыцарь выполнил то, что ему было приказано, а именно, пошёл, чтобы предстать перед вашей госпожой Дульчинеей Тобосской, он уже выполнил то, что должен, и заслуживает нового наказания только, если совершит новое преступление!

– Ты очень хорошо сказал, Санчо, и почти убедил меня в своей несомненной правоте, – ответил дон Кихот – и поэтому я отменяю клятву, чтобы дело не дошло до новой мести! Но при этом я снова приношу клятву и подтверждаю снова, что буду вести жизнь, о которой я уже сказал, до тех пор, пока я силой своего оружия не лишу какого-нибудь другого рыцаря такого же

симпатичного шлема, как этот. И не думай, Санчо, что я какой-нибудь жалкий пустобрёх, у меня есть прекрасные примеры, которым можно подражать: примерно такая же история приключилась со шлемом Мамбрина, который так дорого обошёлся Сакрипанте.

– Ваша милость Господи мой, да пошлите вы к чертям собачьим все эти чёртовы клятвы! – возразил Санчо, – они все вредны для здоровья и от них остаётся нечистая совесть! Если нет, скажите мне сейчас, послушайте, сударь, если в течение многих дней мы не столкнёмся с человеком, на котором напялен шлем, что нам тогда делать? Неужели вы решили связать себя по рукам и ногам клятвой, не считаясь со столькими неудобствами и лишениями? Неужели вы готовы спать всё время в одежде, ночевать в открытом поле абы где и нести ещё тысячу неудобств, только благодаря клятве этого сумасшедшего старикашки маркиза Мантуйского, которого ваша милость хочет сейчас возродить на свою бедную головушку? Посмотрите, ваша милость, по всем этим дорогам ходят-бродят одни невооруженные людишки, и вовсе они никакие не рыцари, а так, сплошь дровосеки и извозчики, которые не только не видели никогда настоящего шлема, но, скорее всего, даже слова такого отродясь не слыхивали за всю свою ничтожную жизнь!

– Ты врёшь, Санчо! Врёшь ввиду малости ума своего и ошибаешься, потому что тёмен, как пробка! – сказал дон Кихот, – Потому что не пройдёт и пары часов, как мы узреем больше оружия, чем было тогда, когда обильные числом войска пришли на Альбараку, готовясь к завоеванию ослепительной красоты Анжелики!

– Стойте, – сказал Санчо, – и дай бог, чтобы у нас всё окончилось хорошо, и наконец пришло время завоевать этот остров, который мне так дорого обходится, а тогда и спокойно помереть можно!

– Я уже сказал тебе, Санчо, чтобы ты не заботился и не тужил об этом, мир так устроен – ну не будет острова, чёрт с ним, найдётся взамен его какое-нибудь Королевство типа Дании или Собрадусы, которое подойдет к тебе как кольцо к пальцу, и больше того, будучи территориями сухопутными, они будут тебе ещё милее любого острова! Но давай на время оставим эти пустопрожние разговоры, и посмотрим, приготовили ли нам наши седельные сумари то, чем мы можем перекусить, потому что следом за этим мы пойдём дальше в поисках какого-нибудь замка, где мы сможем остановиться сегодня вечером, чтобы сделать бальзам, о котором я тебе рассказывал, потому что, клянусь тебе Богом, что-то у меня ухо болит слишком уж сильно.

– Здесь есть лук и немного сыра, и не знаю, кажется, несколько хлебных корок, – сказал Санчо, – но это ведь не те деликатесы, которые подобают столь отважному рыцарю, как ваша милость!

– Ах, Санчо, как печально мне, когда ты так тупишь! Как плохо ты всё понимаешь! Что ты можешь смыслить в этом деле! – ответил дон Кихот, – Знай, Санчо, что у бродячих рыцарей вполне рядовое дело, в порядке вещей – не иметь и маковой росинки во рту по целому месяцу, а уж если и есть что-то, то всё, что под руку попадёт, и это правильно, как я полагаю. Прочти ты столько книг, сколько прочёл я, для тебя это не стало бы такой сенсационной новостью, и признаюсь тебе честно, Санчо, что, сколько бы книг я ни прочёл, ни в одной из них нет ни слова о том, что бродячие рыцари вообще что-нибудь когда-нибудь да ели, не говоря уже о том, чтобы после испражняться, разве что совершенно случайно, на иных роскошных банкетах, которые благодарные хозяева замков устраивали в их честь, а в другие дни они кормились в основном цветочной пылью и ароматом роз. И хотя понятно, что они не могли обходиться без еды и без всяких других естественных надобностей, ибо без них далеко не уедешь, всё-таки бродячие рыцари по сути своей были такими же людьми, как мы, хотя я понимал также, что они в основном ходили в течение своей жизни по лесам и болотам и обходились без повара, поэтому вполне логично предположить, что основу их рациона составляла грубая деревенская пища, например, та, какую ты мне сейчас предлагаешь. Так что, мой друг, не мучай себя тем, что мне нравится, или не нравится, не лезь со своим уставом в мой монастырь, и не пытайся

поколебать странствующего рыцаря в его поисках пути истинного! У тебя всё равно ничего не выйдет!

– Простите меня, ваша милость, – сказал Санчо, – я ведь никогда не скрывал, что совершенно не умею ни читать, ни писать, и совершенно не знаю тонкостей и правил рыцарского ремесла, темна вода в облацех, как говорится, и отныне я буду снабжать вас всевозможными сухофруктами, столь милыми для вашей милости, учитывая, что это еда, которая является для рыцарей святой, а себя, учитывая, что я ничего об этом не знаю, буду мучить более тяжёлой, существенной, по возможности, мясной пищей!

– Я не говорю, Санчо, – возразил Дон Кихот, – что рыцари должны докатиться до одних сушёных груш, а только о том, что фрукты составляют у них их обычный рацион, не исключая добавки в виде некоторых луговых трав и лесных кореньев и орехов, которые всем известны, и в которых знали толк все рыцари, впрочем, так же, как и я сам!

– Знание этих трав – величайшая из людских Добродетелей, – ответил Санчо, – судя по всему происходящему и учитывая обстоятельства нашей жизни, нам поневоле когда –нибудь придется использовать это знание!

И, разделив по-братски между собой то, что у них было, они оба принялись за еду в доброй дружбе и взаимопонимании. Но потом, желая побыстрее обрести ночлег, место, где можно провести ночь, они быстро закончили свою бедную трапезу, состоявшую из одной сухомятки, затем поднялись – Дон Кихот на коня, а Санчо – на осла и поспешили, пытаясь до наступления темноты поспеть в деревню. Но Солнце ускользнуло за горизонт раньше, чем им хотелось, и вместе с его отбытием умерла и надежда наших друзей на скорый отдых в приличной кровати. Надо сказать, что последний луч светила угас как раз в тот момент, когда они проезжали рядом с хижинами Козопасов, и тут к ним пришло решение заночевать здесь. Примечательно, что Санчо Панса горевал о том, что им не удалось достичь села до темноты, в то время, как Дон Кихот оставался исполнен ликования, радуясь, что ему придётся спать под открытым небом, такое времяпровождение по мнению Дон Кихота являлось веским доказательством того, что он всецело вовлечён в рыцарские дела и ему предстоит первое испытание характера, которым несомненно должны подвергаться истинные рыцари какого-нибудь ордена.

Глава XI

О том, что случилось с Дон Кихотом, когда он беседовал с козопасами.

Козопасы приняли их в свою компанию с большим добродушием, и, устроив, как мог, Росинанта и его друга осла, Санчо повлёкся на аппетитный запах, который плыл от большого котла, в котором варили козу, он хотел проинспектировать, не настал ли торжественный момент переместить козу из котла в желудок, и хотя его намерение не было реализовано, потому что козопасы сами сняли котёл с огня, потом торопливо стали стелить шкуры для трапезы, и очень торопились со своим деревенским столом, но сразу предложили и Дон Кихоту и Санчо разделить их ужин и с удовольствием угощали их обоих, проявляя гостеприимство и делясь с ними тем, что у них было. Все шестеро пастухов уселись кругом на овечьих шкурах, подобных шкурам острова Деллоса, и те, кто находились рядом с ним, с грубоватой нежностью предложили Дон Кихоту сесть на перевёрнутую водопойную колоду. Дон Кихот уселся, а Санчо стоял за его спиной, то и дело подавая ему кубок, сделанный из длинного рога. Увидев его, столь верно охраняющим своего хозяина, дон Кихот сказал:

– Для того, чтобы ты увидел, Санчо, то благо, что само по себе окружает бродячее рыцарство, и насколько богоизбранны те, кто в любом виде ему служат, гарантировано завоёвывая уважение мира, я хочу, Санчо, чтобы ты сел здесь, рядом со мной и в компании хороших людей, чтобы ты чувствовал себя в своей тарелке, и чтобы ты был со мной, и понимал всею душою своей, что я твой хозяин и естественный Господин, чтобы ты ел из моей тарелки и пил из того, из чего пью я, потому что о бродячем рыцарстве можно сказать, что ему море по колено!

– Великая милость! Это дело не стоит таких беспокойств! – сказал Санчо, – Но, честно говоря, как я уже говорил вам, что, поскольку на аппетит я не жалуюсь, я лучше буду есть своё стоя, чем чужое вкупе с императором. И даже, если вы, ваша милость, ляпнете правду, думая, что знаете меня гораздо лучше, чем я сам, вы ещё не знаете, что уж лучше мне сидеть в моём углу без пряностей и уважения, поедая самую скромную пищу, даже если это хлеб и лук, чем страдать за иными столами, пусть там потчуют даже поджаристой индейкой, где я вынужден сидеть так прямо, как будто только что проглотил кочергу, жевать медленно, показывая всем, что я не голоден, пить мало и мелкими глотками, всё время вытирать салфеткой сопли, не чихать или кашлять, в общем, не делать всего того, к чему нас побуждает наш организм, или не делать другие вещи, которые одиночество и свобода сотворили такими естественными и сладостными, а порой превращают в настоящее человеческое счастье. Я жажду и мечтаю лишь о том, Господин мой, чтобы честь, которой ваша милость хочет оделить меня за то, что я верный ваш служитель и приверженец бродячего рыцарства, и являюсь оруженосцем вашей милости, я желаю, чтобы они превратилась в другие, более насущные для меня вещи, те, которые приносят удобства и комфорт и, по крайней мере, могут быть полезны. А что касемо этих почестей, уж ради бога, прошу вас, раз и навсегда избавить меня от них навсегда!

– При всём том ты можешь сесть, ибо тот, кто унижен, того Бог превознесёт наверх!

И, схватив его за руку, заставил сесть рядом с собой.

Козопасы не разбирали ни слова из всей этой ереси – они ничего не знали ни про каких оруженосцев, ни про бродячих рыцарей, и не занимались ничем, кроме жевания пищи, и то в глубоком молчании, изредка бросая удивлённые взгляды на своих гостей, которые тоже настойчиво и с большой скоростью совали в рот куски козлиного мяса размером не меньше кулака. Когда гости разобрались с мясом и вином, козопасы высыпали на шкуры полмешка жареных каштанов, и выставили пол-головки сыра, который оказался твёрже иного камня. Рог тоже всё это время не оставался без работы, и ходил по рукам столь часто, уже наполненный, или

уже пустой, как водоотливный ворот, в результате чего один из двух бурдюков, предложенный козопасами и сперва доверху полный вином, к утру сильно похудел и осунулся. Изрядно наевшись, дон Кихот довольно похлопал себя по животу, взял в руку горсть желудей и, внимательно рассмотрев их, принялся разглагольствовать на уж совсем абстрактные темы:

– Блаженны те и блажен тот век, коий древние назвали золотым! И не потому, что в те времена золото, которое в наш железный век так высоко ценится, в ту пору просто валялось на дороге, но потому, что тогда те, кто жил в нём, игнорировали и не знали эти два слова: «Твоё» и «Моё»: в тот священный век всё у них было общим. Никто ни в чём не нуждался, чтобы насытиться и иметь любую вещь, не надо было ничего делать, кроме как поднять руку и протянуть её к большому дубу, ветви с которого ласково протягивали и угощали всех сладким, уже приправленным плодом. Разнообразные прозрачные и чистые источники и реки в великолепном изобилии предлагали вкусные, целительные и прозрачные воды. В скалах и на деревьях образовалась дружные колонии добрых, трудолюбивых и сдержанных пчел, предлагая любой руке, без какого-либо шкурного интереса, сладкий итог его неунывной работы!

Храбрецы лесов, пробковые дубы, с радостью прощались с корой своей, без всякой другой надобности, кроме их прекрасного воспитания и вежливости, предоставляя свою лёгкую и прочную кору крышам домов, дабы они покрылись этим сокровищем, и кора эта была так уместна на деревенских кольях, поддерживающих кровлю, всего лишь ради того, чтобы защитить себя от ненастного и безжалостного неба. Тогда везде царили мир, дружба и согласие. Тяжелый лемех кривого плуга еще не осмелился отверзать и отваливать благочестивые внутренности нашей первой Земли-Праматери, которые она, свободно и естественно, предлагала всему окружающему, только ради того, чтобы умиловить, поддерживать и радовать малых детей своих, которые тогда владели ею. Тогда да, по долинам и по взгорьям бродили простоволосые и прелестные пастушки, из долины в долину и едва-едва прикрывая мизерными своими одеждами лишь то, что воистину необходимо прикрыть, прикрывая лишь стыд, с цветущими венками на непокрытых головах, без всяких новоявленных прибабасов, какие теперь вошли в моду у столичных модниц и отделка коих представлена тирским пурпуром и китайским шёлком, ношение которых является сущей пыткой и наказанием, хотя в этих нарядах они были так же прекрасны и изумительны, как наши светские дамы и куртизанки, увлекающиеся выдумыванием всяких безумных финтифлюшек и затей, которые продиктованы жестой и хищной модой, а также и постоянной праздностью, превращающей жизнь человека в скучный, усыпительный ритуал!

В то время порывы любящих сердец выражались просто и сердечно, в той форме, в какой они выплеснулись из сердца и не были преукрашены чрезмерной искусственностью!

Не было ни обмана, ни лицемерия, ни злобы, смешанной с истиной и добротой. Справедливость и Законность оставались нетронутыми коррупцией, их не оскорбляли и не унижали пристрастием или предвзятостью, которые и доныне рушат их и наносят ущерб, преследуя и разрушая основы общества. Закон произвола ещё не обосновался в мантии судьи, потому что тогда не было ни того, что судить, ни того, кого судить. Чистые Девы, как я уже говорил, бродили везде без охраны и присмотра, не испытывая страха перед неизвестностью, не опасаясь что чужая дерзкая и непримиримая похоть может оскорбить их, и лишались невинности только по собственной инициативе. И только сейчас, в эти ужасные века, им ни в чём нельзя быть уверенным, нигде и ни от кого у них нет защиты, даже если они начнут прятать свою девственность в какой-нибудь еще один новый лабиринт, похожий на Критский лабиринт Мидаса, потому что и туда, по пролескам или по воздуху, по каналам светского общения к ним проникает любовная зараза и лихорадка, заполняя всё пространство и влезая через все поры во все щели и растляя всё на своём пути.

Со временем зло и произвол заполнили весь мир, и чем больше проходило времени, тем больше было в мире зла, и вот для того, чтобы вернуть в мир осмысленность и безопасность,

и был учрежден орден Бродячих Рыцарей, учреждён как инструмент защиты девушек-служанок, бедных вдов, как орган вспоможествования сиротам и потворства нуждающимся. Так вот, я, братья козлопасы, принадлежа к нему всецело, благодарю вас за вашу немалую доброту и гостеприимство, которые вы оказали мне, равно как и моему оруженосцу, что отмечено мной на скрижалях мировой истории и, хотя по естественному закону всё, что живёт и движется под Солнцем, обязано благоволить к Бродячим рыцарям и оказывать им приют и гостеприимство, то, что вы, не зная ничего этого, приняли меня воздали мне почести, это причина, по которой я своей волей, по возможности, благодарю вас за вашу неизреченную доброту!

Все эти длинные словесные лохмотья, которые можно было бы вовсе не произносить, а если уж начал говорить – сказать покороче, но наш джентльмен вывалил на своих слушателей всё до последнего слова, потому что жёлуди, которые ему дали, заставили его вспомнить золотой век человечества, и он хотел донести эту бесполезную тарабарщину до бедных козлопасов, которые, с изумлёнными вытянувшимися физиономиями, не отвечая ни слова на его разглагольствования, сопровождали его речь только вздохами и негромким сопением. Санчо дипломатично помалкивал, грыз жёлуди и очень часто прикладывался ко второму бурдючку, который, чтобы не слишком нагревался, был подвешен козопасами на дубовый сук. Теперь дон Кихот говорил медленнее, чем до ужина, к концу его излияний один из козлопасов сказал:

– Для того, чтобы с большей истинностью вы, господин странствующий рыцарь, могли сказать, что мы приняли вас со всем вниманием и доброй волей, мы хотим дать вам утешение и удовлетворить вас пением нашего товарища, оно не займёт много времени, он скоро прибудет сюда, человек он талантливый, чувствительный, и прежде всего умеет читать и писать, а уж как на рабеле играет – просто заслушаешься!

Едва козопас кончил свои речения, как издали донеслись звуки рабеля, и вскоре пришел тот, кто на нём наигрывал, юноша лет двадцати – двадцати двух, очень приятный в общении и притом довольно красивой наружности. Козопасы спросили, ужинал ли он, и он ответил, что да, ужинал, тогда тот, кто рассказал о его пении, обратился к парню:

– Раз так, Антонио, ты бы не мог доставить нам удовольствие и немного спеть, чтобы господин-гость, постоянно блуждающий в горах и джунглях, убедился, что мы не увальни какие-то, и иногда кое-чего соображаем в музыке? Наш гость уже знает о твоих способностях, и мы хотим, чтобы ты показал себя как можно лучше, и я молюсь, чтобы ты спел нам романс о своих чувствах, тот, который сочинил тебе твой дядя-священник, который в народе – очень уважаемый человек!

– Да, с превеликим удовольствием! – ответил парень.

И, не тратя времени впустую, он сел на ствол дуба, и, закашлявшись, медленно, приятным голосом, начал петь:

АНТОНИО

Обожай меня, Олалла!

Не сказала мне об этом

Ты своим влюблённым взором,

Языком любви безгласым!

Ты мудра! Ты знаешь это!

И я знаю, что ты любишь!

И скрывать любовь не надо,

Если всем о ней известно!

Это правда, что порою

Олалла, ты уверяла

Что душа твоя из бронзы,

Белы мраморные перси.

Даже средь твоих упрёков
И уклончивости холодной,
Огоньком горит надежда
Край одежды твоей видеть!
Для меня она, как знамя,
Моя вера, хоть не знаю,
В торжестве ли быть, что избран,
Или плакать, что отвергнут!
Коль в любви важна учтивость,
Как взаимности примета,
То во мне живёт надежда,
Что всё сбудется во благо.
Говорят, что коль награда
Причитается за верность,
У меня есть основание
Попросить о ней у милой.
Ты уже могла отметить,
Если не слепа, конечно,
Что уже хожу по будням
Я в воскресных одеяньях.
Что любовь без облаченья?
Потому я одеваюсь
В свои лучшие одежды,
Что с тобой желаю встречи!
Помнишь яростные танцы,
Помнишь сладостное пенье,
Коим тешил я с заката
И до утреннего Солнца?
О твоей красе нездешней
Отовсюду пел я миру,
И нажил врагов немало
Этой песней откровенной.
Мне в ответ одна подруга
Вдруг сказала в Баркароле:
«Есть такие, что в макаке
Могут ангела увидеть!
Мудрено ль водить Амура
Вокруг трёх обманных сосен
И дурить его наивность
Накладными волосами?»
Я взорвался! Та – в рыданье!
Брат двоюродный во гнев
Стал со мною разбираться.
Что ты думаешь, я сделал?
За тобой приударяю
Не затем, чтоб наслажденьям
Мне с тобой пришлось предаться!
Нет, чисты мои позывы!
Я хочу, чтоб наша церковь

Нас в клубок один скрутила
Только не сопротивляйся,
Угодив в силок любовный!
Не по-моему коль станет,
Я клянусь тебе, Олайя,
То придётся мне, Олайя
Кануть в дебрях монастырских!

На этом пастушья песнь завершилась.

И хотя Дон Кихот умолял пастушка спеть ещё что-нибудь, Санчо ни в какую не соглашался с ним, потому ему больше хотелось спать, чем слушать песни, и он сказал своему хозяину:

– Ваша милость, уже пора укладываться спать, почти всю ночь мы тут куролесим, эти люди не для того работают целыми днями, чтобы распевать по ночам!

– Я понимаю тебя, Санчо, – ответил дон Кихот, – и вижу, что постоянные визиты к винному бурдючку удовлетворяются в большей степени сном, чем музыкой!

– Всему воля Божья! И всякому – своё! – ответил Санчо.

– Я не отрицаю этого! – возразил Дон Кихот, – Ты, Санчо, располагайся там, где тебе будет угодно, моей же профессии более подобает ночное бодрствование, чем сон. Но при всём этом было бы неплохо, Санчо, чтобы ты снова занялся моим ухом, и снова перевязал его, потому что оно ноет нестерпимо!

Санчо сразу же принялся перевязывать ухо Дон Кихота, но один из козлопасов, увидев внезапно рану, сказал, что у него есть прекрасное средство, которое быстро её вылечит. И, взяв несколько листьев розмарина, из тех, какие росли вокруг, он стал жевать их, а потом смешал с небольшим количеством соли, и приложив эту жвачку к уху Дон Кихота, перевязал его очень хорошо, убеждая всех, что в другом лекарстве никакой необходимости не возникнет, и его слова впоследствии оказались совершеннейшей правдой.

Глава XII

О том, что сказал коздопас тем, кто был с Дон Кихотом

Тут явился ещё один слуга, из тех, которые приносили им из селения провизию, и сказал:

– Вы знаете, что произошёл деревне, товарищи?

– Откуда нам это знать? – ответил один из них.

– Тогда знайте, – продолжал слуга, – что сегодня утром умер знаменитый пастух-студент по имени Гризостом, и поговаривают, что умер от любви к этой отвратительной девке Марцелле, дочке Вильгельма богатого, которая любит щеголять в пастушьей одежде по нашим чащобам!

– Из-за Марцеллы, говоришь? – переспросил один из пастухов.

– А то как же, – ответил козопас, – И как ни удивительно, он заповедал в своем завещании, чтобы его похоронили в поле, как если бы он был Мавр, и обязательно у подножия скалы, под большим пробковым дубом, ибо и до того было известно, да и он сам нередко подтверждал это, там было место, где он встретил её в первый раз. И он также завещал и другие вещи, такие, про какие святые отцы сказали, что они не могут быть исполнены, и хорошо, что они не будут исполнены, потому что они пахивают языческими обрядами. На всё это его великий приятель Амброзий, тоже студент, который также одевался вместе с Гризостомом пастушком, теперь заявляет, что следует в точности исполнить всё, ничего не пропустив, что повелел Гризостом, и в деревне по этому поводу творится великий переполох и возмущение. Но, к тому, что сказано, можно добавить то, что Амброзий и все пасторы, его друзья хотят, и завтра они пойдут хоронить его с великой помпой там, где я сказал – в чистом поле. Я, по крайней мере, обязательно пойду туда, если узнаю, что завтра не надо будет разносить еду.

– Мы все сделаем то же самое! – ответили хором козопасы, – и бросим жребий, кому придётся отстаться здесь пасти коз.

– Верно глаголишь, Пётр, – сказал один козлопас, – хотя не нужно только больно думать об этом, я сам тут останусь и буду отдуваться за вас всех, и не приписывай всё это моей добродетели или тому, что мне на всё это наплевать, просто мне трудно теперь ходить, из-за того, что я на днях занозил ногу! Я бы пошёл, если бы не эта глупая нога!

– Тем не менее, как бы то ни было, мы будем очень благодарны тебе! – ответил Пётр.

И Дон Кихот тут стал расспрашивать Петра, кем был умерший и что он знает о той пастушке. На что Пётр ответил, что он знал, что умерший – сын местного богача, идадьго, живёт по соседству с деревней в горах, много лет крутился среди образованных людей в Саламанке, после чего вернулся на свою родину и с тех пор почитается здесь очень мудрым и чрезвычайно начитанным человеком.

– Прежде всего, люди утверждают, что он лучше всего знаком с наукой о звездах и о том, что происходит на небе, в том числе на Солнце и Луне, и при этом с удивительной точностью всегда предсказывал нам солнечные и лунные затемнения...

– Друг мой ситный, – с ласковой усмешкой поправил его дон Кихот, – ты неверно называешь затмения двух главных светил – Солнца и Луны затемнениями...

– Но Пётр, никак не отреагировав на такие детские замечания, продолжил свою сказку, сказав:

– Ещё у него хорошо выходило предсказывать, когда должен быть уродный год, а когда год неуродный...

– Может быть, друг мой, вы хотели сказать, – сказал Дон Кихот, – урожайный или неуродный?

– Уродный или урожайный, какая к чёрту разница, это дела чёрта с два меняет, что в лоб, что по лбу, если что! – ответил Петр, – так вот... Вот я и говорю, что этими своими предве-

щалками, и тем, что он им говорил, он сделал и отца своего, и друзей своих, которые отдавали ему должное и имели ум слушаться его советов, стали вдруг очень богатыми, потому что они делали только то, что он им напроорочил, а он им говорил: сей в этом году ячмень, а не пшеницу, лучше будет, а в том – давай засевай нут, и не спорь, сей нут, а не ячмень, на следующий год будет масла хоть по кадык залейся, а за ними три года капли с носа не упадёт!

– Эта наука называется астрологией! – сказал Дон Кихот.

– Я не знаю, как его зовут! – твердил Петр, – Но одно я знаю, как свои пять пальцев, и даже ту же того, и это то, что собаку он в этом съел такую, какая никому тут и не снилась. В конце концов, чёрты знают почему, не прошло и пяти месяцев после того, как он прикатил к нам на наши шеи из Саламанки, когда в один прекрасный день он вдруг принарядился в пастуший наряд, и пошёл с овчиной и посохом, как Моисей или Авраам какой-нибудь, сразу забыв свои прежние городские привычки, которые он заучил со школы, а вместе с ним приоделся в пастушка и другой его закадычный дружок по имени Амброзио, который был его вечным собутыльником в университете. А, совсем забыл сказать, что Гризостом, наш добрый покойник, был великим сочинителем всяких куплетов, так, что его мёдом не корми, а он всё время строчил колядки для Рождественской ночи, и действия в лицах на день тела Господня, которые потом разыгрывали служанки и прочая молодёжь, да так, что все просто кипятком пысали! А когда жители нашего местечка вдруг усекли, что оба эти школяра с бухты-барахты вдруг оделись этими долбаными пастушками, они были так ошарашены, что ходили друг к другу и всё спрашивали, как такое возможно, и так и не могли догадаться, что привело их к такому ужасному концу. Уже в это время отец нашего Гризостома нарезал кони, и он тут, бац, унаследовал дикую кучу всякого имущества, движухи и недвижимости, мебели, всякого мелкого и крупного скота, птицы, но самое главное целую гору денег, и всё это вдруг упало ему на голову, хотя я не скажу, что он не был того достоин, был, и он заслужил честно говоря всего этого богатства, потому что он был очень хорошим спутником и товарищем, к тому же ещё и и благотворителем и другом добрых людей, и имел лицо как у ангела. Затем пришло понимание, что переодевание в костюм пастуха было вызвано не чем иным, как прогулкой по этим безлюдным местам в поисках пастушки Марцеллы, которую тут склонял один козлопас, и в которую без оглядки втрескался потом наш бедный покойный Гризостом, вознамерившись найти её в лесной чащобе и вместе с ней поселиться в какой-нибудь безлюдной пустыни на предмет обоюдной любви. Представьте себе! Идиллия полнейшая! И вы хотите теперь, небось, хотите спросить меня, узнав всю подноготную нашего Хризостома, кто же такая была эта чудная хищница Марцела: может быть, и даже я уверен, что это так и будет, вы не услышите ничего подобного во все дни вашей жизни, такая история, даже если вы доживете дольше Чесотки до возраста Срары...

– Может, Сарры? – спросил Дон Кихот, не в силах выносить опечатки дикого козлопаса.

– Сыт по горло, – ответил Пётр, – и если вы, господа, будете ходить со мной, как банный лист за задницей, то на каждом шагу мы не закончим эти рассказы и через год!

– Простите, друг, – сказал Дон Кихот, – меня за то, что я попытался убедить вас, что Срара так сильно отличается от Сарры, как не знаю что. Но вы ответили очень хорошо, потому что, между нами говоря, лучше пережить чесотку, чем Сарру, а тем более Срару, и, ради Бога, пожалуйста, продолжайте свою историю, и я больше ни в чём не буду вам перечить, а уж тем более – мешать!

– Я вот что скажу, Господин мой, о душе моей, – сказал козлопас, – что в нашей деревне был еще более богатый крестьянин, чем отец Гризостома, которого звали Гильермо, и которому Бог дал, помимо великих богатств, дочь, от которой при родах умерла её мать, которая была самой честной женщиной во всех этих краях! Она и сейчас стоит предо мной, с тем же лицом, похожим на Солнце, а с другой стороны она была похожа на Луну, и, прежде всего, какой прекрасной хозяйкой она была! Каким другом бедняков! Поэтому я думаю, что ей теперь

очень хорошо, и если говорить о нынешнем дне, то я думаю, она ныне наслаждается вместе с Богом в самой лучшей части небесного Эдема! Натолкнувшись на смерть такой хорошей жены, её муж Уильям затосковал и помер, оставив свою дочь Марцелу, девушку юную и богатую, на попечении своего дяди – сельского священника, и она стала жить в нашей деревне. Росла девочка такой красавицей, что мы, видя её, всегда вспоминали о её матери, которая тоже была невероятно красивой, и при всем том все думали, что дочь неминуемо должна превзойти красотой свою мать. И так было, что, когда она достигла четырнадцати – пятнадцати лет, никто не мог, посмотрев на неё, не благословлять имя Бога, за то, что он произвёл такую красоту, такой ум и воспитанность, и больше всего было много молодых людей, которые мало того, что влюблялись в неё – им просто голову сносило! Её дядя держал её под семью замками и никуда не пускал из дому, но, тем не менее, слава о её великолепии была так велика, что из-за нее, из-за её несметных богатств, не только от местные крестьяне, но и соискатели на много лиг в округе, и питомцы самых лучших семейств умоляли, просили и суеились вокруг дяди, чтобы он отдал им её замуж. Но он, который по правде говоря был добрым христианином, хотя и хотел отдать её замуж чуть позже, когда она достигла зрелости, но потом изменил свои намеренья, не из-за прибыли и имущества, которые были в его власти, но из-за того, что сама она не давала на то согласия. И поверьте, что это было сказано не раз в деревне, в хвалу доброму священнику! Я хочу, чтобы вы знали, господин путешественник, что в этой нашей глуши, где кто только кому косточки не перемывает и не рассказывает сплетни, где кругом бормотание, то если люди так хорошо отзываются о ком-то, как они отзывались о нашем священнике, то спорить нечего – он на самом деле – хороший человек, который во всём верен своим прихожанам, и лучше его в деревне не найдёшь!

– Это правда, – сказал Дон Кихот, – только прошу тебя, Педро, не томи, продолжай, потому что сказка твоя очень хороша, и ты, добрый Пётр, имеешь великий талант рассказчика!

– Ручаюсь, Господь не лишит меня своего покровительства! Удача, вообще – главное в жизни! А в остальном вы знаете, что там у них было – хотя дядя бегал за любимой племянницей и предлагал ей то того, то другого претендента на её сердце и руку и рассказывал ей о качествах каждого соискателя, которые сучили ногами при виде красоты Марцелы, умоляя её наконец выйти замуж и выбрать жениха по своему вкусу, но она никогда не отвечала на эти предложения согласием, объясняя, что не хочет выходить замуж, потому что, де, будучи такой слишком юной девушкой, она не чувствует себя настолько умной и умудрённой жизнью, чтобы нести бремя преждевременного брака. Согласившись с этими, вроде бы, справедливыми оправданиями, дядя бросил свои понукания и рекламу женихов в попытке заинтриговать её, и стал ждать, когда она наконец повзрослеет, и наконец остановится на ком-то по своему вкусу, ибо он полагал, и надо сказать, полагал очень разумно, что родители не должны ломать жизнь своих детей и принуждать их через пень-колоду действовать их помимо своей воли. Но вот, долго ли, коротко ли было дело, да только в один прекрасный день прекрасная и чересчур разборчивая Марцела, внезапно облачилась в пастушеские наряды и сделалась пастушкой, и уже совсем не слушая советов дяди и всех других людей, которые, конечно пытались отсоветовать ей делать это, вышла в поле вместе с другими пастушками, и стала пасти своё стадо. Вот тут-то, как она вышла на публику, её красота была явлена окончательно, и я не знаю, как бы это лучше выразиться, целая куча богатых плебеев, идальго и крестьян, вырядившись в костюмы типа Гризостомовских, вслед за ней тоже отправились бродить по этим чахлым полям. Один из них, как уже говорилось, был нашим покойником, о котором люди говорили, что он не просто любит её, но воистину боготворит. Не следует полагать, что Марцела, добившись полной свободы поступать так, как ей заблагорассудится и почти не имея возможности для уединения, хотя бы ничтожным намёком создала впечатление, что в этих условиях её безусловная честность и скромность может быть подвергнута сомнению, совсем наоборот, в этом смысле она стала ещё бдительнее, чем была под патронажем дяди, и потому из всей этой пёстрой ком-

пании ухажёров ни один не смог бы сказать, что она хоть кому-то дала малейший повод надеяться на взаимность.

Нет, конечно, она не бежала и не уклонялась от компаний и бесед с пастухами, и в обращении с ними была чрезвычайно вежлива и дружелюбна, но тотчас же, как любому из них встречало в голову открыть ей своё чувство, выразить намеренье, любое из них, даже столь же праведное, как святой церковный брак, она отшвыривала их от себя, и они отлетали от неё, как камень, выпущенный из пращи. И таким образом своими действиями она причиняла больше вреда всем окружающим, чем если бы она была распространительницей моровой язвы, ибо доброта и красота притягивают сердца тех, кто обращается к ней, чтобы служить ей и любить её, но презрение и разочарование приводит их к отчаянию, и очутившись в такой ситуации, они не знают, что сказать, но начинают обвинять объект своей любви в жестокости и неблагодарности, употребляя ещё более крепкие выражения. И если бы вы когда-нибудь были здесь, мой господин, вы бы увидели, как эти горы и долины вторят плачу отвергнутых, которые следуют за ней, ругаясь и проклиная. Недалеко отсюда есть место, где растут почти два десятка высоких буков, и нет ни одного, на гладкой коре которого не было бы вырезано или написано краской имя Марцеллы, а над некоторыми из них вырезана корона, как будто уверение, что красота Марцеллы заслуживает почестей вершины человеческой красоты. Один пастух ревнует другого, кто-то жалуется на жестокую судьбу, ласковые песни мешаются с отчаянными стонами, появляются такие, которые проводит все дни и ночи, сидя у подножия какой-то скалы или дуба, и там, не смыкая залитых слезами глаз, ушедшие в себя и углублённые в свои мысли, там они встречают утреннюю зарю, и потом среди жара самого вیرهого полдня их можно видеть лежащими бесчувственно на пылающем песке, где они

осыпали благочестивые небеса своими горесными стенаниями. И вы представляете, как это выглядело, когда на фоне этих страдальцев, не обращая на них никакого внимания, свободно и весело мимо них шла торжествующе прекрасная Марцела? И все, кто её знал, ждали, на чём наконец остановится её сердце и кто будет блаженным, который сможет приручить её, испытывая теперь такое ужасное состояние и наслаждаясь такой потрясающей красотой. Поскольку всё, о чем я так много рассказывал, абсолютная правда, и то, что наш пастух рассказывал о причине смерти Гризостома, тоже правда, и поэтому советую вам, господин мой, не пренебрегать завтра его похоронами, на которые явятся очень многие, потому что у Гризостома было много друзей, и от того места, где он приказал похоронить себя – до нас – не более полумили.

– Я, конечно, пойду, – сказал Дон Кихот, – и я благодарен вам за то, что вы одарили меня этим поразительным повествованием и такой же поучительной историей.

– О! – повторил козлопас, – Я до сих пор не знаю и половины случаев, произошедших с любовниками Марцеллы, но может быть, завтра мы столкнёмся с каким-нибудь пастухом, который расскажет нам всё остальное поподробнее. А теперь вам необходимо поспать под кровлей, потому что ночная свежесть и туман могут повредить вашей ране, хотя это такое хорошее лекарство, что, будучи наложено на вашу рану, оно вылечит и мёртвого, и вам, таким образом, нечего опасаться.

Санчо Панса, который уже изнемогал от многословных сказок козопаса и, проклиная их на каждом шагу, принялся упрашивать дон Кихота идти спать в хижину Петра. Тот согласился, и подражая поклонникам Марцеллы, всю ночь провёл в мечтаньях о своей госпоже Дульчине Тобосской и её несравненных достоинствах. Санчо Панса же расположившись между Росинантом и ослом, спал не как несчастный влюбленный, а как человек, которого вдоль и поперёк измолотили колотушками.

Глава XIII

Где заканчивается сказка о пастушке Марцеле, и о других событиях

Когда пять из шести Козлопасов проснулись и разбудили Дон Кихота, они спросили его, собирается ли он всё ещё пойти на знаменитые похороны Гризостомы, и если так, они готовы составить ему компанию. Ни о чём другом Дон Кихот даже мечтать не мог, посему он тут же вскочил и приказал Санчо седлать коня и осла, другие тоже в своём проворстве от них не отставали.

Не успели они проехать и четверти мили, как, пересекая тропу, увидели, что к ним приближаются до шести пастухов, одетых в черные дохи и увенчанных венками из кипариса и горького олеандра. Руки всех опирались на тяжкие посохи из остролиста. Недалеко от них неспешно двигались два хорошо одетых дворянина на хороших, холёных конях, чуть дальше — трое пеших ходоков, которые сопровождали этих дворян. Поравнявшись друг с другом, они вежливо поздоровались и, расспросив друг друга, куда они направились, и узнав, что все они направляются к месту захоронения, таким образом, двинулись в путь все вместе.

Один верховой, беседуя я со своим напарником, сказал ему:

— Поправьте меня, господин Вивальдо, если скажу что не так, но мы должно быть не напрасно растратим время, отправившись в путь, чтобы увидеть это знаменитые похороны, которое не могут не быть чем-то исключительным, судя по тому, что эти пастухи рассказывали нам о страданиях покойного пастуха, и о смазливой пастушке, столь легкомысленно погубившей его.

— Мне так тоже кажется, — ответил Вивальдо, — и если даже придётся всвязи с этим задержаться на один день, или два, я готов это сделать, только бы увидеть это незабываемое зрелище!

— Дон Кихот тут спросил, слышали ли они о Марцеле и Гризостоме и если слышали, то что? Ходок же сказал ему, что рано утром они столкнулись с теми пастухами, и что, увидев их в этих печальных прикидах, я спросил их, почему они так вырядились, на что один из них рассказал мне всю эту развесистую клюкву про ухаживания и красоту пастушки по имени Марцела и сумасшедшую любовь к ней многих бродяг, которые втюрились в неё, как оглашенные, и наконец о смерти того самого Гризостомы, на похороны которого они теперь выдвигались. Наконец, он рассказал слово в слово всё то же, что Петр давеча также рассказывал Дон Кихоту.

Тут дон Кихот прекратил дозволенные речи, а его собеседник не прекратил, и тот, кто называл себя Вивальдо, снова начал допрашивать Дон Кихота, кто он такой и что послужило поводом к тому, чтобы он так мирно перемещается по стране при полном вооружении, амуниции и опущенном шлеме?

На что дон Кихот ответил ему:

— Избранная мною древнейшая профессия не позволяет мне поступать иным образом! Хорошие манеры, удобства, комфорт и душевный покой были изобретены для изнеженных придворных, но каждодневная, не знающая отдыха работа, постоянное беспокойство и тревога, наконец, само оружие были изобретены и доведены до совершенства только для тех, кого мир называет ходячими рыцарями, среди которых я, хотя и недостойный и наискромнейший среди иных и даже всех, но находящийся в доброй и уважаемой всеми людьми компании!

Едва они услышали это, как все мгновенно слетели с катушек, ибо им всем стало понятно, что перед ними классический сумасшедший, и, ещё порасспросив его, чтобы узнать причины его болезни, анамнез и эпикриз и узнав много больше, чем хотели, увидели, в какой запущенной форме находится его психическое заболевание, каким огненным безумием полна его

голова, и в конце, чтобы поставить точку в своём расследовании и установлении жанра безумии, Вивальдо стал спрашивать дон Кихота, что он имел в виду, говоря о бродячих джентльменах?

– Не выпадало ли вам великое счастье, милостивый государь, читать и изучать, – возвысил голос дон Кихот, – анналы Английской историографии, где рассматриваются знаменитые лица и персоны из-за стола короля Артура, которого постоянно в наших кастильских романах мы называем королем Аретузом, из которого выстроена вся древняя и протянувшаяся на века традиция во всём царстве Британском, глаголящая о том, что этот царь не умер, но искусством чар и заклинаний был превращён колдунами в ворона, и что снова подходит время ему снова поцарствовать, и скоро он снова станет королём, возьмёт в руки скипетр, наденет на голову корону в те времена, когда он должен снова царствовать, и не потому ли в Англии теперь запрещено истреблять ворон?

Вы знаете, что во времена этого доброго короля и был учрежден тот знаменитый Орден Рыцарей Круглого Стола, где собрались одни избранные герои, рыцари без страха и упрека, и согласно тамошнему древнему преданию Ланселот, Рыцарь Озера, примерно в то же время воспылал непомерной страстью к королеве Дженовьеве, и их сводней и посредницей во всех их делах была одна придворная дама по имени Квинтанона, откуда и родился тот столь известный романс, который до сих пор распеваётся в нашей славной Испании:

Ниодинприезжийрыцарь
Не встречал таких восторгов
От своих любимых женщин,
Когда родину увидел!

Далее описываются его любовные шашни и похождения, так нежно, с такой медовой сладостью, что не могут на это не откликнуться любящие и сильные сердца! Ибо с тех пор из рук в руки шёл в гору этот рыцарский орден, ширившийся в своей и распространявшийся во многих других странах и расширяющийся во многих и самых разных частях мира, и в самом средоточии его росла слава и известность знаменитого на весь мир своими подвигами храброго Амадиса Галльского со всеми его детьми и внуками вплоть до пятого поколения, тут и храбрый Феликсмарт из Хиркании и неоцененный никем по достоинству Тирант Белый, и тот, ктио был у всех на виду и кому все поклонялись – непобедимый и храбрый рыцарь Дон Белиянис Греческий, который, казалось, ещё несколько минут назад сиял в ореоле своей немеркнувшей всемирной славы на наших глазах и которого можно было коснуться рукой, как к живому человеку. Итак, господа, я должен доложить вам, что такое на самом деле есть странствующий рыцарь, и тот орден, о котором я только что вам поведал! Не сомневайтесь, я тоже всецело принадлежу к этому ордену! Будьте уверены, что я дал те же обеты, какие произносили все рыцари этого ордена, при их вступлении в него! Это святые обеты нашего рыцарства, в которых я уже обмолвился, как я еще раз сказал, я, хотя и многогрешник, я всё-таки избрал профессию блуждающего рыцаря, и то, о чём говорили все рыцари, я исповедовал, и поэтому я всегда буду среди этих одиноких и бездомных героев, ищущих приключений, с осознанным намерением испытать мою руку и сердце, испытать моё мужество самой опасной работой, какая есть в этом мире, в надежде, что удача ждёт меня, и во мне нуждаются все слабые и поверженные.

По диким речам дон Кихота и его потешной мимике ходоки только что поняли, что Дон Кихот – человек, полностью лишенный рассудка и им владеет тот род безумия, который повелевал многими, и которым можно только подивиться, не надеясь уже на его излечение в будущем. По заверениям пастухов до места, где должно было быть погребение несчастного Хризостома, было рукой подать. И Вивальдо, который был очень сдержанным и одновременно жизнерадостным человеком, не испытывая ни малейшего сожаления по поводу того, что им не хватало возможности побыстрее добраться до места погребения, по пути принялся между другими раз-

говорами подзуживать дон Кихота, чтобы дать ему возможность получше раскрыться в своих глупостях, дабы над всем этим можно было хорошо потешиться, всвязи с чем он сказал ему:

– О, остановите меня, господин блукающий рыцарь, если я буду превратно утверждать, что ваша милость исповедовала одну из самых редких профессий на земле, профессию с самыми суровыми обетами и мне кажется, что даже у монахов-карфагенян обеты были помягче, чем ваши!

– Пусть они будут столь же суровы, – ответил дон Кихот, – но так устроен этот мир, что я сомневаюсь, что от них может быть хоть какая-то польза, я ручаюсь вам, что это так, потому что, говоря по правде, солдат, доблестно исполняющий приказы ничуть не хуже того военачальника, который испражняется приказами. Я имею в виду, что монахи, со всем миром и спокойствием призывающие небо обрушить благо на землю, но только мы, солдаты и рыцари приводим в исполнение то, что они просят в своих молитвах, защищая благо мужеством наших рук и острых мечей, не в тиши кабинетов, а в поле, под открытым небом, подставляя себя безжалостному солнцу и зимней стуже зимой. Итак, мы служители Бога на земле, мы руки Господа, которыми на Земле вершится его справедливость. И так как дела войны и дела, связанные с ней, невозможны без крови, добываются в поте лица своего, являются результатом нечеловеческих усилий, следовательно те, кто исповедует эту философию, несомненно, делают большую работу, чем те, кто в спокойном мире и покое молятся Богу в пользу тех, кто мало на что способен. Я не буду никого убеждать, и сам не думаю, что бродячий рыцарь столь же потребен, как религиозный схимник, я просто хочу сказать, что я страдаю, как рыцарь, безусловно, больше, чем он, моя жизнь труднее и беднее, и чаще нахожусь в голоде, жажде, несчастье, ранении, усыпан насекомыми, я без всяких сомнений терплю больше мучений, чем любой схимник, ибо никто не будет спорить, сколько бедствий и недоразумений выпадает на долю бродячего рыцаря в его жизни, и если некоторые из них стали императорами из-за их мужества и верности их рук, вере, которая чего им только ни стоила, кроме их крови и пота, и что не имей те, кто поднялся в такой высокой степени, надёжного покровительства и помощи мудрых волшебников, готовых помочь им, то им скоро пришлось бы разочароваться в своих желаниях и обмануться в своих надеждах.

– Вот что я думаю, – повторил ходок, – но одно свойство, среди многих других, мне кажется очень скверным для Бродячих рыцарей, и оно состоит в том, что, когда они оказываются в объятьях великой и опасной авантюры, чреватой явной опасностью для жизни, они никогда в этот мгновения не вспоминают о том, чтобы предаться Богу, как каждый христианин обязан сделать в подобных обстоятельствах и препоручают себя своим дамам, с таким же успехом и преданностью, как если бы они были их Богом! Мне кажется, это пахнет язычеством.

– Сэр, – ответил дон Кихот, – в этом нет ничего удивительного, в ином случае бродячий рыцарь покрыл бы себя позором, если бы странствующий Рыцарь поступал по-другому, вопреки законам, которыми должны руководствоваться странствующие рыцари, он бы бросил тень на весь орден, и прежде чем бродячий рыцарь решится захватить добычу или вырвать оружие у своего врага, он должен обратиться к своей неизреченной даме любящий взор, и попросить её дать ему благословение, укрепить его дух и призвать к выдержке и стойкости во время грядущих испытаний. И даже если никто не слышит его, он обязан сказать несколько слов почти беззвучно, препоручая себя под её покровительство, и у нас есть бесчисленные примеры этого в рыцарских романах. И не следует это понимать превратно, что они при этом не должны доверяться Богу, на это занятие всегда найдётся время и место во время смертельной битвы.

– При всем этом, – повторил ходок, – вы не избавили меня от сомнений, и я много раз читал, что столкнулись два блукающих рыцаря, слово за слово, слово за слово, и потихоньку, цеплял друг друга колкостями и грубыми словами, они переходят из спокойного и взвешенного состояния к гневу и агрессии, чтобы наконец придя в неистовство, идут искать хорошее поле, а затем, уже без разговоров, разъезжаются в разные стороны, и потом несутся навстречу друг

другу, и пока разгоняются, то посвящают свои мысли своим дамам и то, что обычно происходит от их встречи, заключается в том, что один падает на карачки, пронзённый копьём противника, а другой, которому так же хорошо, как и первому, и он тоже готов свалиться с коня, цепляется меж тем что есть сил за гриву лошади и таким образом остаётся сидеть на лошади что не имея гривы его не может перестать приходить на землю. И я не знаю, как пронзённый рыцарь мог изыскать время, чтобы предстать перед Богом, когда всё это развивается в таком бешеном темпе. Лучше было бы, если бы слова, которые он потратил на пустословие, посвящённое своей даме, он потратил на то, что должен, и был обязан как христианин, и вовремя обратился к Богу со словами святой молитвы. К тому же у меня нет никакой уверенности, что всем рыцарям есть, к кому обратиться, ведь не все из них имеют дам, которым можно поклоняться, да и не все они всегда влюблены!.

– Этого не может быть! – ответил дон Кихот, – Я говорю и утверждаю, что этого не может быть, чтобы был ходячий рыцарь без своей леди, потому что это так естественно и так же свойственно Матушке Природе, чтобы быть влюбленным, как небо, звёзды и Солнце, и, конечно же, вы никогда и нигде не видели истории, где ходячий рыцарь был бы без любви и любимой. И нет такого рыцаря в мире, чьё сердце не было бы полно какой-нибудь дамой!

А если в славные ряды бродячего рыцарства и затесался такой, то его никто бы не считал за законного рыцаря, а все считали бы ублюдком, который вошёл в святой рыцарский орден, не через ворота, а перелезая через забор, как рошцелыга и вор.

– При всем этом, – сказал ходок, – мне кажется, если я не ошибаюсь, но я где-то прочитал, что у Дона Галаора, брата храброго Амадиса Галльского, никогда не было дамы, которой он мог бы поручиться, и несмотря на это, он был очень храбрым и знаменитый рыцарем.

На что ответил доблестный наш Дон Кихот:

– Сэр, одна ласточка весны не делает! Причём я хорошо осведомлён, что этот рыцарь был очень сильно влюблён, хотя как я помню, попутно влюблялся во всех хорошеньких женщин, какие попадались ему на пути, и постоянно плкнялся красотою, что совершенно естественно, с этим уж ничего не поделаешь, такова природа человека. Но при этом он оставался верен только одной, он прекрасно знал, что у него есть только один выбор – выбрать ту, которую он сделал своей повелительницей, которой он доверял свои тайны, ибо только она была способна хранить его секреты в полной тайне.

– Тогда, если вы действительно хотите и верите в то, что каждый ходячий рыцарь был влюблен, – сказал ходок, – вы должны признать, что и ваша милость – не исключение. И если ваша милость не прельщается всегда оставаться неразгаданной тайной, как дон Галаор, то мне только остаётся вкуче со всеми остальными присутствующими умолять вас от имени всей этой честной кампании просить вас назвать нам имя, происхождение, а также описать качества и красоту вашей дамы, дабы она была осчастливлена, узнав, что она любима и служит такому славному рыцарю, как ваша милость.

Здесь Дон Кихот вздохнул, и сказал:

– Видит Бог, я не могу утверждать, любит ли меня моя милостивая вражина или нет, и угодно ли ей, чтобы весь мир узнал, как верно я служу ей, могу лишь только сказать, отвечая на ваши упрёки, что её имя Дульчиная, её родина, Тобоссо, и родилась она в селении Ла Манча, её качества таковы, что она, по крайней мере, должна быть принцессой, ибо она королева и госпожа моя, её красота воистину сверхчеловеческая, ибо в ней сосредоточены все истинные свойства и атрибуты женской красоты, которыми поэты наделяют своих дам: её волосы золотые, лоб её как Елисейские поля, брови её как луки небесные, очи её, как два солнца на небе, щеки её как розы, её губы – кораллы, зубы – жемчуг, шея – алебастр, грудь её как мрамор, её руки – слоновая кость, её кожа бела, как снег, и те её части, которые скрыты от человеческого любопытства целомудрием и скромностью, таковы, как я думаю, что чело-

веческая фантазия могут только восхищаться ими и превозносить их совершенное превосходство, ибо ничего сравнимого с ними в мире не наблюдается!

– Огласите весь список пожалуйста! Какая её родословная, каково происхождение, кто её родители, хотели бы мы знать, – возразил Вивальдо.

На что ответил ему дон Кихот:

– В её роду не наблюдается ни бывших Куриев, ни древних Гаев, ни Римских Сципионов, ни современных Колонов и Урсинов, ни Монкадов ни Каталонских Реквисинов, ни Ребеллов и Валенсийских Вильянов, Палафоксов, Нусов, Рокабертов, Корелов, Лун, Алагонов, Урреусов, Фоксов и Гарреасов Арагонских, Сердов, Манриков, Мендоз и Гузманов Кастильских, Аленкастров, Палласов и Менезов Португальских, но она происходит из Тобоссов Ламанчских, и род её, хотя и современный, но не тянет на сугубую древность, однако такой, что может дать щедрый старт для самых знаменитых семейств грядущих веков. И не повторяйте мне об этом! Я не советую вам цепляться за эти мелкие детали, если не хотите, чтобы я предъявил те же условия, какие предъявил Маттерхорн у горы Роландова оружия, в котором говорилось:

Лишь тот способен овладеть судьбой,
Кто может дать Роланду смертный бой!

– Хотя моя – из щенков Лэрдонских, – ответил путник, – я не осмелюсь поставить её с Тобоссо из Ла-Манчи, ибо, по правде говоря, такая фамилия до сих пор не достигала моих ушей!

– Такого быть не может! – отрезал дон Кихот.

Все присутствующие, наострив уши, с великим вниманием слушали речения дон Кихота, и когда он наконец замолк, все слушатели как один, и даже туповатые козлопасы и пастухи осознали полное и окончательное безумие дон Кихота. Только Санчо Панса, который знал дон Кихота, как говорится с молодых ногтей, по-прежнему считал, что то, что говорит его хозяин – абсолютная правда, и если в чём-то и сомневался, то только в том, чтобы поверить в существование милой Дульцинеи Тобосской, потому что никогда такое имя или сведения о принцессе в здешних краях никогда не достигали его ушей, и он никогда о таковой не слышал, хотя он жил вблизи от Тобоссо и знал там почти всех.

Проводя время в этих мирных беседах, они увидели, что их расселины между двумя высокими вершинами гор показались не менее двадцати пастухов, все в чёрных шерстяных тулупах, увенчанных траурными гирляндами, которые, как потом оказалось, были частью из тиса, а частью сплетены из кипарисовых ветвей. Шестеро мужчин влачили носилки, усыпанные и украшенные множеством цветов и букетов, увидев которые один из козлопасов сказал:

– Те, кто там шествуют, – это те, кто несут тело Гризостома, а у подножия вон той горы – место, где он повелел похоронить себя!

Увидев погребальную процессию, они ускорили шаг и поспешили туда, где собиралась толпа, и надо сказать, вовремя, потому что пришедшие уже уложили тело на землю, и четверо пастухов острыми кирками стали копать могилу прямо под большой, нелюдимой скалой.

Дон Кихот и пастухи вежливо поприветствовали друг друга. И тогда Дон Кихот и те, кто пришёл с ним, стали оглядываться, и они увидели прежде всего мёртвое тело, одетое по-пастушески, это был человек лет тридцати, и хотя это было лицо мертвого человека, оно казалось необычайно оживлённым, такое это было красивое и гармоничное лицо. Вокруг него лежало несколько книг и множество рукописей и свитков, частью свёрнутых, частью – развёрнутых. И так случилось, что все присутствующие, и те, кто открыл могилу, и все остальные, которые там были, хранили чудесное молчание, пока один из могильщиков не сказал другому:

– Посмотри хорошенько, Амвросий, то ли это место, о котором нам говорил Гризостом, ежели вы хотите, то, что он оставил в своем завещании, было неукоснительно выполнено!

– Не сомневайтесь! То самое! – ответил Амброзио, – именно здесь он много раз рассказывал мне свою печальную историю. Он рассказал мне, что тут впервые встретил этого смертного врага человеческого рода, и именно здесь он впервые открылся, как честный и открытый влюбленный, и именно здесь Марцела пренебрегла им и ввергла его в великую печаль и горе, к несчастью, положив конец трагедии его горестной жизни. И здесь, в память о многих испытанных несчастьях, он хотел, чтобы его опустили в недра вечного забвения.

И, повернувшись к Дон Кихоту и путникам, он продолжил свою речь:

– Это Тело, Господа, на которое такими благочестивыми глазами вы сейчас взираете, склонив головы, быломестилищем души, в которую небо вложило бесконечное количество божественных совершенств. Это тело Гризостома, который был уникален в остроумии, и не только в нём, никто не мог бы сравниться с ним в благородстве, соревноваться с ним в трепетной нежности, он был истинным Фениксом в дружбе, щедрым в своём великодушии, бесконечно серьёзным по сути своей, радостным без слабости, и, наконец, первым во всём, что является предпочтительным у лучших, и последним во всем скверном. Он любил, ненавидел, поклонялся, презирал, он умолял зверя, бросался к мрамору, бежал за ветром, дарил голоса одиноким скалам, служил неблагодарности, от которой получил воздаяние!

Ему была подарена смерть, быть и он достался смерти, сражённый в рассвете сил и лет, на полпути к самым высоким своим достижениям, к которым он шёл, он получил свой конец из рук пастушки, которую он чаял обессмертить в памяти народа, о чём неоспоримо свидетельствуют все эти бесценные рукописи, которые, как вы видите, разбросаны здесь в полном беспорядке, и которые могли бы навеки прославить его имя, если бы он пред смертью не повелел мне сжечь их в бушующем огне после того, как его охладелый прах будет навсегда предан холодной, равнодушной земле.

– Не будете ли вы, исполняя это указание, ещё более жестоки строги, чем их суровых хозяин, – сказал Вивальдо, – ибо нечестно и неуместно исполнять волю того, кто приказывает, находясь в состоянии аффекта, вне всякого здравого смысла. Мы бы не стали слушаться и самого Цезаря, если бы он согласился исполнить то, что божественный Мантуанец оставил в своем завещании! Я надеюсь, что, господин Амброзий, предав тело своего друга земле, вы не захотите предать его труды забвению, ведь он давал распоряжение в состоянии обиды, и то, что вы собираетесь исполнить, ох, как нехорошо. Прежде чем вы это сделаете, подумайте, не стоит ли оставить их в живых, и пусть в мире всегда живёт память о жестокости Марцеллы, чтобы она служила укором для всех живущих, дабы им удалось избежать падения в такие бездонные пучины. Я, равно как и те, кто пришёл сюда, все мы знаем историю вашей дружбы и любви к нему, знаем о его глубоком отчаянии, знаем причину его ухода из этого мира, и знаем о том, что он заповедовал вам после своей смерти! Из этой печальной истории можно сделать вывод о том, какой была жестокость Марцеллы, какой была любовь Гризостома, какой была вера в вашу дружбу, и что может случиться с теми, кто, подобно ему, устремится по пути, по которому любовь гонит бесстрашное, опрометчивое сердце. Вчера вечером мы узнали о смерти Гризостома и о том месте, где он должен был быть похоронен, и поэтому в сочувствии и жалости, мы отклонились от нашего пути и согласились прийти и узреть собственными глазами то, что так сильно огорчило и опечалило нас. И теперь, находясь в печали, жалости, и соображаясь с мыслями, которые родились от всего перечувствованного нами, всем тем, что рождено здесь, если это возможно, умоляю тебя, о Амброзий, по крайней мере, умоляю тебя я лично, перестань обнимать эти бумаги, и позволь мне взять кое-что из этого.

И, не дожидаясь ответа пастуха, он протянул руку и взял те из рукописей, кто были ближе всего к нему. Увидев это, Амвросий сказал:

– Из вежливости я разрешаю вам оставить у себя те из них, господин, которые вы уже взяли, но вы напрасно будете думать, что я отдам вам и все остальные, вместо того, чтобы сжечь их все подряд!

Вивальдо, желая посмотреть, что написано в одной из рукописей, развернул один из свитков и увидел, что у него в руках «Песнь Отчаянья». Амброзио посмотрел на него внимательно и сказал:

– Это последнее произведение, которое написал несчастный, и даже по одному этому заглавию вы видите, сэр, сколь велики были его несчастья, прошу вас, сделать так, чтобы все услышали то, что там написано! Времени у нас довольно, ибо могилу отроют ещё не скоро, и у вас есть достаточно времени для того, чтобы послушать!

– Я охотно сделаю это! – сказал Вивальдо.

И так как у всех присутствующих было одно желание, они тут же кругом обступили его, и он стал читать ясным, дрожащим от волнения, но очень внятным голосом:

Глава XIV

Где звучат отчаянные стихи покойного пастуха,
И происходят некоторые нечаянные происшествия.

ПЕСНЯ ОТЧАЯНЬЯ ГРИЗОСТОМА

Итак, ты хочешь, чтобы мир узнал,
Чтобы из уст в уста молва сочилась,
Твою жестокость в мире разнося!
И я хочу, чтоб голоса из Ада
Мне подсказали нужные слова.
Чтоб выразить всю скорбь любви печальной,
И выход дать скопившейся тоске.
Я устремил сокрытое желанье
Чтобы воспеть безжалостность твою,
Сосредоточив его в смертный ужас
Напрасной и отвергнутой любви!
Хочу я, чтоб разорванные звуки,
С ошмётками растерзанной души
Слились в неслыханные этим миром звуки
– Послушай же меня со всем вниманьем
Как из стеснённой трепетом груди,
Из глубины её не песнь польётся,
А бреда принудительного звук.
Но для меня он выход и отрада,
Тогда как просто скрежет для тебя!
Рев дикий льва, иль волка завыванье
Ужасный вопль или отвратный свист.
Чешуйчатой змей шипящий шёпот
Смертельный рёв погибшего быка
Глухие всхлипы из утроб чудовищ
Унылый и глухой морской прибой,
Высокой гулкий вой ветров над пущей,
Когда они в волной затеяв спор,
Несутся с визгом над пучиной моря
Ужасный вопль сражённого быка,
Иль льва неуголимое рычанье,
Иль блеянье невиданных существ,
Сипение глухое вурдалака
И вслед за тем голубки бедной писк
Всех адских банд ужасный гам и шум
Смешаю я в один немолчный грохот,
Чтоб боль моя свой голос обрела,
И всё к тому, чтобы бесчеловечность
Твоя свой зримый облик обрела,
Там, где людская речь вотще бесплодна.
Внимайте же, вибрируя от страха
Живому слову с охладелых губ,
Что льюся, нет, не так, как мерный Тахо,
И не струятся средь густых олив,
Как древний, примирённый миром Бетис,
А бесятся свирепым ураганом,

Над взморьями туманами клубясь,
Покрыв клочками туч глухие скалы,
Ущелья, где лежит ночной туман,
Вздымая ядовитые порывы.
Сгибая непрохожие леса,
В преддверии пустынь Ливийских зноя,
Где орды гадов, яд тая, кишат
И пусть мой голос, разносимый эхом
Разносит весть любви моей несчастной,
Природе холодной правду рассказав,
И мир узнал, какой свирепой казни
Я без вины подвергнут был тобой,
Чтобы в любых бесчеловечных тварях,
Блеснуло чувство жалости ко мне.
Презренье разрушает нас, в разлуке
Содержится великая беда,
Всё рушится под грузом подозрений,
И ревность докучает и казнит,
Взывая к абсолютному забвенью,
Готовому надежду истребить.
Все эти знаки – слуги мрачной смерти,
Я путаясь, о как же мне сказать,
И как спросить, зачем такое чудо,
Что ныне жив я, смертью пощаждён,
Хотя избит презреньем и изведаль
Неправедные, злые подозренья,
С любимую разлуку и позор,
И между тем в забвении скитаясь
что все чувства путаются,
Испепелён любовным я огнём,
И через муки проходя угрюмо,
Надежду не могу свою предать,
Хотя при этом ей боюсь поверить,
Я вынужден терзаться всё сильнее,
Но не имею с ней расстаться сил!

Не глупо ли иметь одновременно
В себе надежду и гнетущий страх,
Себя я вопрошаю, как возможно,
Когда душе моей ясней, чем день,
Всё осветивший неподкупным Солнцем,
Осознавать измены черноту,
Лелея в сердце зреющую рану,
И как в свой мир отчаянье впустить?
Не стыдно ли под градом унижений
Баюкать разум несомненной ложью,
Когда понятно всё и нет сомнений,
Что я отвергнут раз и навсегда.
Не может страх возникнуть без причины,

Жизнь, ставшая замедленною казнию,
Стремится к смерти медленной равно.
Два палача есть – Ревность и Презрение.
Как мне их жуткой плахи избежать,
Освободить себя от заточенья.
О, я молю! Верёвку и кинжал
Молю мне дать, чтоб я не взвидел света!
Убейте! пытка долгая страшней!
Как страшно умирать! Но жизнь постыла!
В сознание я! Я сам гублю себя,
Но гибель я избегнуть не способен!
Но и теперь, танцуя над могилой,
Уверен, что любя, я счастлив был,
И знаю, что мученья дикой страсти
Одни блаженство райское таят!
Я знаю то, что нет тебя прекрасней,
И ты неповторима, злейший враг,
И судя по речениям Амура
Я сам в своих несчастьях виноват!
И знание такое путь мой краткий
В могилу жизнь мою сопровождает!
И пусть твоё презрение к могиле
Меня сопровождает до конца!
И пусть душа, не алчущая боле
Земного блага, ляжет в тесный гроб!

Лишь подтвердит твоя несправедливость.
Что был я прав, когда неправый суд
Осуществлял над жизнью бесполезной.
Нет, за неё тебя не обвиню,
Назавтра став бесплодным, хладным прахом.
Несчастному счастливым умирать!
И я прошу, чтоб ты над этим прахом
Не лила слёз из покрасневших глаз,
И не зашла в притворных сожаленьях!
О, нет, засмейся! Миру докажи
Сколь эта смерть твоей душе приятна,
Не удивляй же лживым соотраданьем!
Вокруг известно всем, сколь хочешь ты,
Чтоб я сошёл в могилу поскорее!
И пусть все знают – твой печальный день
Окончится весёлой вечеринкой!
На колесе распятый Иксион,
Сизиф, натужно катящий булыжник,
Команда Данаид, их всех за грех
Наказанных немисливо жестоко,
Тантал! Он ведь в проклятье под водой
Не знает насыщения от жажды,
Несчастный Тит, терзаемый клыком

И клювом голубым железной птицы,
Так пусть из бездны вырвутся они,
С звериным кликом на устах развестых,
И коли удосужатся почтить,
Пусть вместе понесут меня до гроба,
Забывши прах мой саваном облечь!
Пусть стонут и кричат, и пусть глухие стоны
Подхватят стражи чёрных адских врат.
И будет выть треглавый пёс Плутона,
И свора опечаленных химер
Разбудит в подземельях жутких тварей.
Не должен звать иного славословья
Тот, кто несчастной страстью поражён!

О песнь моя! Замолкни! Не грусти!
Ты выполнила свой природный долг!
Ведь женщина, явившая мне лик
За пять минут до смерти неминучей
Моим концом довольна – и вполне!

Это очень понравилось всем слушателям, которые очень внимательно слышали песню Гризостома, однако тот, кто читал ее, по завершению чтения сказал, что её портрет, нарисованный Гризостомом не очень похожа на рассказы окружающих, которые в один голос утверждали о примерной скромности и доброте Марцеллы, и здесь Хризостом явно предвзято жалуется и ревнует её, раздувая свои бесплодные подозрения и отсутствие чести, и всё это в ущерб мирному нраву и доброй славе Марцеллы. На что Амброзио, который был посвящён в самые тайные мысли и намеренья своего друга, сказал:

– Чтобы вы, любезный господин, были вполне удовлетворены, и ваши сомнения окончательно были рассеяны, что, несомненно, будет способствовать всеобщему благу, я должен сообщить вам, что вы и сами, я думаю, прекрасно знаете, что, когда этот несчастный написал эту песню, он был в разлуке с Марцеллой, и был в разлуке, надо подчеркнуть, по своей воле, надеясь, что это разделение в конце концов расставит все точки над «i» в их отношениях, но поневоле столкнулся с тем, что влюблённого человека, а тем более находящегося в разлуке с объектом его любви, поневоле начинают допекать смутные подозрения, уколы ложной ревности и даже тайная неприязнь, находящая порой совершенно ложные доводы и мотивы. Понятно само собой, что добродетели Марцеллы никак при этом не могут пострадать, и они никак не пострадали, они остались её собственностью, что не умаляет того неоспоримого факта, что она чрезмерно жестока, дерзка в общении и порою невыносимо надменна, а в остальном ни зависть, ни самая непримиримая ревность не могут её ни в чём обвинить!

– Это правда! – согласился Вивальдо.

И, желая прочитать еще одну рукопись, из тех, которые были спасены от огня, он вынужден был отложить её, ибо перед ним явилось прекрасное видение, которое он сначала принял за мираж и обман зрения, и это было то, что маячило на вершине скалы, под которой была выкопана могила. Видение оказалось пастушкой Марцеллой, настолько прекрасной, что её красота перебила все слова, превозносившие её красоту. Те, кто до этого не видел ее, теперь смотрели на нее с восхищением и в глубоком молчании, а те, кто уже привыкли видеть её, были не менее взволнованы, чем те, кто никогда не видел её. Но едва увидев ее, Амброзио с гневным выражением на лице сказал:

– Ты явилась посмотреть, свирепый василиск этих гор, на дело рук своих? Хочешь знать, прольется ли кровь при твоём присутствии из израненного несчастного, которого лишила жизни твоя жестокость? Или ты идешь, чтобы утвердить себя в святости твоих жестоких подвигов, или увидеть с этой высоты, как схожий с тобой безжалостный Нерон, огонь пожирает его пылающий Рим, или высокомерно наступить на этот несчастный труп, как неблагодарная дочь наступила на труп её отца Тарквиния? Скажи нам, зачем ты пришла, и что тебе теперь нужно от нас? Или зная, что бедный Гризостом никогда не переставал повиноваться тебе в жизни, ты хочешь добиться теперь, когда он умер, повиновался тебе всем, кто назвался его друзьями?

– О Амброзио! Не говори так! Не за тем я пришла сюда! говорила, – ответила Марцела, – Но я явилась сюда, чтобы намекнуть, насколько лживы и неуместны все те, кто обвиняет меня в своих горестях и смерти Гризостома, и поэтому я умоляю всех, кто здесь присутствует, быть внимательными ко мне и к тому, что я скажу, в надежде, что не понадобится много времени и усилий, чтобы убедить этих уважаемых людей в моей правоте. Вы сами вознесли меня на небо, когда говорили, что нет ничего прекраснее меня, и таким образом, требуете, чтобы в оплату за ваше поклонение и любовь, я одарила вас всех своею любовью, и вот это всё, что движет вашими поступками!

Моя красота чарует вас, и ценой любви, которой вы меня одаряете, вы говорите, что все хотите, чтобы я была обязана любить вас. Природный здравый смысл, которым наделил меня Господь, указывает мне, что все прекрасное —добро, и перед ним невозможно поклоняться, нельзя его не любить, но я не понимаю, отчего из-за того, что то, что находим прекрасным, и любим, обязано любить того, кто любит прекрасное. И еще, представьте себе, что может случиться, если влюблённый в прекрасное окажется некрасивым, даже уродливыми, и будучи некрасивым, достоин отвращения, вызывает отвращение, и при этом твердит, как заведённый: «Я хочу, чтобы ты любила меня, даже если я столь ужасен!» Допустим невозможное, что они оба прекрасны, но ведь это не гарантирует у них общности взглядов и сходство характеров, ибо не всякая красота способна притягивать, ибо иная красота радует глаз и оставляет холодным сердце, и если бы все красавицы влюблялись только в красоту и красивое, и сдавались бы на их потребу, то кругом царил бы беспорядок и всё погружалось бы в неопределённость и смутные шатания, где люди бы бродили, не зная, на чём они должны остановиться, ибо, имея вокруг себя бесконечное множество бесконечно прекрасных существ, мы бы имели вокруг себя и в себе бесконечное разнообразие желаний. К тому же, как я слышана, истинная любовь неразделима, и она должна быть добровольной, а не возникать по принуждению. Так вот, я и думаю, почему вы хотите, чтобы я отдалась кому-то силком, и только потому, что вы клянётесь в своей любви и говорите, что любите меня так сильно, как никто? Если нет, скажите мне, ну а если бы небо, сотворившее меня красивой, сделало меня вдруг уродливой, Имела ли бы я полное право жаловаться на вас, что вы не любите меня? Поймите же, что я не выбирала своей красоты и у меня есть то, что есть, небо дало мне её как благодать, не дав мне возможности для выбора. И так же, как гадюка не заслуживает того, чтобы её обвиняли в том, что она кусается ядовитыми зубами и убивает, только потому, что так повелела природа, я не заслуживаю того, чтобы меня упрекали за то, что я прекрасна, что красота в честной женщине похожа на скрытый огонь или на острый меч, и если кто не сгорает от него, и кто не исколот и не изрезан, то только тот, кто слишком не приближается к ним. Честь и человеческая добродетель – это украшения души, без которых тело, даже если оно и есть, никогда не способно выглядеть красиво. Ибо если честность и невинность являются добродетелями, которые украшают тело и душу, придавая всему прелестное очарование, неужто девушка, обладающая этой невинностью и чистотой должна отдаваться, уступая требованиям и домогательствам того, кто, только по своему желанию всеми своими силами и способами стремится обладать ею? Я родилась свободной, и чтобы я могла остаться и жить свободной, я выбрала одиночество среди полей и природы, деревья и горы – это моё общество, ясные воды и потоки со скал – мои зеркала,

с деревьями и водами я общаюсь в мыслях и делюсь красотой, и здесь огонь и меч дремлют внутри меня, и одновременно охраняют меня. Те, кто полюбили меня глазами, пусть убираются с глаз долой благодаря моим словам. И если желания подкрепляются и растут как на дрожжах, питаюсь надеждами, то я не давала ни Гризостому, ни кому-либо другому ни одной надежды, и поскольку я не окрыляла ничем ни одного из них, то можно сказать, что его убило скорее ослиное упрямство, чем моя жестокость. И если я несу ответственность за то, чтобы мои мысли были честны, если я принуждена отвечать за них, то я говорю сейчас, что, когда на этом самом месте, где сейчас копается его могила, я обнаружила доброту его намерения, я сказала ему, что я хочу жить в вечном одиночестве, и что только земля будет наслаждаться плодами моего девства и артефактами моей красоты, и если он, изведав такое разочарование, так сильно заболел и погрузился в череду безрассудств, в чём моя вина? Если бы я развлекала его, это было бы с моей стороны фальшью, если бы я удовлетворила его, я бы сделала это против моих выношенных жизнью убеждений. Он был безразличен к моим разувереньям, отчаивался, не будучи угнетён или изгнан, а теперь, если это стало причиной его горя, то я виновата? Пусть обманутый отчаивается, пусть кручинится тот, кого обманули надеждой, наобещав всего на свете, пусть плачет тот, кто доверился тому, кому не следует доверять, пусть надеется тот, кого я позову, пусть скрежещет зубами тот, кому я пообещаю и обману, одного я не признаю – если меня назовёт жестокой тот, кого я не привечала, кому я ничего не обещала, кого я не пыталась ничем обмануть, пусть не осмеливается назвать меня убийцей тот, кого я на пушечный выстрел не допускала к себе и кого не полюбила бы никогда ни за какие коврижки.

Небо ещё не возжелало, чтобы я полюбила и с кем-то связала свою судьбу, и было бы глупо полагать, что я способна на это сама! Это общее разочарование будет настигать всех тех, кто просил или попросит меня о моей благосклонности, и отсюда все должны понять, что если любой умрёт, думая, что умирает из-за меня, не умрёт от ревности или несчастья, потому что тот, кто никого не любит, не должен ревновать, и свои разочарования не должны относить на чьё-то презрение. Тот, кто называет меня свирепой и василиском, пусть сразу оставит меня в покое, как вредную и злую вещь, тот, кто называет меня неблагодарной, не служит мне, тот, кто мне не знаком, не пытается познакомиться со мной, тот, кто жесток, не преследует меня, ибо сам он жестокий Василиск, этот неблагодарный, этот жестокий и к тому же этот неизвестный, пусть он не будет искать, служить, знать и не будет следовать за мной никоим образом, так что если Гризостома убило его нетерпение, страсть и неудовлетворённое желание, почему он должен обвинять меня в моем честном поступке и скромности? Если я храню свою честь в компании с деревьями и в близости к природе, почему он хочет, чтобы я потеряла её, если кто-то хочет, чтобы я общалась с мужчинами? У меня, как вы знаете, есть свои богатства, и я жадна к чужому богатству, у меня есть моя свобода, и я не люблю себя, поэтому я не люблю и ни к кому не испытываю ненависти, я ничем не обманывала его, я не просила его ни о чём, я не насмехалась ни над кем-то, одновременно развлекаюсь с другими, честный разговор с пастушками и уход за моими козами – вот всё, что развлекает и тешит меня. Мои мечты не выходят за рамки этих гор, и если они выходят за их пределы только для того, чтобы я могла созерцать красоту неба – путь, которым душа уходит к своей главной обители.

И, сказав это, и не дожидаясь ответа ни от кого, Марцела повернулась ко всем спиной и быстро скрылась в лесу подле ближайшей горы, оставив всех, кто был там, восхищенными, как её благоразумием, так и красотой. И кое-кто из тех, кто был ранен острыми лучами, исходящими из её прекрасных глаз, всё равно испытывали желание тут же броситься за ней за ней, не обращая внимания на разочаровывающие речи, которые они услышали. Но Дон Кихот, видя и предугадав их намеренье, вдруг представил себе, что его рыцарский долг заключается в спасении нуждающихся девиц, возложив руку на рукоять своего меча, высоким и внятным голосом сказала:

– Ни один человек, независимо от состояния и звания, не осмелится последовать за прекрасной Марцелой, не опасаясь вызвать мой испепеляющий гнев. Она ясными и достаточными доводами показала, насколько мало она виновата в смерти Гризостома и насколько она не готова сообразовываться и быть снисходительной к желаниям ни одного из полюбивших её, будет справедливо и правильно, вместо того, чтобы следовать за ней и преследовать её, почитать и уважать её со всеми её добрыми намерениями в этом мире, ибо она показывает, что едва ли где найдётся девушка, которая живет с таким честными и благими намерениями.

Либо из-за угроз Дон Кихота, либо из-за того, что Амброзио приказал им закончить то, что должно было быть завершено всвязи с его лучшим другом, ни один из пастухов не сдвинулся с места и не отошел оттуда ни на шаг, пока они не закончили погребение, и не сожгли все бумаги Гризостома, не опустили его тело в могилу, что не обошлось без обильных рыданий окружающих. Они завалили могилу толстым камнем, пока плита, которую уже заказал Амброзио, не была ещё закончена, а он думал, что делать с эпитафией, и порешил в конце концов начертать на ней такие слова:

Здесь лежит простой пастух!
Ледяное его тело!
Знать, не вынес его дух,
Что Она не захотела
В горе всё он потерял!
Жизнь утратил он беспечно!
Он красавице вверял,
Сердце, сердцем бессердечной!

Затем они разбросали на холме множество цветов и букетов, и, выразив всем своим видом и словами соболезнования своему другу Амброзио, попрощались с ним.

То же сделали Вивальдо и его напарник, и Дон Кихот попрощался со своими гостями и спутниками, которые умоляли его поехать с ними в Севилью, с тем, что она была весьма богатым местом для тех, кто ищет приключений, которые там случаются на каждой улице и за каждым углом и которых там можно испытать много больше, чем в других местах. Дон Кихот поблагодарил их за предложение, совет и внимание, которые они проявили к нему, и сказал, что сейчас он не хочет и не может ехать в Севилью, пока не очистит окрестности от всех этих зловещих разбойников, которыми полны эти горы и которые не дают здесь никому никакого проходу. Видя его добрую решимость, и не осмелившись настаивать на своём, они оставили его в покое, и, повернувшись, попрощались и продолжили свой путь, в продолжение которого история Марцеллы и Гризостома, равно как и безумие Дон Кихота служила им обильной пищей для разговоров. А дон Кихот решил последовать вслед за пастушкой Марцелой, дабы предложить ей всё, что мог, дабы послужить ей, но судьба распорядилась иначе, чем он думал, что будет рассказано в этой правдивой истории, вторая часть которой подходит к своему логичному завершению.

Глава XV

Где рассказывается о несчастном приключении, которое случилось, когда Дон Кихот наткнулся на бездушных янгвасцев.

Всевидающий и мудрый Бен Ахмед Бенгали докладывает, что как только дон Кихот оставил своих гостей и всех тех, которые присутствовал похоронах пастуха Гризостома, он и его оруженосец направились к окраине леса, где, как они видели, исчезла пастушка Марцела. Здесь, прошлявшись по лесу часа два с лишком, и в конце концов, излазив его вдоль и поперёк со всех сторон, и будучи не в состоянии найти ее, они вышли на луг, поросший свежей травой, рядом с которым бежал ручей, нежный и свежий, манящий и призывающий к отдыху и приятному времяпровождению во время испепеляющей полдневной жары, которая к тому времени вступила в полновластную силу, что заставило их спешиться и остановиться на этом лугу, отправив Росинанта и осла, страшно обрадовавшихся такой возможности отрешиться от того, что им пришлось перевозить и терпеть на своих спинах.

Дон Кихот и Санчо, оставив осчастливленных осла и Росинанта среди роскошной и зелёной травы, где им было полное раздолье, они вытащили свои пухлые седельные сумки и, без всяких церемоний в добром мире и за хорошую компанию, хозяин и слуга накнулись на свои съестные припасы и за милую душу до крошки съели всё то, что нашли в них.

Он не беспокоился от того, что бросил Росинанта на произвол судьбы, уверенный, что он знает его как свои пять пальцев и такого кроткого и милого существа ещё надо поискать, тем более, что секс по видимости столь мало его интересовал, что все кобылы Кордовы не заставили бы его ввести себя в искушение. Но угодно было злодейке-судьбе, вкупе с дьяволом, который не каждый раз спит, а иной раз и открывает круглые глазищи, чтобы к этой долине устремились погонщики-янгванцы которые иной раз колесили по той долине, погоняя стадо галицианских кобыл, и следя за ними и останавливаясь для отдыха и сна в местах, не обделённый ни травой, ни чистой водой, и когда они проходили то место, где Дон Кихот расположился вместе с Росинантом, оно показалось им очень привлекательным для остановки.

Так случилось, что Росинант сразу же пришел в неистовое желание показать себя наилучшим образом перед кобылиными дамами, и, выйдя, м только унюхав их, он отошёл от своего естественного поведения и обычая, не спрашивая разрешения своего хозяина, блудливейшей походкой пошёл к ним, дабы поскорее удовлетворить своё нутро и страсть. Но кобылицы, которым, как показалось, больше хотелось пастить и поедать травку, чем любезничать с Росинантом, стали отпихивать его ударами копыт и укусами зубов, причём таким образом, что вскоре сломали и порвали все ремни его подпруги, и он остался вовсе без седла. Что касемо погонщиков, то они, узрев, что над их кобылицами готово начаться неслыханное насилие и попрание их девства, и дело очень серьёзное, бросили только начавшийся отдых и тут же прибежали, держа в руках длинные осиновые колья, и недолго думая, что, конечно, не очень ему понравилось, они надавали Росинанту по спине дубинами, да так, что он быстро охромел и повалился с ног на землю.

Дон Кихот и Санчо, как только сразу убедились в том, что началось избивание Росинанта, бросились к нему на подмогу и Дон Кихот по пути просвещал Санчо:

— Что я вижу, мой друг Санчо! Это никакие не рыцари, не джентльмены, а всякая подзаборная шелупонь деревенская и в основном грязные простолюдины. Смею утверждать, что ты, Санчо, можешь помочь мне и принять на себя львиную часть дьявольской мести за оскорбле-

ние и поношение, которое было совершено прямо перед нашими глазами над божественным Росинантом!

– Какая к чертям собачьим дьявольская месть и что мы должны принять, – ответил Санчо, – если их больше двадцати, а нас, если не ошибаюсь, не больше двух, и, возможно, даже поменьше, кажется, не более полутора, да и то с натяжкой?

– Во мне одном сидит сотня вёртких, стойких бойцов! – гордо повторил Дон Кихот, сжимая кулаки.

И, не произнося больше ни слова, и не соображая свои деяния с соображениями разума, он возложил руку на свой меч и помчался на янгуэйцев, и таким образом не оставив Санчо Пансе иного выбора, кроме как взмолиться и броситься вслед по примеру своего хозяина. При первой же стычке с первого же удара Дон Кихоту удалось зацепить своим мечом одного погонщика, раскроив ему кожаную куртку на плече, и отрубив попутно приличный кус спины.

Янгуэйцы, которые были теперь изрядно оскорблены двумя одинокими странноватыми людишками, а надо сказать, что их на этой лужайке оказалось так много, что даже мне не удалось их сосчитать, потому что их едва вмещала эта лужайка, обратили взоры к своим божественным сосновым кольям и, схватив их наперевес, стали громко и яростно ругаться на Дон Кихота и Санчо, а потом всем скопом, всей своей чересчур прыгучей и злобной комарильей обступили славного дон Кихота и Санчо, потом всей кодлой бросились на них и как по команде принялись охаживать их колами, да так, что крестьянин, молоти он цепями рожь в поле, и увидев такое, обзавидовался и не мог бы нарадоваться таким помощникам. И надо признать, истинная правда заключается в том, что уже при втором соприкосновении к нему, янгуэзцы сразу уложили Санчо на землю, и спустя мгновение то же случилось и с Дон Кихотом, как бы ни ловок и находчив он был в телодвижениях, и как бы умело ни уворачивался от свистящих колов и сколь бы мужества и присутствия духа не проявлял при этом, судьба распорядилась таким образом, что в конце концов он свалился прямо под ноги Росинанта, который всё это время безуспешно пытался встать, и являл собой результат овеществлённой ярости и силы, с которой янгуэзцы навострились обращаться со своими убийственными дубинами, показав миру, сколь истребительна бывает злоба и мстительность в руках сельских дебилов, когда в их сердитые, натруженные руки попадают длинные и тяжёлые колья.

Увидев наконец, сколь много зла они натворили, янгуэзцы с величайшей быстротой, как могли, быстро собрались в дорогу и отчалили, продолжив свой путь, а также оставив двух авантюристов в ужасно-скверном состоянии организмов и в ещё более непередаваемом состоянии духа.

Первым, кто очухался, был Санчо Панса. Уразумев, что его Господин лежит ничком поодаль от него, раскинув ноги и руки, он слабым и обиженным голосом прокрипел:

– Мистер Дон Кихот! О, мистер Дон Кихот!

– Что ты хочешь, Санчо... брат? – ответил дон Кихот, едва сумев повернуть со скрипом голову, и проговаривая это таким мрачным, таким упавшим и болезненным голосом, каким не говорил никогда в жизни.

– Я хотел бы, если бы это было возможно, – смиренно ответил Санчо Панза, – чтобы ваша милость дала мне две рюмки того бальзама, как, бишь, его там, название, Безнадеждича,...или Кончиазы,... или Кирдыкота, прошу вас, сэр, подайте мне его, если он случайно окажется у вас под рукой, я вам буду за это очень благодарен, возможно, случайным образом он, это... будет полезен для моих разрушенных костей, в той же высокой степени, как и для ранений!

– Ату меня, несчастного! Горе мне, горе! – горестно ответил дон Кихот, – Ну, если бы он был здесь, то я, несчастный, не имел бы никаких проблем! Его теперь нам только не хватало! Но я клянусь тебе, милый Санчо Панза, поверь святой клятве бродячего джентльмена, что не минет и двух суток, если судьба, конечно, совсем не повернётся к нам задним местом, как

я добуду волшебный эликсир для тебя, Санчо, а если не добуду, то пусть у меня за это вырвут все ноги и руки, какие есть!

– Ну и через сколько, по вашему высочайшему мнению, мы сумеем пошевелить ногами? – прошептал Санчо Панса едва слышным голосом.

– Я уже умею говорить, – сказал примирительно рыцарственный Дон Кихот, радуясь открывшейся перед ним возможности, – но сказать, через какое время мы начнём шевелиться, я смогу навряд ли, знай, Санчо, это я виноват во всём, ибо не должен был возложить руку на меч и поднять его против людей, которые не были посвящены в рыцарское достоинство, подобно мне, и так, я думаю, что в печали за то, что я пройдя законы рыцарства и будучи посвящён в члены ордена, вместо того, чтобы сразиться с равными и благородными, сражался со всяким беспёрым отребьем и шушерой, Бог и соизволил ниспослать мне эту жестокую и поучительную кару. Так что, Санчо, когда ты увидишь, что этот непросвещённый сельский негодяй наносит нам какое-то оскорбление, не ожидай, что я возложу руку на меч свой и ринусь на них, потому что я не сделаю этого ни в коем разе, но возложу руку свою на меч твой и наказывай их по своему вкусу и разумению, то есть по своему усмотрению, а если им на помощь и в защиту прибегут патентованные рыцари, я тут же узнаю про это, и, ты уж поверь мне на слово, как-нибудь выручу тебя из беды, и так же, как ты сражался со всяким ничтожным отребьем, защищая меня, я буду сражаться со всякими нечестивыми рыцаришками, выгораживая тебя, а ведь ты уже тысячу раз мог видеть и убедиться в том, как здорово я могу это делать, и насколько ценна эта моя такая сильная рука в нужную минуту!

Наш бедный друг, видать, до сих пор носился с виденьями неописуемой своей битвы с храбрым бискайцем и бредил высокомерной гордостью, что так славно тогда сразил его в смертельном бою. Но толстому Санчо сейчас не нравились наказания своего хозяина, и он не счёл необходимым обойти их молчанием:

– Синьор бродящий рыцарь! Я человек мирный, кроткий, спокойный, скромный и, видит Бог, я могу вытерпеть что угодно, любое унижение и оскорбление, потому что у меня жена и дети на руках, которых я должен как-то пестовать, кормить, холить и воспитывать! Так что, знайте же, ваша милость, и не сочтите это за дерзость, а мои слова не считайте приказом, ибо я, упаси бог, не имею права вам дерзить или уж тем более приказывать, или распоряжаться вами, упаси Бог, если так, но я говорю в ответ на вашу заповедь – ваша милость, я ни в коем случае не положу руку на этот меч, ни против любого уличного злодея, ни против какого-никакого архи-добрейшего рыцаря, чтоб ему пусто было и гори он синим пламенем в адской чаше! И что отныне пред Богом я прощаю им всё, что они сделали или ещё сделают со мной, прощаю им всё-всё, кто бы они ни были, высокие или низкие, богатые или бедные, всё равно, идальго или простолюдин из деревни, всё равно, человек без какого-либо состояния или дворянин.

И когда услышал его хозяин эти дерзостные речи, он ответил ему:

– Санчо! У меня что-то в горле спёрло, мне нужно отдохнуть, а уж потом мы поговорим по душам, и к тому же у меня ребра сильно побаливают, а то бы я тебе мигом разъянил, какую чушь ты несёшь, Санчо, какой иерехонской ересью ты полон, грешник, и знай, если ветер судьбы, до сих пор дующий нам в лицо, обернётся в нашу пользу, наполняя наши паруса удачей, чтобы мы быстренько и без всяких проблем взяли какой-нибудь порт на каком-нибудь из островков, который гарантирован мной для тебя, что было бы, если бы я, захватив его, сделал тебя господином острова? Тогда бы ты был в полной растерянности, потому что ты не рыцарь, не желаешь им быть, не имеешь мужества и намерения мстить за принесённые тебе оскорбления и таким образом не способен защищать своё владычество. Потому что ты должен знать, что в вновь завоеванных царствах и провинциях всегда сначала наблюдается разброд и шатания, и туземцы никогда не бывают довольны своим новым хозяином, и всегда есть угроза того, что им придёт в голову совершить какой-то новый переворот или поднять бунт, чтобы снова поставить всё с ног на голову и снова испытать фортуны и вернуться, как они говорят, к старым

порядкам, и поэтому новый господин должен иметь понимание, мужество и здравый смысл, чтобы осознать себя мужественным правителем и, чтобы отбиться от туземцев и в любом случае защитить себя.

– В том, что случилось с нами сейчас, – ответил Санчо, – я конечно хотел бы иметь навыки и мужество, о которых говорит ваша милость, но я клянусь вам честью бедного человека, мне сейчас больше нужны припарки и горчичники, чем советы. Ваша милость, если вы способны встать, давайте тогда поможем подняться и Росинанту, хотя он этого не заслуживает, потому что он был основной причиной всего этого преторианского крошева. Я никогда не верил в то, что Росинант способен на такое, я считал его таким же миролюбивым, как я. Во всяком случае, люди говорят, что для того, чтобы понять человека, надо с ним пуд соли съесть, а в жизни трудно хоть что-то понять. Кто бы мог представить, что после тех великих ударов меча, которые вы дали тому несчастному бродячему рыцарю, от которых он чуть не окочурился, последует такой град палочных ударов, который обрушится целиком на наши спины?

– Ну, твой крестец, Санчо, – возразил Дон Кихот, – задубел уже давно, и вряд ли по большому счёту, способен что-либо чувствовать, но мой, приученный к рубашкам из тончайшего сукна, несомненно, поболее чувствует боль от всяких побоев. И если бы я не предвидел, что... да что там предвидел?... если бы я, зная точно, что все эти тычки достанутся нам из-за того, что мы взяли в руки оружие, я бы тут же получил удар от праведного гнева.

На это ответил ему верный оруженосец:

– Господин мой, поскольку урожай этих несчастий напрямую сопровождает путь любого рыцаря, скажите мне, ваша милость, они происходят всегда или какое-то ограниченное время, и это всё когда-нибудь да закончится? Мне кажется, что после двух таких обильных урожаев третий нам уже не собрать, если Бог по своей бесконечной милости не спасёт нас!

– Учти, друг Санчо, – ответил дон Кихот, – что жизнь ходячих рыцарей подвержена тысяче опасностей и злоключений, ни больше, ни меньше, но только благодаря таким испытаниям и только в результате их бродячий рыцарь в конце концов становится королём или императором, как показал опыт многочисленных и разнообразных рыцарей, чьи истории прямо частоколом стоят у меня перед глазами. И я мог бы много тебе нарасказать полезного на сей счёт, если бы не боль в спине, я бы просветил тебя, мой доблестный друг, как они только благодаря своим доблестям и силе своих рук, даже если им и после этого приходилось сталкиваться с лишениями и бедами, в конце концов становились повелителями островов и хозяевами жизни и богатств!

Ибо к примеру храбрый Амадис Галльский однажды оказался во власти смертельного врага своего чародея Аркалая, о чарах которого он хотя и догадывался загодя, но который сперва привязал его к колуны во дворе, а потом обрушил не менее двухсот могучих ударов вожжей по его спине, о чём у меня имеется ясное и сформировавшееся представление. И есть еще один мизерный, малоизвестный и не заслуживающий ни какого внимания автор, который говорит, что рыцаря Феба однажды обманом затащили в ловушку в некоем замке, и он там провалился сквозь гнилой пол, и оказался в подземелье, где ему, связанному по рукам и ногам, всадили ведёрный клистир из воды, снега и песка, после которого он едва не окочурился, и не попал на тот свет, и если бы не подмога великого колдуна и мага, его личного друга, пришлось бы ему очень худо. И если таким прекрасным и добрым людям пришлось иной раз страдать столь сильно от рук кривды, и вытерпеть такие напасти и неприятности, то уж что говорить о нас, скромных и непритязательных людях! Санчо, учти при этом, что те оскорбления и горести, каким они подвергались, были не чета нашим и самыми большими неприятностями являются те, которые прошли они, а не те, которые мы сейчас проходим. Ибо позволь тебя просветить, Санчо, знай, что раны, которые наносят оружием, случайно оказавшемся в руках, не могут умалить ничьей чести, ибо правила, регулирующие поединки, гласят, что если сапожник даёт другому колодкой, которая оказалась у него в руке, по башке, так это не говорит

о том, что того отдубасили палкой, и это не значит, что он вообще был избит. Я говорю это потому, чтобы ты не думал, что, если нас эти мерзавцы издубасили почём зря, то мы при этом были унижены, потому что оружие, которое те люди приносили, с которым нас лупили, было не чем иным, как жалкими дубовыми колами, и ни один из них, поправь меня, если я ошибаюсь, не имел при себе ни рапиры, ни меча, ни кинжала.

– У меня не было ни секунды, чтобы оглядеться, – ответил Санчо, – и увидеть, чем они там орудовали, потому что только я положил руку на мой буланый меч, как они свернули мне все плечи своими соснами, так что у меня искры из глаз посыпались и ноги подкосились, уложив меня туда, где я до сих пор пребываю, и где я был бы счастливецом, если бы у меня одна душа болела, мне ли теперь раздумывать, было ли это оскорбление или нет, и запятнана ли моя душа, когда вся моя спина в синяках и ссадинах и более напоминает отбивную, чем спину человека?

– При всем этом я должен тебе дать знать, братец, – возразил Дон Кихот, – что нет памяти, над которой время не властно, и нет боли, которую бы не излечила смерть!

– Какое же несчастье может быть хуже того, – спросил Санчо, – от которого ждёшь, что только время может поглотить его и которое излечивается только смертью? Если бы это наше злочастье излечивалось парой припарок или пластырей, дело было бы не так уж плохо, но я вижу, что всех клистиров в больнице не хватит, чтобы поставить нас на ноги и привести в надлежащий вид!

– Оставь меня в покое, Санчо! – ответил дон Кихот, – Равняйся на меня! Бери с меня пример, и лучше посмотри, что там с Росинантом, который, как мне кажется, изведаль несчастий и побоев не меньше нашего!

– Я ничему не удивлюсь, – ответил Санчо, – что он, будучи так же, как вы, благородной, странствующей скотиной, получил всё сполна, одно удивительно, что мой осёл вышел из этиз вод совершенно сухим, когда мы вышли из них без рёбер.

– Учти, Санчо, Фортуна всегда держит свои двери приоткрытыми, – сказал Дон Кихот, – Говорю это, потому что эта ушастая тварь теперь может восполнить для меня недостаток Росинанта, отвезя меня отсюда в какой-нибудь гостеприимный замок, где я вылечу свои раны. И более того, я не стану брезговать такой кавалерией, потому что помню, как читал некогда, что тот добрый старый силен, Айо наставник и педагог радостного Бога Смеха, когда он въезжал в стовратные Фивы, чрезвычайно ликовал, радуясь своему рыцарскому удовольствию и гарцуя на очень красивом осле.

– Правда, конечно, конечно хорошо гарцевать рыцарем, как говорит ваша милость, будучи в седле, – ответил Санчо, – но есть большая разница, чем ехать рыцарем, лёжа поперёк седла, как мусорное ведро!

На что ответил дон Кихот:

– Ранения, полученные в сражениях, приумножают честь скорее, чем отнимают её, так что, Санчо, друг мой, больше не спорь со мной, но, как я уже сказал тебе, встань и как можно лучше положи меня на седло так, как получится, и поверь мне, моя любовь к тебе от этого только умножится, если ты умудишься пристроить меня на своём осле, мы должны тронуться отсюда, прежде чем наступит ночь и темнота застанет нас в этом безлюдном, пустом месте.

– Ну, я слышал, как вы только что сказали, сэр, – сказал Панза, – что нет большего счастья для блукающих кабальеро, кроме как спать в пустошах и пустынях целый год, и что они почитают это просто благодатью Фортуны!

– Да! Это так, – сказал Дон Кихот, – когда у вас нет никакого выбора, или когда вы влюблены, и это так же верно, как был рыцарь, который стоял на скале, на солнце и в тени, в ненастьях с неба, и так было два года и всё это без ведома его госпожи! И такой же был Амадис, когда, назвав себя Красой Мрака, удалился в Сухую Стрёмь, не помню точно, то ли на восемь лет, то ли на восемь месяцев, даже не скажу точно, отчего, но чем-то там провинившись, он

хотел там понести достойное покаяние перед своей Мадмуазель Орианой. Но давай прекратим эти пустопрожние разговоры, Санчо, и закончим их, пока не случилось ещё одно несчастье, теперь уже с нашим ослом, ещё худшее, чем с нашим Росинантом!

– Ой, сглазите вы! – сказал Санчо.

И, тридцать раз ойкнув и шестьдесят айкнув и вздохнув, и сто двадцать прокляв того, кто привел его туда и был причиной его несчастий, он встал, скрючившись на полпути наподобие радуги, и не в силах окончательно выпрямиться, из последних сил взнуздал своего осла, который тоже изрядно пригорюнился от происшествий того дня. Затем он поднял и Росинанта, который, будь у него человеческий язык, мог бы начать жаловаться и скулить столь красноречиво, что наверняка превзошёл бы в своём красноречии и Санчо, и даже самого дон Кихота.

В итоге Санчо утвердил Дон Кихота на своём осле и подвязав Росинанта сзади, и, взяв осла кабальеро под уздцы, он направился к тому месту, где как ему казалось, могла пролегать большая дорога. И поскольку ему в этом деле сопутствовала удача, то, не пройдя и мили, как выскочил на большую дорогу, на которой оказался большой постоялый двор, который, по мнению Дон Кихота, должна был быть замком. Санчо принялся убеждать дон Кихота, что это постоялый двор, а его хозяин уверял, что это не что иное, как замок, и так, продолжая прения, и даже не выяснив, что это такое, они добрались до постоялого двора, и Санчо вошёл в постоялый двор, без всякого сомнения, со всей своей поклажей.

Глава XVI

О том, что случилось с хитроумным Идальго на постоялом дворе, который он вообразил неким замком.

Хозяин замка, увидев, что Дон Кихот висит поперёк осла, спросил Санчо, что за злоключение с ними стряслось. Санчо ответил ему, что ничего примечательного с ним не случилось, просто рыцарь свалился со скалы, и, кажется, немного поломал рёбра.

Хозяин сразу стал суетиться, чая как-то поучаствовать в судьбе несчастного горемыки, покалеченного таким суровым образом, и размышляя, как тому помочь, чтобы подлечить Дон Кихота, повелел своей дочке, которая подрабатывала там горничной, девушке очень воспитанной и приятной на вид, помочь исцелить раны своего гостя. Помимо того, у хозяина была ещё одна служанка, девица из Астурии, толстомордая, широкоскулая, со срезанным подбородком, крючковатым носом, в придачу к другим несравненным красотам одноглазая и с другим глазом, которым она едва видела. Правда же заключалась в том, что стройность и совершенство её тела скрадывало другие её недостатки: в ней не было и семи пядей от ног до головы, а была выгнутая горбом спина, которая её сильно обременяла, заставляла её всё время утыкаться взглядом в землю. Эта красотуля помогла хозяйской дочке, и обе они наперебой помогая друг другу, сварили очень скверную кроватку Дон Кихоту в сарае около дома. Сарай этот, несмотря на явные переделки, сохранял все очевидные признаки того, что внутри сарая долгие годы был птичник, а теперь он использовался, как сеновал. Как выяснилось на этом сеновале также размещался некий арендодатель, у которого его ложе располагалось неподалёку от ложа нашего Дон Кихота, и хотя оно было сооружено из сёдел, попон и старых одеял, оно имело несравненно много преимуществ перед каменным ложем Дон Кихота, которое состояло только из четырёх плохо оструганных досок, уложенных на двух не очень равных скамейках, и матрас, такой тонкий и такой убитый, что казался покрывалом, полным клоков шерсти, которые торчали из него в разные стороны, и по краям едва ли не напоминала своей твёрдостью булыжники, и двух простынь из адарговой кожи, годной только на обшивку рыцарских щитов, да покрывала, вытертого так, что его щетины можно было бы легко пересчитать на пальцах одной руки.

На этой треклятой кровати и возлежал Дон Кихот, когда явились хозяин и его дочь, принявшиеся тут же врачевать его, так что не прошло и получаса времени, как он снизу доверху был весь облеплен пластырями и замотан бинтами, а кривобокая астурийская Мариторнес (так звали горбатую астурийку) стояла поодаль со свечой, освещающая сарай тусклым колеблющимся светом.

Склонившись над лежащим недвижно дон Кихотом, и осмотрев его, ушлая и пронырливая хозяйка тут же смекнула, что синяки, коими покрыто было всё тело нового постояльца, не могли быть результатом случайных ушибов, а являются следствием сильных побоев, о чём она тут же и не преминула заявить.

– Нет, что вы? Это были не побои, упаси вас бог даже подумать, что это были побои, – стал отпираться Санчо, – это была скала, несомненно скала, и такая, надо сказать, острая и так усыпанная шипами, что мой хозяин, падая по ней и делая на своём пути разные кульбиты, так прошёлся по ней, как стиральная доска проходится по грязным штанам.

А потом он добавил, обращаясь к ней, вот что:

– Сделайте такую милость, сударыня, не будете ли вы столь любезны подкинуть хоть сколько-нибудь пакли, если она всё ещё осталась у вас в заглазнике, потому что уж больно мои чресла побаливают теперь!

– В таком случае, вы тоже, должно быть, случайно гикнулись со скалы, не так ли? – с улыбкой сказала хозяйка.

– Честное слово, я не гикнулся, – сказал Санчо Панса, – но от испуга, который я испытал, когда увидел, как мой хозяин бурно кувыркается на скале, я настолько воочию представил, как больно моему хозяину, что мне до сих пор кажется, что мне дали тысячу палок! У меня ужасно сильное воображение!

– Это и вправду, случается порой! Может быть и так! – неуверенно сказала служанка, – Мне тоже часто снится, что я падаю с башни вниз головой, но чуть не долетев до земли, я всегда просыпаюсь, и всегда после этого так разбита и изломана, как будто шмякнулась на землю в самом деле.

– Весь прикол в том, мадам, – ответил Санчо Панса, – что я, не находясь ни одним глазом в сновидениях, но будучи более бодрым и выспавшимся, чем сейчас, испытывал такую же жестокую боль, как мой избитый скалами и потёртый ущельями хозяин!

– Как зовут этого джентльмена? – спросила астурийка Мариторнес.

– Дон Кихот Ламанчский, – ответил Санчо Панса, – и он авантюрный рыцарь, весь в поисках приключений и поэтому путешествующий по миру, и, надо признать, один из лучших и сильнейших путешественников среди всех, какие когда-либо встречались в этом мире!

– Что такое авантюрный рыцарь? – всплеснула руками девица.

– Вы что, только вчера на свет повылазили, что не знаете этого? – возмутился Санчо Панса, – Знайте, сестра моя, что авантюрный рыцарь – это та ещё штука! Сегодня он голоден и избит, а завтра он император большого острова, сегодня самое несчастнейшее и самое несчастное из всех существо в мире, и завтра у него на голове две или три короны разных королевств, да ещё каких королевств, и надо вам знать, что иные из них он сразу готов подарить своему оруженосцу!

– Ну, и как же вы, если к вам так добры, – сказала хозяйка, – не имеете до сих пор, как мне кажется, в своём владении даже какой-нибудь заскорузлой провинциальной дыры?

– Ишь, чего захотели! Время ещё не пришло для того, – ответил Санчо, – потому что мы ищем приключений только всего один месяц и до сих пор не сталкивались ни с чем стоящим, и, так уж получается, что мы ищем одну вещь, а всё время находим другую. Правда, если мой господин Дон Кихот умудрится излечиться от побоев и тычков, тфу ты, от ушибов, а сам я не стану безнадёжным инвалидом, то, клянусь честью, я буду ходить мимо самых крутых дворяшек Испании, гордо задрав нос.

Все эти разговоры, как оказалось, Дон Кихот слушал очень внимательно, а как только смог, он привстал на кровати, и, взяв за руку хозяйку, сказал ей:

– Поверьте мне, прелестнейшая из синьор, что вы можете с должным основанием называть себя царицей хозяек только за то, что вы приняли и обиходили в этом замке такого человека, как я, и что, если я не хвалю чрезмерно себя и свою персону, то лишь потому, что как говорит народная молва – похвала унижает величие, и мой оруженосец лучше сам расскажет вам, кто я такой. Я просто говорю вам, что я буду вечно помнить услугу и то внимание, которые вы мне оказали, и вечно буду благодарить вас за это благодеяние, пока будет длиться моя жизнь! Я готов признаться вам, что если бы так не сложилось, что моё сердце оказалось опутано любовной паутиной, закабалив меня и оставив навек во власти глаз прекрасной волшебницы, имя которой возникает на моих устах не иначе, как с тихим присёрбыванием, то глаза этой прекрасной девицы стали бы хозяевами моего сердца и моей свободы!

Все три дамы слушали дон Кихота в величайшем смущении, смешанном с ещё большим недоумением, то, о чём он говорил, было для них закрытой книгой, и это всё было совершенно

недоступно их затупевшим мозгам. Они понимали бы его лучше, если бы он говорил на древнегреческом языке, хотя они прекрасно понимали, что всё сказанное представляет из себя непрерывный поток витиеватых и чрезвычайно выпренных комплиментов, но их неловкость была так велика, что ни одной из них не приходило в голову, как же отвечать на такое, поэтому они только хлопали на него глазами и помалкивали.

В общем, можно сказать, что они смотрели на него, как обитатели планета Земля смотрят на инопланетянина, свалившегося по ошибке на Землю. Наконец хозяйка пожелала всем спокойной ночи и ушла из сарая вместе с дочкой, а Мариторнес занялась болячками Санчо, которому медицинская помощь нужна была в ещё большей степени, чем дон Кихоту. Наконец Астурийская Мариторнес исцелила Санчо, и тоже ушла, оставив дон Кихота и Санчо наедине.

Незадолго до этого погонщик успел сговориться с Мариторнес, что в эту ночь им было бы неплохо повеселиться вместе, и она дала ему слово, что, как только гости утомятся и уснут, она придёт к нему и удовлетворит все его самые причудливые прихоти и фантазии, какими бы они ни были. А про эту хорошенькую девицу поговаривали, что она никогда не бросала слов на ветер, и не было таких обещаний, которые не могла или не хотела бы исполнить, даже если она давала их на горе, в густом лесу и без свидетелей, потому что она очень похвалялась своим дворянским происхождением, и всем рассказывала, что не имела до этого никакого отношения к тому, чтобы служить на постоялом дворе, и только несчастья и злодеяния вообще забросили её в это гнусное государство, не говоря уж о этой гнусной дыре, где она служит.

Суровый, длинный, худой и бледный Дон Кихот плашмя лежал посреди конюшни, сквозь редкие стропила крыши которой в помещение всё время заглядывали мириады счастливых звезд, а совсем рядом с ним лежал Санчо, под которым лежал только в усмерть убитый мат и одеяло, которое демонстрировало больше пакли, чем шерсти. Вот что творилась с этими двумя ложами, а что касалось погонщика, то он изловчился устроиться получше, изготовив, как уже было сказано, своё лежбище из попон, седел и хомутов двух своих лучших мулов, из числа тех, каких он пригнал, а их было на круг двенадцать, раскормленных, толстых и знаменитых своей породистостью, потому что он был одним из самых богатых погонщиков Арвало, как говорит автор этой истории, который особо упоминает этого погонщика, потому что знает его очень хорошо, и даже чуть ли не стал считать его роднёй, отчего много раз упомянул в своём бессмертном произведении. Вообще само повествование говорит нам, что Сид Махмут Бенгали был очень любопытным и очень пунктуальным историком во всех вещах, и посмотрите, обо всём, о чём идёт речь в этом потрясающем повествовании, включая самые мизерные и ничтожные детали, он и их не стал замалчивать и все ввёл в Историю! Вот где могут брать пример серьёзные историки: они рассказывают нам свои истории так коротко, скупно и лаконично, что те едва доходят до нас, оставляя суть дела в чернильнице, дабы известно, что бывает и так, что по усам текло, а в рот не накапало, и неважно, по небрежности ли это случилось, по злобе или невежеству произошло, самое главное – результат. И в этом смысле да будут вечно вознесены автор книги Рикамонта Таблядского и автор другой книги, в которой рассказывается о деяниях графа Томильского, – и с какой же пунктуальностью и дотошностью они всё тут описывают!

Я уже говорил, что погонщик, навестив и тщательно пересчитав по головам своих мулов, отсыпал им корма, а затем залёг на свои попоны и сёдла, прищипывая свою фантазию в ожидании жарких объятий своей любимой служанки Мариторнес. Санчо, весь в пластырях и припарках, лежал, и, хотя старался заснуть, боль в боках не позволяла ему этого сделать. Дон Кихот тоже не мог заснуть, и от боли его глаза были непрерывно раскрыты, как у зайца в поле. Постоялый двор полностью погрузился в тьму и безмолвие, и только над входом горел одинокий тусклый фонарь.

Эта чудесная тишина, и мысли, которые всегда наш рыцарь заимствовал из событий, которые на каждом шагу рассказываются в книгах авторов и их несчастьях, заставляли оживить

в воображении воображение одно из самых безумных и странных видений, какие себе можно представить в здравом уме и памяти, а именно то, что он воображал, что пришел в знаменитый замок, а он, как вы уже можете догадаться, принимал все попадавшиеся на его пути постоянные дворы и постоянные дворы, где ему приходилось останавливаться – за замки, и что дочь хозяина, то бишь дочь владыки замка, которая, сражённая его нежностью, по уши влюбилась в него и пообещала, что в ту ночь, в тайне от своих родителей, придет к нему побаловаться, и, увлечшись всей этой химерой, которую он вообразил для себя и высосал из пальца под дырявым пологом своего сарая, он принял за нечно основательное, реальное и даже непреложное, а потом загрустил и начал размышлять и думать о том опасном опыте, в котором его честность могла быть подвергнута сомнению, и почёл за лучшее в сердце своём никогда не совершать адюльтера своей госпоже Дульцинее Тобосской, даже если пред ним вдруг предстанет мега-королева Аквитании Дженевра вкупе с лучшей своей придворной дамой доньей Кинтаной.

Погрузившись с головой во все эти глупости, он уже не замечал хода времени и едва не прошляпил тот момент, когда намечалось второе пришествие астурийки, которая наконец-то, в одной ночной рубашке и босиком, охватив волосы на голове крупной чёрной сеткой, тихим и трепетным шагом впорхнула в комнату, где находилась вся эта троица, расставив руки в поисках погонщика.

Но едва она добралась до двери, как Дон Кихот почувствовал ее по запаху, и, сев на кровати, несмотря на свои пластыри, бинты, а также и боль в рёбрах, протянул руки, чтобы схватить свою прелестную служанку. Астурийка, которая все молча пробиралась к своему суженому погонщику, прошла вперёд, в полной темноте разыскивая его, и вдруг наткнулась на руки Дон Кихота, который крепко схватил ее за запястье, и, рванув на себя, не произнося ни слова, заставил её сесть рядом с собой на кровать. Затем, ощутив на ощупь её сорочку, сшитую из грубой мешковины, он решил, что это тончайший шёлк поразительной восточной выделки. Хотя на запястьях у неё были обычные дешёвые стеклянные бусы, дон Кихоту тут же пригрезилась россыпь драгоценных восточных жемчужин. Волосы, в точности походившие на растрепанную конскую гриву, он представил убранными прядями сияющего Аравийского золота, сияние которого затмевает блеск Солнца. А дыхание, которое, несомненно, отдавало душком скисшего салата, ему показалось мягкой и ароматной амброзией и, наконец, он целиком таким же способом нарисовал её в своем воображении, слив её облик с обликом другой принцессы, о которой он прочитал когда-то в книгах, и которая пришла, чтобы увидеть злобного раненого рыцаря, побежденного её любовью, одевшись, как подобает в подобной ситуации. И наш идальго до того погрузился в самообман, что ни ощущение от прикосновения, ни противное дыхание, ни прочие вещи, которые таила в себя добрая девка, и которые не могли быть приятны никому, кроме похотливого погонщика, не мешали ему и не могли разуверить его, напротив, ему всё в большей степени казалось, что он держит истинную богиню красоты в своих крепких и нежных объятиях.

И крепко обняв её, с любовными модуляциями, низким, страстным голосом он ей стал нащёптывать на ухо:

– Я хотел бы найти подходящие слова, о пречистая и прекрасная леди, чтобы иметь возможность отблагодарить вашу милость, за то великое благо, которое было явлено мне в тот момент, когда вы позволили мне созерцать вашу несравненную красоту! Я так хотел отблагодарить вас за ваше милосердие, что почти не замечал ударов судьбы, готовых помешать этому! Я не замечал превратностей судьбы, которая не устаёт преследовать добрых и праведных, уложив меня на это больничное ложе, и сокрушая все мои возможности и делая невозможным возможность отблагодарить вас за вашу несравненную доброту! И ещё, что добавляет к этой невозможности еще одну большую невозможность, которая является последствием моей клятвы, данной Дульцинее Тобосской, единственной даме моих тайных желаний, и если бы это было не так, и если бы предо мной не стояло столько суровых запретов, то я уж, поверьте мне,

не ударил бы лицом в грязь, и конечно воспользовался бы возможностями, предоставленных мне вашей несравненной добротой!

Мариторнес уже просто извивалась в объятиях дон Кихота и, не разбираясь, что он там говорит, пыталась, не отвечая ни слова, ускользнуть из его рук. Бравый погонщик, которого обуревали нечистые желания, с того момента, как

в дверь вошла его любовница и он почуял её запах, всё время внимательно слушал всё, что говорил Дон Кихот, и, заходясь от ревности тому, что астурийка устраивает шашни с другим, с другой стороны подошел ближе к кровати Дон Кихота и остановился, ничего не понимая, чтобы послушать, куда дело клонится, но, увидев, что девка отчаянно дёргается, а Дон Кихот хватает и не выпускает её, словно в насмешку, погонщик что было сил размахнулся и так страшно ударил по узкой челюсти влюбленного джентльмена, что весь его рот залился кровью, и, не удовольствовавшись этим, забрался ему на грудь, и быстрой рысью ужасно немилосердно прошёлся кулаками по всем его членам, включая рёбра и ноги.

Ложе, которое покоилось на шатком и явно непрочном основании, не могло вынести добавки в виде тела тучного погонщика, и оно тут же рухнуло под его тяжестью на землю, произведя дикий грохот, мгновенно разбудивший хозяина, который тут же предположил, что виной всему должны быть проделки Мариторнес, потому что, когда он стал звать её, ответа не было. Начиная что-то подозревать, он встал и, вслепую, зажмурившись, пошёл туда, где по всем признакам происходило побоище. Девица, увидев, что пришёл её хозяин и что он находится в великой ярости, мгновенно забралась на кровать Санчо Пансы, который всё еще спал, и там, в углу свернулась в клубок.

Хозяин завопил:

– Где ты, сука? Я вижу, это твои шашни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.